

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

MÉMOIRES

DE

L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES DE ST.-PÉTERSBOURG.

VIII. SÉRIE.

ПО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЮ | CLASSE HISTORICO-PHILOLOGIQUE.

Томъ III. № 5.

Volume III. № 5.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1897 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1899. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

М. И. Глазунова, М. Эггера и Кома. и К. Л. Ринкера
въ С.-Петербургѣ,
И. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ
и Варшавѣ,
М. В. Ильмина въ Москвѣ,
Н. Я. Оглобина въ С.-Петербургѣ и Киевѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ,
Фоссъ (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

MM. J. Glasounof, Eggers & Cie. et C. Ricker à
St.-Petersbourg,
N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou et
Varsovie,
M. Klukins à Moscou,
N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kief,
N. Kummel à Riga,
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цена: 1 р. 80 к. — Prix: 4 Mk. 50 Pf

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1899 года. Непремѣнный секретарь Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отчетъ о тридцати девяти присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25 сентября 1897 г. Непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ Н. Ѳ. Дубровинимъ.	1— 15
Разборъ сочиненія г. Кроткова: «Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ Петромъ Великимъ, въ 1702 году». Рецензія отставнаго подполковника С. Огородникова	17— 25
Разборъ сочиненій Г. А. Воскресенскаго: Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв. VIII + 304, 8 ^о , Москва, 1896 г. (Изъ «Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1896 г.) — Его-же: Древне-славянское Евангеліе. — Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста съ разночтеніями изъ ста восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв. I + 403 + IV, 8 ^о , Сергіевъ Посадъ, 1894. — Его-же: Древне-славянскій Апостолъ. — Посланія святаго апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостолскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Выпускъ первый. Посланіе къ Римлянамъ. I + 228, 8 ^о . Сергіевъ Посадъ, 1892. Рецензія М. Сперанскаго	27—151
Разборъ сочиненія В. Т. Георгіевскаго: Флорищева пустынь. Историко-археологическое описаніе съ рисунками. Изданіе архимандрита Антонія. Вязники 1896 г. Рецензія профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскаго	153—156
Разборъ сочиненія «Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I», историко-юридическое изслѣдованіе проф. Щеглова. Рецензія профессора Военно-юридической Академіи и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета М. И. Свѣшнікова	157—174
Разборъ сочиненій: I. Очерки изъ литературной исторіи Синодника. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы Е. В. Пѣтухова. Спб. 1895. II. Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Е. В. Пѣтухова. Спб. 1898. Рецензія профессора А. И. Соболевскаго	175—181

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ 25 СЕНТ. 1897 Г.

НЕПРЕМЪННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМИКОМЪ Н. Ѳ. ДУБРОВИНЫМЪ.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ нынѣшнемъ году было представлено 15 сочиненій, изъ коихъ три, за недоставленіемъ рецензій, отложены до слѣдующаго конкурса. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова и гг. академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, В. Г. Васильевскаго, А. А. Куника и А. А. Шахматова.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, коммиссія для подробнаго разбора ихъ избрала рецензентовъ и пригласила доставить свое заключеніе и оцѣнку къ назначенному для того сроку.

По полученіи отзывовъ, и по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, коммиссія положила присудить премію въ тысячу рублей сочиненію члена-корреспондента Академіи Ив. Ник. Жданова: „Русскій былевой эпосъ“. С.-Петербург., изд. 1895 г.

Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. Н. Веселовскій.

„Въ книгѣ проф. Жданова, говоритъ рецензентъ, соединены пять этюдовъ, появившихся разновременно въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ (Живая Старина, Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія) и посвященныхъ, каждый, разбору одной какой-нибудь былины или былевого сюжета. Въ предисловіи высказано нѣсколько взглядовъ на отношенія эпической пѣсни къ ея историческимъ, бытовымъ, сказочнымъ и литературнымъ источникамъ; отдѣльные этюды являются какъ-бы доказательствомъ общихъ положеній, а вмѣстѣ и матеріаломъ, изъ которыхъ они извлечены. Объ этихъ положеніяхъ, выраженныхъ ясно, но нѣсколько лаконично, можно спорить, опираясь отчасти на книгу самого автора, но это — вопросъ частной критики; въ общемъ новый трудъ проф. Жданова отличается тѣми же достоинствами метода, какъ и его первая диссертация „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, о которой я далъ отчетъ въ свое время (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, февраль)“.

Въ послѣдніе годы русской эпосъ видимо привлекаетъ вниманіе изслѣдователей; явились если не школы, то направленія, сѣверное и южное, восточное и южно-славянское; сравнительная ограниченность былевого матеріала, недостатокъ старыхъ записей и отсутствіе перспективы на почвѣ самого эпоса все это невольно увлекало къ гипотезамъ, которыя должны были сразу освѣтить со стороны, тогда какъ настоящій свѣтъ долженъ исходить изнутри, изъ изученія каждой былины или былевой группы въ отдѣльности, въ ея вариантахъ, накопившихся со временемъ и дающихъ матеріалъ для внутренней исторіи пѣсни. Трудъ кропотливый, требующій не только терпѣнія, но и остроумія и большого запаса знаній и стало быть, большой начитанности въ смежныхъ областяхъ славянскаго и европейскаго фольклора. Книга проф. Жданова отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, часто съ лихвой: нерѣдки у него выходы въ сторону по поводу той или другой мелочи, и общій планъ на время раздается, чтобы дать мѣсто цѣлому экскурсу, богатому выводами.

„Какъ и слѣдовало ожидать, говоритъ А. Н. Веселовскій, на почвѣ текучаго преданія, захваченнаго записью и

наукою сравнительно такъ недавно, эти выводы не всегда безспорны и убѣдительно, но это часто не зависитъ отъ приѣмовъ изслѣдованія, а и отъ качества матеріала. Поставьте вопросъ на почву западной литературы, и тамъ откроется такая же область, полная исканій и гипотезъ, когда, напр., ставится вопросъ о сложеніи большихъ народныхъ эпоей изъ былевыхъ пѣсенъ-кантиленъ и т. п.; и тамъ такой же, не заполненный фактами пропускъ, какъ между нашими былинами и ихъ исторической или сказочной основой.

„Болѣе двухъ третей книги занимаютъ статьи: „Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ“ и „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславывичъ“. Содержаніемъ текста, легшаго въ основу первой главы, мнѣ приходилось заниматься не разъ: авторъ присоединилъ нѣсколько цѣнныхъ указаній къ первой ея части, которыя я, въ свою очередь, умножилъ въ статьѣ, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. I, кн. 4 (Сказанія о Вавилонѣ, скинии и св. Градѣ). Но главное вниманіе проф. Жданова обращено было на вторую часть его темы, на сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ и на легенду о перенесеніи на Русь византійскихъ императорскихъ инсигній; это и дало ему возможность приурочить „Повѣсть о Вавилонѣ“ къ былевому эпосу. Его попытка возстановить при помощи историческихъ легендъ древнюю схему быliny о „Семи богатыряхъ“ очень остроумна, хотя она-то и вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія — въ связи съ однимъ изъ положеній его предисловія: я разумѣю вопросъ объ отношеніи былевого преданія къ его исторической основѣ.

„Пѣсня о Васильѣ Буслаевичѣ“ вызываетъ другого рода вопросъ: о значеніи аналогіи при критикѣ народно-поэтическихъ данныхъ. Задача автора заслуживаетъ вниманія: даны быliny, записанныя относительно недавно, съ одной, притомъ, поздней, прицѣпкой къ исторіи Новгорода, съ одной, можетъ быть, случайной добавочной подробностью въ побывальщинѣ. Авторъ даетъ той и другой чертѣ особое значеніе, потому что начитанъ въ аналогіяхъ: сравненіе съ цѣлымъ рядомъ, между прочимъ, западныхъ легендъ,

приводить его къ построению древнѣйшей, не дошедшей до насъ былины о Васильѣ, сохранившейся лишь въ позднемъ, скоморшьемъ пересказѣ, въ которомъ многое забыто, иное наново освѣщено (напр., паломничество) и всему данъ трагическій конецъ. Я оправдываю методъ автора, сомнѣваюсь лишь въ средствахъ; сходству былины съ легендою о Робертѣ Дьяволѣ дано неподобающее значеніе, тогда какъ другія параллельныя сказанія могли бы ближе освѣтить первообразъ пѣсни, не подвергая дошедшую до насъ версію излишней критической ломкѣ. Былина о Васильѣ въ настоящемъ своемъ составѣ представляется мнѣ на столько пѣльною психологически, что не вѣрится въ нее, какъ въ результатъ скоморшьяго пересозданія.

„Остальныя главы книги я разбирать не стану. Пѣсни о князѣ Романѣ отразили преданіе о Романѣ Мстиславичѣ, пѣсни о князѣ Михаилѣ — преданія о Михаилѣ Романовичѣ Брянскомъ. Тамъ и здѣсь произошелъ рядъ смѣшеній и перемѣщеній, вслѣдствіе чего, напр., князь Михайло обратился съ теченіемъ времени изъ защитника дѣвушки въ ея похитителя и т. п. Такого рода метаморфозы возможны и извѣстны въ народной пѣснѣ, въ которой историческій моментъ часто искажается, подчиняясь схемѣ заходяго преданія. Такъ, легенда о Соломоновой женѣ повліяла на пѣсню о Романѣ и, наоборотъ, заходяя сказка принимала форму былины, порой сохраняя старыя имена, чаще замѣняя ихъ фантастическими или мѣстными, историческими: Соломонъ очутился Васильемъ Окульевичемъ, сказка „О вѣщемъ снѣ“ переработана въ былинку съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Вопросы, поднятые авторомъ по поводу послѣдней, теоретическіе. Этому элементу теоріи, какъ и качеству критическихъ приемовъ, я даю особое значеніе: иные результаты, полученные авторомъ, могутъ быть отмѣнены, не оказавшись на высотѣ новыхъ фактическихъ откровеній, но работа въ этой области будетъ идти по его пути и слѣдамъ его работы, заслуживающей полной преміи графа Уварова“.

Неполныя преміи въ 500 рублей присуждены сочиненіямъ:

І. Апол. Семенов. Кроткова, генераль маіора, — „Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ Петромъ Великимъ въ 1702 году“. С.-Петербург. изд. 1896 г.

По приглашенію Академіи оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя Степ. Ѳедор. Огородниковъ.

Приступая къ изслѣдованію крайне-любопытнаго эпизода изъ исторіи Сѣверной войны о взятіи Петромъ Великимъ шведской крѣпости Нотебурга, авторъ говоритъ, что поводомъ, вызвавшимъ его трудъ, послужило появленіе въ Военномъ Сборникѣ статей гг. Вобровскаго и Масловскаго: „Завоеваніе Ингріи“ и „Первая боевая дѣятельность Петра Великаго“. Желая пополнить эти статьи имѣвшимися у него данными, г. Кротковъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ своего изслѣдованія ссылается на источники, давшіе ему возможность всесторонне обслѣдовать вопросъ о взятіи Нотебурга.

Основанное на изученіи печатныхъ источниковъ и на критическомъ къ нимъ отношеніи сочиненіе г. Кроткова составляетъ весьма обстоятельный историческій трудъ, не смотря на то, что автору, при его изслѣдованіяхъ, не пришлось ни разу прибѣгать къ непосредственному источнику, т. е. къ архивамъ. Это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, доказываетъ, до какой степени доведена въ настоящее время разработка источниковъ, и какую вообще неоцѣнимую услугу представляютъ для изслѣдователя нынѣшніе историческіе сборники.

„Въ нашей морской исторической литературѣ, говоритъ рецензентъ, сочиненіе г. Кроткова представляетъ совершенно новый взглядъ на дѣятельность Петра при завоеваніи Нотебурга, такъ какъ предшествующіе писатели взятіе этой крѣпости приписывали неожиданности появленія Петра съ русскими войсками, перешедшими, чрезъ топи и болота Кареліи, на берега Невы въ такое время, когда шведы, видимо, не ожидали этого нападенія. — Посѣщеніе же Петромъ Великимъ Архангельска въ 1702 году ставилось внѣ связи съ этою блестяще исполненною военною операціею.

„Но г. Кротковъ, на основаніи нынѣ изданныхъ печатныхъ матеріаловъ, пришелъ къ слѣдующему не безъинтересному выводу: „Путешествіе Петра I въ Архангельскъ съ войскомъ, съ дипломатическою канцелярією, съ сыномъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, было вызвано не дѣйствительною опасностью, грозившею Архангельску, а желаніемъ Петра сохранить свой дѣйствительный планъ, свое дѣйствительное намѣреніе въ тайнѣ отъ противника“.

„Этотъ же выводъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, авторъ поясняетъ такъ: „Второго нападенія на Архангельскъ шведы и не предполагали дѣлать; второе нападеніе шведовъ нужно было для плановъ Петра, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ настоящаго плана — взятія крѣпости Нотебурга на Ладожскомъ озерѣ осенью 1702 года“.

Чтобы фактически доказать свой выводъ, г. Кротковъ воспользовался всѣми печатными пособіями, относящимися до первой боевой дѣятельности Петра Великаго при началѣ Сѣверной войны, а самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ изслѣдованіяхъ автора послужили первые два тома писемъ и бумагъ Петра Великаго (съ 1688 по 1703 годы), изданные академикомъ А. Θ. Бычковымъ въ 1887 и 1889 годахъ.

Слѣдя подробно за содержаніемъ сочиненія, С. Θ. Огородниковъ въ своей обстоятельной рецензіи указываетъ нѣкоторыя, впрочемъ небольшіе недостатки и упущенія и въ общей оцѣнкѣ приходитъ къ заключенію о важныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ рассматриваемаго сочиненія.

„Нельзя не обратить вниманія, говоритъ онъ, на самый способъ изложенія, и на вытекающую изъ него занимательность разсказа. Книга читается легко; встрѣчающіяся въ ней частыя повторенія, или, вѣрнѣе итоги, не вредятъ общему очерку событій, а ведутъ лишь къ убѣжденію читателя, получающаго чрезъ эти итоги полную возможность оріентироваться и приходитъ къ исконому соглашенію съ авторомъ“.

Полнота указываемыхъ въ сочиненіи печатныхъ источниковъ, тщательный ихъ подборъ, изученіе и дѣлаемая искусно сопоставленія для всесторонняго выясненія какъ существовавшаго у Петра

плана относительно Нотебурга, такъ и самаго способа приведенія этого плана въ исполненіе, вполнѣ доказываютъ главный тезисъ автора, послужившій для историческаго изслѣдованія: что именно вызвало путешествіе царя Петра въ Архангельскъ въ 1702 году?

„Изслѣдованіе г. Кроткова, говоритъ въ заключеніе С. Θ. Огородниковъ, по полнотѣ приведенныхъ свѣдѣній, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, не усматривавшую, до настоящаго времени, видимой связи между предпринятымъ въ 1702 году Петромъ путешествіемъ въ Архангельскъ и взятіемъ шведской крѣпости Нотебурга“.

„Неотъемлемая заслуга автора состоитъ именно въ доказательствахъ существованія этой связи, почему и нахожу справедливымъ рекомендовать благосклонному вниманію Императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Кроткова, и полагаю, что оно вполнѣ заслуживаетъ премію“.

II. Григор. Александр. Воскресенскій. — 1) „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто-двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв.“. Москва, изд. 1896 г.

2) „Древне-славянскій Апостоль. Посланія Св. Апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго Апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв.“. Сергіевъ посадъ издан. 1892 г.

3) „Древне-славянское Евангеліе. Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста съ разночтеніями изъ ста-восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв.“. Сергіевъ посадъ изд. 1894 г.

Рецензія на эти сочиненія составлена, по приглашенію Академіи, профессоромъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Михайломъ Несторовичемъ Сперанскимъ.

Профессоръ Г. А. Воскресенскій давно уже извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе неутомимыхъ славистовъ-изслѣдователей исторіи священнаго писанія въ славянскомъ переводѣ. Его

труды въ этой области, по его собственнымъ словамъ (предисловіе къ изданію „Посланія къ Римлянамъ“, стр. 1), начались еще въ 1873 году. Началь онъ свою дѣятельность по отношенію къ избраннымъ имъ изслѣдованіямъ съ изученія рукописей Апостола сначала по русскимъ библіотекамъ, а затѣмъ присоединилъ сюда и рукописи заграничныхъ библіотекъ. Результатомъ этого вышель его трудъ: „Древне-славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.“ (Москва 1879 г.). Затѣмъ Г. А. Воскресенскій обращается уже къ евангельскому тексту, интересъ къ которому у него начался еще во время работъ надъ Апостоломъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отчетъ о его поѣздкѣ за-границу, вышедшій въ 1882 г. (Сборн. Отд. русск. языка и словесн. Импер. Акад. Наукъ XXXI № 1). Съ этихъ поръ, повидимому, интересъ его и сосредоточивается на евангельскомъ текстѣ, какъ можно судить по его статьямъ, преимущественно критическаго характера, въ Извѣстіяхъ Славянск. благотвор. Общества (1884, № 2), Сборникѣ Отдѣл. рус. яз. Импер. Акад. Наукъ (т. 40, 1886 г.), въ Богословскомъ Вѣстникѣ и проч.

Въ 1884 г. мы уже знакомимся съ первой работой г. Воскресенскаго надъ евангельскимъ текстомъ общаго характера: „Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія“, представлявшей его рефератъ на VI Археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ; рефератъ этотъ, довольно обширный по объему (Труды Съѣзда т. I, 276—306 in 4° Одесса 1886 г.), напечатанъ два года спустя.

„Теперь, замѣчаетъ М. Н. Сперанскій, передъ нами его обширный трудъ, сходный по заглавію и по содержанію съ его рефератомъ. Въ предыдущихъ статьяхъ, особенно въ упомянутомъ рефератѣ, уже выяснились приемы автора, выяснился матеріалъ, а также намѣтились въ значительной степени и выводы. Въ настоящемъ трудѣ авторъ свелъ въ одно цѣлое все, что было имъ сдѣлано до сихъ поръ, измѣнивъ очень немного, даже въ изложеніи (тѣмъ объясняется буквальное сходство въ послѣднемъ трудѣ съ предыдущими: авторъ многія страницы предыдущихъ трудовъ просто перепечаталъ); но зато многое онъ дополнилъ, увеличивъ значительно

матеріалъ, съ которымъ онъ оперируетъ. Такимъ образомъ новый трудъ автора не внесъ много новаго въ выводы его, съ которыми мы познакомились раньше. Поэтому, развивая главный изъ трехъ названныхъ выше въ заголовкѣ трудовъ, мы оцѣниваемъ въ тоже время и предыдущіе труды автора по исторіи евангельскаго текста; поэтому мы ссылаемся на его предыдущіе труды только изрѣдка, когда эти послѣдніе отличаются въ своихъ выводахъ отъ настоящаго, показывая прогрессъ автора, достигнутый имъ за послѣднее время въ области изучаемаго имъ предмета.

„Послѣ цѣлаго ряда, такъ сказать подготовительныхъ работъ, какими приходится считать его болѣе ранніе труды по евангельскому тексту, у автора выработался твердый, опредѣленный методъ изслѣдованія собраннаго имъ богатаго матеріала; методъ этотъ проводится имъ въ цѣломъ и въ частностяхъ съ одинаковой послѣдовательностью; сверхъ того, этотъ методъ (подъ названіемъ „руководительныхъ началъ“) изложенъ г. Воскресенскимъ на первыхъ страницахъ его труда“.

Знакомясь съ этимъ методомъ, оцѣнивая его по сравненію съ методами предшественниковъ и современныхъ ученыхъ изслѣдователей Св. Писанія, уважаемый рецензентъ невольно былъ пораженъ разницей метода проф. Воскресенскаго сравнительно особенно съ работами современной филологіи: необходимо было провѣрить этотъ методъ. Провѣрка метода по богатому матеріалу, данному самимъ авторомъ, убѣдила рецензента съ одной стороны въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей этого метода, съ другой стороны въ его недостаткахъ. Эти послѣдніе, какъ показало болѣе тщательное изслѣдованіе, отразились довольно сильно на выводахъ, изъ которыхъ нѣкоторые нуждаются, впрочемъ, въ исправленіи.

„Я могъ, говоритъ М. Н. Сперанскій, въ силу своего положенія, какъ рецензента, а главнымъ образомъ въ силу обстоятельствъ, не позволявшихъ мнѣ разрабатывать вопросы иначе, какъ ограничиваясь почти исключительно матеріаломъ изъ самаго изслѣдованія проф. Воскресенскаго, да немногихъ печатныхъ изслѣдованій, мнѣ доступныхъ, — я могъ только указать путь къ тѣмъ исправленіямъ, которыя считалъ бы нужнымъ сдѣлать,

какъ въ методѣ, такъ и въ выводахъ автора. Этимъ объясняется тотъ преимущественно методологическій характеръ, который принялъ мой отзывъ: *fecit, quod potuit*“.

Второй трудъ г. Воскресенскаго есть изданіе текста, построенное на основаніи предыдущаго изслѣдованія, хотя и вышелъ онъ раньше. Обширное введение, которымъ снабдилъ авторъ изданіе Св. Марка, есть ничто иное, какъ повтореніе части того, что сказано имъ въ изслѣдованіи, проще сказать — перепечатка. Поэтому, разбору подлежала только новая часть второго труда: она, какъ результатъ изслѣдованія, послужила повѣркою этого изслѣдованія.

„Поэтому, пишетъ рецензентъ, имѣя постоянно въ виду изданіе текста, я счелъ возможнымъ въ разборѣ ограничиться немногими словами.

„По той же причинѣ не многосложенъ былъ разборъ и третьяго изъ названныхъ трудовъ: онъ стоитъ почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ болѣе раннему изслѣдованію проф. Воскресенскаго объ Апостолѣ, а это послѣднее изслѣдованію и оцѣнкѣ здѣсь не подлежитъ. Но такъ какъ введение къ изданію Посланія къ Римлянамъ самостоятельнаго значенія, безъ изслѣдованія автора объ Апостолѣ, не имѣетъ, то я счелъ не лишнимъ, гдѣ необходимо, коснуться „Древнеславянскаго Апостола и его судьбы до XV в.“.

Прослѣдивъ весьма подробно, почти по страницамъ, за изслѣдованіемъ г. Воскресенскаго, и указавъ на нѣкоторые его недостатки, почтенный рецензентъ приходитъ къ слѣдующему общему выводу.

„Общее впечатлѣніе, заявляетъ онъ, вынесенное мною изъ ознакомленія съ трудами г. Воскресенскаго, несомнѣнно говорить въ пользу ихъ: несмотря на недостатки въ методѣ, въ разныхъ его примѣненіяхъ и недочеты со стороны филологической критики и оцѣнки фактовъ, имѣвшія послѣдствіемъ не вездѣ правильное и полное освѣщеніе всего вопроса и его частныхъ, трудъ Г. А. Воскресенскаго съ лихвою вознаграждаетъ насъ своими достоинствами, выразившимися въ относительной полнотѣ и, въ большинствѣ случаевъ, новизнѣ матеріала, внесеннаго имъ въ

свое изслѣдованіе, въ тщательности, если не вездѣ разносторонности, обработки этого матеріала. Если изслѣдованіе проф. Воскресенскаго не во всѣхъ своихъ частяхъ достигло прочнаго рѣшенія поднятыхъ или задѣтыхъ имъ вопросовъ, то во всякомъ случаѣ массою новаго матеріала, предлагаемаго изслѣдователемъ и отчасти имъ же разработаннаго, трудъ проф. Воскресенскаго подготавливаетъ почву для будущихъ изслѣдователей, которымъ, уже наученнымъ опытомъ Г. А. Воскресенскаго, легче будетъ подойти къ рѣшенію вопросовъ, которыхъ рѣшить не могъ онъ, первый, попробовавшій, и не вездѣ безъ успѣха, обобщить достигнутое наукой, провѣривши достигнутое до него новымъ матеріаломъ, такъ трудолюбиво имъ изслѣдованнымъ.

„Беря на себя, вслѣдствіе лестнаго предложенія Императорской Академіи Наукъ, смѣлость высказать свое сужденіе о трудахъ проф. Воскресенскаго, я считаю ихъ вполне достойными Уваровской награды.

Въ то же время Академія, усмотрѣвъ немаловажныя достоинства въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, представленныхъ на преміи графа Уварова, положила, за ограниченнымъ числомъ денежныхъ наградъ, присудить имъ почетные отзывы. Сочиненія эти слѣдующія:

І. Васил. Тимоф. Георгіевскій — „Флорищева пустынь“. — Историко-археологическое описаніе съ рисунками. — Вязники, изд. 1896 г.

Оцѣнку этого сочиненія обязательно принялъ на себя профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи Николай Васильевичъ Покровскій.

Важность историко-археологическихъ описаній русскихъ монастырей и ихъ памятниковъ, въ интересахъ научнаго знанія, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: они сообщаютъ новыя, иногда очень цѣнные матеріалы — историческіе и археологическіе, расширяютъ историческій кругозоръ и уясняютъ исторію русскаго

просвѣщенія. Сравнительная степень важности описаній и изслѣдованій этого рода зависитъ какъ отъ пріемовъ, которыхъ придерживаются ихъ авторы, и наличныхъ источниковъ, такъ и отъ самаго предмета изслѣдованія.

Троице-Сергіева лавра во всякомъ случаѣ составляетъ болѣе благодарный и важный предметъ изслѣдованія, чѣмъ, напримѣръ, Костромской Богоявленскій монастырь. Тѣмъ не менѣе и описанія монастырей втораго и третьяго порядка, особенно составленныя опытною рукою, заслуживаютъ всякаго уваженія.

„Флорищева пустынь, говоритъ почтенный рецензентъ, — предметъ историко-археологическаго описанія В. Т. Георгіевскаго, — не принадлежитъ къ числу тѣхъ древнѣйшихъ и знаменитыхъ обителей, которыя были просвѣтительными центрами въ древней Россіи, а потому исторія ея не сложна и сосредоточивается главнымъ образомъ на внѣшнихъ фактахъ благоустроенія обители, храмовъ, келій и т. п. На блѣдномъ фонѣ ея выдѣляется, впрочемъ, блестящею точкою личность митрополита Суздальскаго Иллариона, перваго устроителя обители“.

Г. Георгіевскій собралъ какъ рукописный, такъ и печатный матеріалъ, привелъ его въ стройный порядокъ и такимъ образомъ далъ вѣрное понятіе объ исторіи Флорищевой пустыни.

„Передъ читателемъ, говоритъ рецензентъ, въ живыхъ картинахъ проходятъ первые моменты исторіи пустыни, обрисовывается въ довольно яркихъ краскахъ біографія митрополита Иллариона“ и его дѣятельность по устроенію пустыни; — но замѣтенъ нѣкоторый недостатокъ въ характеристикѣ быта монаховъ. — Этотъ недостатокъ заключается въ характерѣ источниковъ“.

Слѣдя за рассказомъ автора, профессоръ Покровскій указываетъ на недостатки сочиненія, происходящіе главнымъ образомъ отъ скудости источниковъ. Тѣмъ не менѣе оцѣнивая достоинства и недостатки разбираемаго труда, ученый рецензентъ полагаетъ справедливымъ „поощрить В. Т. Георгіевскаго присужденіемъ ему почетнаго отзыва“.

II. Влад. Георг. Щегловъ. — „Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I“. Историко-юридическое изслѣдованіе. Выпускъ I, изд. 1895 г.

Для разсмотрѣнія вышеозначеннаго изслѣдованія комиссія обращалась къ любезному содѣйствію приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета Митр. Иван. Свѣшниковъ.

Историко-юридическое изслѣдованіе Государственнаго Совѣта въ царствованіе Императора Александра I, сдѣланное проф. Щегловымъ, по отзыву рецензента, „есть только часть работы, принимаемой почтеннымъ профессоромъ и посвященной изслѣдованію Государственнаго Совѣта въ Россіи. Въ 1892 г. тотъ же авторъ издалъ I томъ своего сочиненія „О Государственномъ Совѣтѣ въ Россіи“, но въ предисловіи къ настоящему сочиненію говорить, что „настоящій трудъ является продолженіемъ моего изслѣдованія о Государственномъ Совѣтѣ въ Россіи (1892 г.), но въ то-же время онъ — самостоятельная работа, независимая отъ перваго тома сочиненія и отличная отъ него по своему методу и содержанію“.

„Изслѣдованіе историческимъ методомъ образованія Государственнаго Совѣта у автора идетъ по слѣдующему пути, — какъ то замѣчаетъ проф. Свѣшниковъ, — сначала излагается исторія русскаго высшаго центрального управленія; далѣе авторъ дѣлитъ царствованіе Александра I на первую эпоху реформъ (до 1810 г.) и вторую эпоху реформъ (послѣ 1810 г.). Въ первую эпоху реформъ въ числѣ историческихъ причинъ образованія Государственнаго Совѣта главное мѣсто отводится взглядамъ самого Императора, во вторую же эпоху реформъ подобную роль авторъ приписываетъ взглядамъ гр. Сперанскаго“. Этими частями сочиненія исчерпывается примѣненіе историческаго метода къ изслѣдованію, тогда какъ остальные части сочиненія посвящены догматическому изложенію дѣлъ, бывшихъ на разсмотрѣніи Государственнаго совѣта и Комитета Министровъ.

Разсмотрѣніе труда проф. Щеглова приводитъ рецензента къ заключенію, что вышеозначенное сочиненіе представляетъ собою не столько историко-юридическое изслѣдованіе, сколько „собраніе

различныхъ, весьма интересныхъ и добросовѣстно приведенныхъ, свѣдѣній о нашихъ высшихъ учрежденіяхъ XVIII и первой четверти XIX в.“

Въ виду того, что, по признанію проф. Свѣшниковъ, „трудолюбіе автора, тщательное изученіе первоисточниковъ и литературы внѣ всякаго сомнѣнія“, Академія признала возможнымъ удостоить трудъ проф. Щеглова почетнымъ отзывомъ.

III. Евг. Вяч. Пѣтуховъ — 1) „Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка.—Сочиненіе о царствіи небесномъ и воспитаніи чадъ“ С.-Петербур. 1893 г.

2) Очерки изъ литературной исторіи Синодика: а) Судьбы текста чина православія на русской почвѣ до половины XVIII вѣка и б) Литературные элементы Синодика, какъ народной книги въ XVII и XVIII вв. Изд. 1895 г.

Для оцѣнки этого сочиненія Академія обращалась къ просвѣщенному содѣйствію профессора Алексѣя Ивановича Соболевскаго.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика состоятъ изъ двухъ частей, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго, кромѣ названія памятниковъ, въ нихъ изслѣдуемыхъ.

Первая часть посвящена чину православія на русской почвѣ. Профессоръ Пѣтуховъ, имѣя въ виду труды о. Никольскаго и проф. Успенскаго, ограничивается сличеніемъ русскихъ текстовъ чина православія и опредѣленіемъ ихъ отношенія другъ къ другу и къ греческимъ текстамъ. Сверхъ того, онъ издаетъ цѣликомъ старшій изъ русскихъ текстовъ, XIV—XV вѣка (Синодальной Библіотеки № 667), и даетъ рядъ замѣчаній объ его переводѣ, но не подвергаетъ разбору его языка и орфографіи. Между тѣмъ послѣдніе даютъ не лишеныя значенія данныя, позволяющія разрѣшить вопросъ о времени перевода и появленія его въ Россіи.

Вторая часть „Очерковъ“, главная, посвящена книгамъ, которыя у насъ по преимуществу называются Синодиками.

„Профессоръ Пѣтуховъ, говоритъ рецензентъ, называетъ Синодикомъ всякую книгу, носящую заглавіе: „Синодикъ“, „Помян-

никъ“ и т. п. Вслѣдствіе этого у него оказывается такая „редакція“ Синодика, которая состоитъ лишь изъ „предисловіи“ да изъ перечней именъ (стр. 107—109). Но намъ кажется, историкъ литературы долженъ называть Синодиками лишь тѣ сборники, которые содержатъ въ себѣ статьи о поминовеніи усопшихъ, о загробной жизни, о кончинѣ и т. д., оставляя въ сторонѣ „Помянники“—перечни именъ, хотя бы съ „предисловіями“.

Прослѣдивъ подробно за сочиненіями автора, А. И. Соболевскій приходитъ въ общемъ къ заключенію, что труды г. Пѣтухова заслуживаютъ поощренія со стороны Академіи.

По присужденіи премій комиссія, во изъявленіе своей глубокой признательности за понесенные ими труды, положила благодарить г.г. рецензентовъ: профессора Василя Алексѣевича Бильбасова, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Алексѣя Ивановича Соболевскаго и приватъ-доцента Митрофана Ивановича Свѣшниковъ; профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи Николая Васильевича Покровскаго и Платона Николаевича Жуковича; секретаря Императорскаго русскаго Археологическаго общества Василя Григорьевича Дружинина; профессора Императорскаго Харьковскаго университета Николая Ѳедоровича Сумцова; подполковника Степана Ѳедоровича Огородникова; профессора Императорскаго Александровскаго лицея Илью Александровича Шляпкина; отдѣльнаго цензора въ Ревелѣ Георгія Георгіевича Трусмана; профессора Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородко Михаила Несторовича Сперанскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи § 15-го Положенія о наградахъ графа Уварова комиссія положила назначить отъ имени Академіи золотыя Уваровскія медали: С. Ѳ. Огородникову, А. И. Соболевскому, В. Г. Дружинину, М. Н. Сперанскому, Н. Ѳ. Сумцову и И. А. Шляпкину.

Рецензія на сочиненіе г. Кроткова: „Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ Петромъ Великимъ, въ 1702 году“.

Составилъ по порученію Императорской Академіи Наукъ, Корпуса Флотскихъ Штурмановъ отставной Подполковникъ С. Огородниковъ.

Г. Кротковъ, приступая къ изслѣдованію крайне любопытнаго эпизода изъ Исторіи Сѣверной войны о взятіи Петромъ Великимъ шведской крѣпости Нотебурга, говоритъ, что поводомъ, вызвавшимъ его трудъ, послужило появленіе въ Военномъ Сборникѣ статей гг. Бобровскаго и Масловскаго: «Завоеваніе Ингрии» и «Первая боевая дѣятельность Петра Великаго» и желаніе пополнить эти статьи имѣвшимися у него данными. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ своего изслѣдованія авторъ ссылается на источники, давшіе ему возможность, черезъ группировку ихъ, всесторонне обследовать вопросъ о взятіи Нотебурга.

Основанное на изученіи печатныхъ источниковъ, и на критическомъ къ нимъ отношеніи, сочиненіе г. Кроткова составляетъ весьма обстоятельный историческій трудъ, не смотря на то, что автору, при его изслѣдованіяхъ, не пришлось ни разу прибѣгать къ непосредственному источнику, т. е. къ архивамъ. Это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, доказываетъ, до какой степени доведена въ настоящее время разработка источниковъ, и какую вообще неопѣнимую услугу представляютъ для изслѣдователя нынѣшніе историческіе печатные матеріалы.

Въ нашей морской исторической литературѣ сочиненіе г. Кроткова представляетъ совершенно новый взглядъ на дѣятельность Петра при завоеваніи Нотебурга, такъ какъ предшествующіе писатели взятіе этой крѣпости приписывали неожиданности появленія русскихъ войскъ съ Петромъ во главѣ, чрезъ топи и болота Кареліи, на берега Невы въ такое время когда шведы, видимо, не ожидали этого нападенія; посѣщеніе же въ 1702 г. Петромъ Архангельска ставили внѣ связи съ блестяще исполненною военною операціею.

Но г. Кротковъ, на основаніи нынѣ изданныхъ печатныхъ матеріаловъ, пришелъ къ слѣдующему не безынтересному выводу: «Путешествіе Петра I въ Архангельскъ съ войскомъ, съ дипломатическою канцелярією, съ сыномъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, было вызвано не дѣйствительною опасностью, грозившею Архангельску, а желаніемъ Петра сохранить свой дѣйствительный планъ, свое дѣйствительное намѣреніе въ тайнѣ отъ противника» (стр. 119).

Этотъ же выводъ, въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, авторъ поясняетъ такъ: «Второго нападенія на Архангельскъ шведы и не предполагали дѣлать; второе нападеніе шведовъ нужно было для плановъ Петра, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ настоящаго плана, взятія крѣпости Нотебургъ на Ладожскомъ озерѣ осенью 1702 года» (стр. 113).

Чтобы фактически доказать свой выводъ, г. Кротковъ воспользовался всѣми печатными пособіями, относящимися до первой боевой дѣятельности Петра Великаго при началѣ Сѣверной войны, а самымъ убѣдительнымъ аргументомъ въ изслѣдованіяхъ автора послужили Письма и бумаги Петра Великаго, первые два тома, съ 1688 по 1703 годы, изданныя академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ въ 1887 и 1889 годахъ.

Взглянемъ теперь, насколько удалось автору выполнить свою задачу.

Историческая работа г. Кроткова состоитъ изъ 176 страницъ текста, подраздѣленнаго на 10 главъ, и 28-ми страницъ, занятыхъ примѣчаніями къ тексту, съ картою пути Петра I съ войскомъ отъ Нюхчи до Ладоги и планомъ штурма крѣпости Нотебурга.

Въ 1 главѣ, составляющей вступленіе, авторъ съ цѣлью показать политическую важность Ижорской земли, гдѣ произошли военныя дѣйствія, рельефно изображаетъ картину состоянія страны въ экономическомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ; во 2 главѣ объясняетъ ближайшій поводъ, вызвавшій Петра I къ началу Сѣверной войны, т. е. стремленіе его овладѣть *корабельными пристанями* Нарвы и Невскаго побережья, отошедшихъ послѣ Столбовскаго мира къ Швеціи, чтобы военными операціями возвратить земли «отчичь и дѣдичь» снова во владеніе Россіи; перечисляетъ составъ непріятельскихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ Ингріи и число непріятельскихъ судовъ на озерахъ Чудскомъ и Ладожскомъ.

Остановливаясь на причинѣ отмины въ 1702 году зимняго похода къ Нотебургу «случаемъ времени», г. Кротковъ, на основаніи писемъ Петра Великаго, устанавливаетъ истинный смыслъ Петровской фразы, и сопоставляя эти Письма съ донесеніемъ Шереметева о дурномъ состояніи зимнихъ дорогъ, приходитъ къ выводу, противоположному выводамъ гг. Бобровскаго и Масловскаго, а именно, что только *распутица* послужила отминой распоряженія «достать по льду Орѣшекъ», тогда какъ вышеука-

занные авторы причину отѣны видятъ въ неудовлетворительномъ состояніи тогдашнихъ нашихъ войскъ.

Объясненіе г. Кротова подтверждается всѣми дальнѣйшими распоряженіями Петра относительно задуманнаго Царемъ плана овладѣть осенью 1702 г. Нотебургомъ, и въ слѣдующихъ 3-хъ главахъ авторъ, не безъ искусства, группируетъ подготовительныя къ тому дѣйствія, какъ по сосредоточенію войскъ къ Ладогѣ, такъ и по заготовкѣ штурмовыхъ лѣстницъ, подводъ, судовъ, осадной артиллеріи и шанцевого инструмента.

Затѣмъ, въ 6-й главѣ, приступая къ доказательствамъ главнаго своего положенія, т. е. къ истинней цѣли путешествія Петра I въ Архангельскъ, г. Кротковъ предварительно ссылается на донесеніе Матвѣева, посланника нашего въ Гагѣ, извѣщавшаго Царя еще въ 1700 году, что иностранцы зорко слѣдятъ за всѣми движеніями русскихъ войскъ, и что царскія распоряженія, будучи извѣстными всѣмъ изъ «вѣдомостей», легко дѣлаются извѣстными и неприятелю, на пользу послѣдняго.

Исходя изъ этого донесенія, вынудившаго Петра облекать всѣ свои дальнѣйшія распоряженія глубокою тайною, авторъ, на стр. 98, говоритъ, что если свою поѣздку въ Архангельскъ Петръ не только не дѣлалъ тайною, но напротивъ, совершалъ ее съ блескомъ особеннымъ, и даже съ дипломатическою канцеляріей, то это дѣлалось съ явною цѣлью довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о мѣстонахожденіи Царя въ Архангельскѣ, гдѣ онъ намѣренъ продолжить свое присутствіе, ожидая, будто бы вторичнаго нападенія шведовъ на Архангельскъ. Далѣе, чрезъ сопоставленіе писемъ Петра къ Апраксину и Шереметеву, посланныхъ изъ Архангельска отъ 5 августа; изъ письма къ Стрѣшневу отъ 8 іюля о назначеніи *Августа* временемъ сбора подводъ къ Ладогѣ, также и изъ командировокъ Муханова и Щепотева 8 іюня — одного, для развѣдыванія сухопутнаго и водяного пути къ Ладогѣ, а другого для приготовленія пути въ Карелии къ перевозу двухъ малыхъ фрегатовъ въ Онежское озеро, авторъ приходитъ къ заключенію, что изъ указанныхъ распоряженій и писемъ Петра не только не видно ожидавшагося нападенія, но что Царь, зорко слѣдя за всѣми движеніями своего противника, выжидалъ лишь удобнаго времени приступить къ выполненію своего тайнаго плана, относительно Нотебурга, пока наконецъ, не наступилъ Августъ, какъ время самое къ тому благоприятное и предвидѣнное ранѣе.

Соображенія г. Кроткова имѣютъ свою убѣдительность, ибо доказываютъ, что распоряженія Петра изъ Архангельска дѣйствительно не имѣли связи съ ожидавшимся вторичнымъ прибытіемъ неприятеля къ Архангельску, а, слѣдовательно, какъ заключаетъ авторъ, это вторичное прибытіе было нужно только для плановъ Петра — не болѣе.

Рождается вопросъ: на чемъ основывались наши историки, когда объясняли поводъ третьяго путешествія Петра на сѣверъ ожидавшимся нападеніемъ шведовъ на нашъ торговый портъ?

По объясненію г. Кроткова, они основывались на журналѣ Петра Великаго, въ которомъ касательно этого обстоятельства, сказано лишь о *яко-бы предполагаемомъ вторичномъ прибытіи* шведовъ къ Архангельску, въ гадательномъ, но не въ утвердительномъ тонѣ, въ какомъ напр. были «вѣдомости» 1701 года, когда дѣйствительно совершилось нападеніе на Архангельскъ. Другихъ-же источниковъ ни Устряловъ, ни Соловьевъ, ни Веселаго не указываютъ; а, между тѣмъ, какъ видимъ изъ писемъ Петра, приготовительныя распоряженія къ поѣздкѣ въ Архангельскъ начались еще съ января 1702 года.

Утвердившись на приводимыхъ фактахъ, авторъ на стр. 118 высказываетъ свою догадку, что шведскаго нападенія въ 1702 году на Архангельскъ *въ сущности и не боялись*. Едва-ли это такъ? Вѣдь разореніе Архангельска, какъ единственнаго тогда русскаго торговаго порта, имѣло бы бѣдственное вліяніе на весь ходъ борьбы съ Карломъ XII, потому что только чрезъ Архангельскъ Царь получалъ изъ заграницы все необходимое для успѣха войны, а строявшаяся Новодвинская крѣпость — оплотъ Архангельска — далеко не была еще готова въ 1702 году.

Поэтому сказать, что въ сущности Петръ не боялся за Архангельскъ — фраза, по нашему мнѣнію, крайне рѣшительная, такъ какъ намъ извѣстно, что оставляя въ 1702 году Архангельскъ, Царь распорядился, на всякій случай, чтобы всѣ проходы къ городу съ моря были приведены въ безопасность батареями, а узкій фарватеръ, лежавшій между островкомъ Марковымъ и строившеюся крѣпостью, заграждался бы цѣпью, для остановки судовъ при находившейся у крѣпости таможенной заставѣ. А эти неоднократныя приписки Петра въ письмахъ своихъ изъ Архангельска къ Шереметеву и Апраксину, что «караванъ еще не пришелъ» не доказываютъ ли, что Царь, между прочимъ, весьма интересовался морскими извѣстіями о движеніи шведскихъ судовъ?

Не проще-ли предположить, что Петръ задумавъ, еще въ январѣ, путешествіе на сѣверъ, достигалъ этимъ сразу двухъ немаловажныхъ цѣлей: отнималъ у шведовъ всякую охоту повторить попытку нападенія на торговый нашъ пунктъ, и замаскировывалъ главный свой планъ, относительно Нотебурга.

Далѣе, въ VII главѣ, г. Кротковъ останавливается на пребываніи Петра въ Архангельскѣ, и повторяетъ сдѣланные уже выше выводы, касательно мнимаго намѣренія шведскихъ судовъ прибыть къ Архангельску; послѣ чего въ слѣдующихъ послѣднихъ главахъ, съ тою же обстоятель-

ностью, авторъ повѣствуетъ объ отплытіи Петра изъ Архангельска, о переходѣ его отъ Нюхчи къ Ладогѣ и далѣе къ Нотебургу и, наконецъ, о взятіи самой крѣпости, помѣстивъ въ приложеніяхъ нѣсколько выписокъ изъ указанныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ печатныхъ источниковъ.

Познакомивъ съ содержаніемъ историческаго труда г. Кроткова и указавъ на интересные по мысли взгляды автора, не можемъ не сказать, что съ нѣкоторыми его взглядами нельзя согласиться безусловно, а нѣкоторые факты, приводимые въ его сочиненіи, прямо не вѣрны.

Такъ напр., на стр. 98 авторъ утверждаетъ, что Петръ, отправившись изъ Москвы 18 апрѣля, прибылъ съ войскомъ въ Архангельскъ *ровно черезъ мѣсяцъ*, т. е. 18 мая. Между тѣмъ, изъ писемъ самаго Петра видимъ, что онъ прибылъ въ Архангельскъ не 18, а 27 мая. (Т. II, стр. 63).

Основываясь на журналѣ Петра Великаго, что время прибытія шведскихъ судовъ къ Архангельску ожидалось въ маѣ мѣсяцѣ, г. Кротковъ подчеркиваетъ это указаніе, какъ доказывающее, по его мнѣнію, что Петру, если бы онъ точно ждалъ непріятельскаго прихода къ Архангельску, надо было съ войскомъ поспѣшать къ городу раньше мая, даже въ апрѣлѣ, потому что, какъ увѣряетъ авторъ, шведскій флотъ могъ придти въ Архангельскъ *изъ началу мая* (стр. 107) а, слѣдовательно, Царь прибылъ въ Архангельскъ уже тогда, когда шведы могли бы давно быть у города.

Такой выводъ противорѣчитъ истинѣ.

Хотя С. Двина вскрывается у Архангельска и въ началѣ мая, но очищеніе горла Бѣлаго моря, вслѣдствіе накопленія льда и дующихъ въ это время года NW вѣтровъ, происходитъ постоянно никакъ не въ концѣ мая, но только въ первую половину іюня, а чаще и позже, почему и шведы въ 1701 году могли появиться у Архангельска только въ концѣ іюня мѣсяца, почему и первые торговые суда въ 1702 г. появились не ранѣе конца іюня, какъ удостовѣряютъ письма Петра отъ 8 іюля къ Тихону Никитичу Стрѣшневу и Якову Вилимовичу Брюсу.

На стр. 96, г. Кротковъ, слѣдя за подробностями пребыванія Петра въ Архангельскѣ, весьма неудачно ссылается на соч. г. Лебедева: «Жизнь Петра Великаго», гдѣ утверждается, что подъ руководствомъ Царя, Новодвинская крѣпость была быстро окончена въ томъ же 1702 г.

Это крупная ошибка.

По архивнымъ источникамъ извѣстно, что Новодвинская каменная крѣпость, начатая постройкою въ маѣ 1071 года, по плану имѣла 708 саж. въ окружности, а стѣны и башни толщину трехсаженную¹⁾. А какъ ка-

1) Москов. арх. М. И. Д. Опись VIII. 1701 г. связ. 693.

менные работы могутъ производиться въ Архангельскѣ въ теченіи лишь 4—5 мѣсяцевъ, поэтому полное сооруженіе крѣпости было окончено только въ 1707 году; пока-же строилась крѣпость, были въ 1702 году кончены постройкою 4 временныя батареи «для опасенія отъ прихода непріятельскихъ людей» и деревянная крѣпостная церковь, освященная 29 іюня при личномъ присутствіи Царя.

Въ подобную-же ошибку вовлекла автора и ссылка его на письмо Петра, 1701 года, по поводу той-же крѣпости. На стр. 105, говоря о начатой въ 1701 г. постройкѣ крѣпости, авторъ приводитъ по сему случаю письмо Петра, (Т. I, стр. 440) гдѣ сообщается о строеніи цитадели (Новодвинской крѣпости) на острову *Масъевскомъ* что у Двинки.

Островъ Масъевъ лежитъ у самаго города, въ нижней его части, выше Соломбалы, а крѣпость Новодвинская въ 15 верстахъ ниже города, на Березовскомъ устьѣ, на островѣ *Линскій прилукъ*. Противъ-же крѣпости, на Малой Двинкѣ, лежалъ островъ *Марковъ* (а не Матвѣевскій, какъ въ выноскѣ письма сказано), смытый водою въ началѣ нынѣшняго столѣтія. На этомъ островѣ находился и «дворецъ» Петра Великаго, перенесенный впоследствии въ самый Архангельскъ.

Далѣе, касаясь пребыванія Петра въ Архангельскѣ и распоряженій его по осуществленію задуманнаго рискованнаго плана, относительно похода къ Нотебургу чрезъ Карелію, авторъ на стр. 101 говоритъ: «Петръ посылаетъ 8 іюня Ипата Муханова о развѣдываніи сухопутнаго и воднаго пути къ Ладогѣ, и Михаила Щепотева о приготовленіи пути прорубкою просѣкъ и настилкою гатей для перевоза двухъ малыхъ фрегатовъ въ Онежское озеро». Отсюда невольно вытекаетъ вопросъ: располагалъ ли Царь Петръ до этой посылки какими либо топографическими свѣдѣніями о мѣстности, чрезъ которую долженъ былъ пройти съ войскомъ, или-же только въ іюнѣ 1702 года послалъ онъ довѣренныхъ лицъ для подготовки намѣченнаго имъ пути? Судя по сочиненію г. Кроткова, посылка Царемъ довѣренныхъ лицъ была единственною мѣрою Петра предъ выполненіемъ задуманнаго плана, и что, слѣдовательно, автору не былъ извѣстенъ существующій рукописный источникъ, проливающий нѣкоторый свѣтъ на вопросъ, поставленный нами выше, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ непременно воспользовался бы этимъ источникомъ, какъ облегчающимъ рѣшеніе ирелѣдуемой имъ задачи. Этотъ источникъ — «Обстоятельное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей графа Ө. А. Толстаго», находящійся въ Императорской Публичной библиотекѣ, и гдѣ между различными рукописными матеріалами имѣется рукопись: «Описаніе трехъ путей изъ державы Царскаго Величества изъ Поморскихъ странъ въ Шведскую землю и до столицы ихъ». Это описаніе составлено, какъ значится на рукописи,

въ мартѣ 1701 года архіепископомъ Афанасіемъ, пользовавшимся, какъ извѣстно, особеннымъ благоволеніемъ Петра Великаго. Въ немъ описаны три пути, ведущія изъ Бѣлаго моря къ шведскимъ владѣніямъ, и *первый*, главнѣйшій какъ разъ, намѣчался отъ Сумскаго городка (близъ селенія Нюхчи) на Повѣнецъ, и далѣе чрезъ озера Онежское и Ладожское, мимо Ладоги, на Орѣшекъ (Нотебургъ); *второй* путь изъ того-же мѣста, по Заонежью, велъ до городовъ Выборга и Або; *третій* — изъ Кеми въ сѣверную часть нынѣшней Финляндіи.

Сопоставляя описаніе перваго пути съ состоявшимся переходомъ Петра отъ Нюхчи до Повѣнца и далѣе, видимъ, что Холмогорскій архіепископъ, въ данномъ случаѣ, оказалъ Царю неоцѣнимую услугу.

Чтобы судить, до какой подробности могъ современникъ Петра Великаго собрать свѣдѣнія объ интересовавшемъ Царя предметѣ, приведемъ напр. описаніе крѣпости Ніеншанца (Канцы).

«Градъ Канецъ земляной, не великой, стоитъ на берегу Невы рѣки, на правой сторонѣ, а съ другую сторону имѣеть малую рѣку; и отъ великія Невы рѣки до малой рѣки отъ поля имѣеть ровъ, зѣло великой и глубокой, 10 саж. глубина; противу того града, за малою рѣкою, къ Невѣ, посадъ великой, жителей имѣеть 450 дворовъ; отъ того посаду чрезъ малую рѣку учиненъ во градъ мостъ подъемной, древяной, и къ ноци на градскія врата вѣртами поднимають. Во градѣ живетъ начальный человекъ съ солдаты; живутъ за городомъ, за земляными валами, на то учиненными. Къ тому граду Канцу по всякое лѣто купецкихъ кораблей приходитъ по 50 и болши и менши; той градъ стоитъ на Государевой землѣ».

Съ не меньшею подробностью описаны и градъ Орѣшекъ, и самые пути.

Не умаляя значенія послышки Петромъ довѣренныхъ лицъ въ іюнѣ 1702 г. видимъ однако, что Царь заблаговременно былъ освѣдомленъ о путяхъ, ведущихъ отъ Бѣлаго моря къ невскимъ берегамъ и далѣе.

На стр. 112 г. Кротковъ впадаетъ въ двѣ явныя ошибки, утверждая, что спущенные на воду, въ присутствіи Петра, два малые фрегата «Святой Духъ» и «Курьеръ» были построены на верфи иноземца Избранта, и что самая верфь Избранта находилась выше Архангельска, около Холмогоръ.

Въ дѣйствительности-же факты говорятъ совсѣмъ другое.

Два малые фрегата, приготовленные къ спуску въ время посѣщенія Петромъ Великимъ Архангельска въ 1702 году, построены были не иноземцемъ Избрантомъ, а на р. Вавчугѣ, въ 83-хъ верстахъ выше Архангельска, по Двинѣ, гдѣ имѣлась корабельная верфь извѣстныхъ двухъ братьевъ Бажениныхъ, первыхъ заводчиковъ торговаго въ Россіи кораблестроенія, начавшихъ строить свои корабли съ 1700 года.

Если-же въ «Общемъ списокѣ русскихъ военныхъ судовъ» г. Веселаго и отнесена эта постройка фрегатовъ къ Архангельску, то подобное указаніе равносильно тому, какъ напр. *Олонецкая* верфь, на которой строились первые суда балтійскаго флота, находилась не въ городѣ Олопцѣ, какъ-бы можно было предполагать по названію, а на р. Свири. Въ Новиковскомъ изданіи «О Высочайшихъ путешествіяхъ и пр.» сказано категорически, что въ іюні «Великій Государь благоволилъ шествовать съ Царевичемъ и ближними своими людьми на полоневномъ шведскомъ фрегатѣ по Двинѣ вверхъ до Вавчуги, спускать на воду новопостроенныхъ двухъ кораблей».

Объ этомъ-же спускѣ фрегатовъ подтверждаетъ и самъ Петръ въ письмѣ къ Апраксину отъ 5 іюня; слѣдовательно нѣтъ ни малѣшаго основанія относить постройку новоспущенныхъ фрегатовъ къ верфи Избранта, которая къ тому-же и находилась совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагается г. Кротковъ, а на Соломбальскомъ островѣ, ниже города въ 5 верстахъ, что подтверждаетъ нижеслѣдующая челобитная Избранта, испрашивавшаго въ 1700 г. дозволенія строить у Архангельска торговые корабли.

«Въ твоёмъ, Великаго Государя, Государствѣ, у города Архангельскаго, у корабельной пристани, прїѣзжаютъ на ярмарку на корабляхъ изъ разныхъ государствъ многіе иноземцы для своего торговаго промыслу, а до сихъ мѣстъ для русскихъ торговыхъ промысловъ у города Архангельскаго отъ русскихъ и отъ иноземцы торговыхъ чиновъ людей корабли не строиваны. Милосердый Государь и пр. пожалуй меня иноземца, вели Государь мнѣ иноземцу и наслѣдникамъ моимъ у города Архангельскаго торговые корабли, большіе и малые суды строить на 10 лѣтъ на свои протори и за море отпускать повольно... И если Государь къ тому корабельному строенію у города Архангельскаго на Соломбалѣ, или гдѣ угоднее отвести мѣсто, и о томъ вели Государь дать жалованную грамоту за большою висячею печатью»¹⁾.

По другимъ-же архивнымъ документамъ мы знаемъ, что на Соломбалѣ къ 1701 году у Избранта было построено 6 торговыхъ кораблей, свидѣтельствованныхъ тогда-же, по повелѣнію Петра, стольникомъ Племянниковымъ²⁾.

Затѣмъ, обращаясь къ достоинствамъ сочиненія г. Кроткова, нельзя не обратить вниманія на самый способъ изложенія предмета, и на вытекающую изъ него занимательность разсказа. Книга читается легко; встрѣ-

1) Москов. арх. М. И. Д. Приказн. дѣла старыхъ лѣтъ. 1701 г. связ. № 3.

2) г. Веселаго: Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства. Т. I, стр. 152.

чающіяся въ ней частыя повторенія, или, вѣрнѣе, итоги, не вредятъ общему очерку событій, а ведутъ лишь къ неопровержимой убѣдительности читателя, получающаго чрезъ эти итоги полную возможность ориентироваться въ приводимыхъ фактахъ и приходить къ искомому соглашенію съ авторомъ.

Полнота указываемыхъ въ сочиненіи печатныхъ источниковъ, тщательный ихъ подборъ, изученіе и дѣлаемая искусно сопоставленія для всесторонняго выясненія существовавшаго плана Петра относительно Нотебурга, и самаго способа приведенія плана въ исполненіе, вполне доказываютъ главный тезисъ автора, послужившій для историческаго изслѣдованія: что именно вызвало путешествіе Царя Петра въ Архангельскъ въ 1702 году?

Изслѣдованіе г. Кроткова, по полнотѣ приведенныхъ свѣдѣній, составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую науку, не усматривавшую, до настоящаго времени, видимой связи между предпринятымъ въ 1702 году Петромъ путешествіемъ въ Архангельскъ и взятіемъ шведской крѣпости Нотебурга.

Неотъемлемая заслуга автора состоитъ именно въ доказательствахъ существованія этой связи, почему и нахожу справедливымъ рекомендовать благосклонному вниманію Императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Кроткова: «Взятіе шведской крѣпости Нотебургъ Петромъ Великимъ въ 1702 году» и полагаю, что оно заслуживаетъ награды преміею.

Рецензія М. Сперанскаго на труды Г. А. Воскресенскаго.

Г. А. Воскресенскій. Характеристическія черты четырех редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вв. VIII+304, 8°, Москва. 1896 г. (Изъ «Чтеній» Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1896 г.)

Его-же — Древне-славянское Евангеліе. — Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста съ разночтеніями изъ ста восьми рукописей Евангелія XI—XVI вв. I+403+IV, 8°, Сергіевъ Посадъ. 1894.

Его-же — Древне-славянскій Апостолъ. — Посланіе святаго апостола Павла по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго апостольскаго текста съ разночтеніями изъ пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Выпускъ первый. Посланіе къ Римлянамъ. I+228, 8°, Сергіевъ Посадъ. 1892.

Проф. Г. А. Воскресенскій давно уже извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе неутомимыхъ славистовъ-ислѣдователей исторіи свящ. писанія въ славянскомъ переводѣ. Его труды въ этой области начались, по его собственнымъ словамъ, въ 1873 году (Предисловіе къ изданію Посланія къ Римлянамъ, стр. 1). Началъ онъ свою дѣятельность по отношенію къ избранному имъ кругу вопросовъ съ изученія рукописей Апостола сначала по русскимъ бібліотекамъ, а затѣмъ присоединилъ сюда и рукописи заграничныхъ книгохранилищъ. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ его трудъ: «Древне-славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.» (Москва, 1879 г.). Затѣмъ обращается онъ уже къ евангельскому тексту, интересъ къ которому у него начался еще во время работъ надъ Апостоломъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отчетъ его о поѣздкѣ за границу, вышедшій въ 1882 г. (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. т. XXXI. № 1.) Съ этихъ поръ, повидимому, преимущественно интересъ его и сосредоточивается на евангельскомъ текстѣ, какъ можно судить по его небольшимъ статьямъ, большею частію критическаго характера, въ Извѣстіяхъ Славян. благотв. Общества (1884, № 2), Сборникѣ Отдѣл. рус. яз. И. А. Н. (т. XL, 1886 г.), въ Богословскомъ Вѣстникѣ и т. д.¹⁾ Въ 1884 г. мы уже знакомимся съ

1) Подробный перечень трудовъ Г. А. Воскресенскаго см. въ отчетѣ проф. Корсунскаго въ протоколахъ совѣта Москов. Дух. Акад. (Богословскій Вѣст. 1897 г. № 2).

первой его крупной работой общаго характера надъ евангельскимъ текстомъ: «Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія», представлявшей рефератъ проф. Воскресенскаго на VI-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ; рефератъ этотъ, уже довольно обширный по объему (Труды Съѣзда т. I, 276—306, in 4°. Одесса, 1886 г.) напечатанъ два года спустя. Теперь, передъ нами опять его обширный трудъ, сходный по заглавію и по содержанію съ его рефератомъ. Въ предыдущихъ статьяхъ, особенно въ упомянутомъ рефератѣ, уже выяснились приемы автора, выяснился матеріалъ, а также намѣтились въ значительной степени и выводы. Въ настоящемъ трудѣ авторъ свелъ въ одно цѣлое все, что было имъ сдѣлано до сихъ поръ, измѣнивъ очень немного, даже въ изложеніи (чѣмъ объясняется буквальное сходство въ послѣднемъ трудѣ съ предыдущими: авторъ многія страницы предыдущихъ трудовъ просто перепечаталъ въ новомъ), по за то многое онъ дополнилъ, увеличивъ значительно матеріалъ, съ которымъ онъ оперируетъ въ настоящемъ трудѣ. Такимъ образомъ, новый трудъ автора не внесъ много новаго въ его выводы, съ которыми мы знакомы были уже раньше. Поэтому, разбирая главный изъ трехъ названныхъ выше въ заголовкѣ трудовъ, мы оцѣниваемъ въ то же время и предыдущіе труды автора по исторіи евангельскаго текста; въ силу того же мы ссылаемся на его предыдущіе труды только изрѣдка, когда эти послѣдніе отличаются въ своихъ выводахъ отъ настоящаго, показывая прогрессъ автора, сдѣланный имъ за послѣднее время въ области изучаемаго имъ предмета. Послѣ цѣлаго ряда, такъ сказать, подготовительныхъ работъ, какими приходится считать его болѣе ранніе труды по евангельскому тексту, у автора выработался твердый, опредѣленный методъ изслѣдованія собраннаго имъ богатаго матеріала; методъ этотъ проводится имъ въ цѣломъ и въ частностяхъ съ одинаковой послѣдовательностью; сверхъ того, этотъ методъ (подъ названіемъ «руководительныхъ началъ») изложенъ и самимъ авторомъ на первыхъ страницахъ его труда. Знакомясь съ этимъ методомъ, оцѣнивая его по сравненію съ методами предшественниковъ нашего автора и современныхъ ученыхъ изслѣдователей св. писанія, я невольно былъ пораженъ разницей метода проф. Воскресенскаго особенно сравнительно съ работами современной филологіи: необходимо было проверить этотъ методъ. Проверка метода по богатому матеріалу, данному самимъ авторомъ, убѣдила меня съ одной стороны въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей этого метода, съ другой стороны — въ его довольно крупныхъ недостаткахъ. Эти послѣдніе, какъ показало болѣе тщательное изслѣдованіе, отразились довольно сильно и на выводахъ, результатомъ чего у меня составилось представленіе о необходимости признать и нѣкоторые выводы нуждающимися въ исправленіи. Я могъ въ силу своего положенія, какъ

рецензента, а главнымъ образомъ въ силу обстоятельствъ, не позволявшихъ мнѣ разрабатывать вопросы иначе, какъ ограничиваясь почти исключительно матеріаломъ, почерпаемымъ изъ самого изслѣдованія проф. Воскресенскаго и изъ немногихъ печатныхъ изслѣдованій, мнѣ доступныхъ, я могъ только указать путь къ тѣмъ исправленіямъ, которыя я считалъ бы нужнымъ сдѣлать, какъ въ методѣ, такъ и въ выводахъ автора. Этимъ объясняется тотъ преимущественно методологическій характеръ, который принялъ мой отзывъ: *feci quae potui*.

Второй трудъ есть изданіе текста, построенное на основаніи предыдущаго изслѣдованія, хотя и вышелъ онъ раньше. Обширное введеніе, которымъ снабдилъ авторъ изданіе ев. Марка, есть ничто иное, какъ повтореніе части того, что сказано имъ въ изслѣдованіи, проще сказать — перепечатка, безразлично откуда, изъ изслѣдованія во введеніе или обратно; поэтому разбору подлежала только новая часть второго труда: она, какъ результатъ изслѣдованія, послужила повѣркой этого изслѣдованія. Поэтому, имѣя постоянно въ виду это изданіе при своемъ разборѣ изслѣдованія, я счелъ возможнымъ по отношенію къ изданію текста ограничиться немногими словами.

По той же причинѣ не многосложенъ былъ разборъ и третьяго изъ названныхъ трудовъ: онъ стоитъ почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ болѣе раннему изслѣдованію проф. Воскресенскаго объ Апостолѣ, а это послѣднее изслѣдованіе оцѣнкѣ здѣсь не подлежитъ. Но такъ какъ введеніе къ изданію Посланія къ Римлянамъ самостоятельнаго значенія, безъ изслѣдованія автора объ Апостолѣ, не имѣетъ, то я счелъ не лишнимъ, гдѣ казалось необходимымъ, коснуться и «Древне-славянскаго Апостола и его судьбы до XV в.».

Начинаю разборъ съ перваго труда, какъ самаго крупнаго и по объему, и по значенію.

I.

Изслѣдованіе свое о ев. Марка авторъ самъ ставитъ въ связь съ трудомъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева въ ихъ Описаніи рукописей Синодальной бібліотеки (М. 1855 г.): «Установленіе и характеристика редакцій рукописной славянской Библии были, можно сказать (сообщаетъ намъ авторъ настоящаго изслѣдованія), завѣтной мыслию ученыхъ описателей Московской Синодальной бібліотеки... Посильному рѣшенію этихъ вопросовъ (т. е. вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ текста съ цѣлю установленія и характеристики его редакцій) въ отношеніи къ Ев. отъ Марка посвящено настоящее наше изслѣдованіе» (стр. I). Такимъ образомъ, уже

самая постановка дѣла, какъ ее объясняетъ намъ самъ авторъ изслѣдованія, обязываетъ насъ поставить трудъ его въ связь съ изслѣдованіями А. В. Горскаго и К. И. Невоструева. И дѣйствительно, связь эта становится несомнѣнной, если мы повнимательнѣе присмотримся къ труду проф. Воскресенскаго: работой Горскаго и Невоструева опредѣлился въ значительной степени планъ и характеръ его работы.

Планъ же и способъ изслѣдованія текста евангельскаго у описателей Синод. библ. былъ таковъ. Имѣя въ виду установленіе и характеристику редакцій евангельскаго текста, описатели внимательно изучили Синодальные списки евангелія. Но труда своего законченными они не признали и результатъ характеризовали такъ: «Внося замѣчанія о разностяхъ (перевода Новозавѣтныхъ книгъ по разнымъ спискамъ), мы руководились между прочимъ и тою мыслію: когда болѣе¹⁾ будетъ собрано наблюдений надъ текстомъ Новозавѣтныхъ списковъ, чрезъ разсмотрѣніе большаго числа древнихъ рукописей, тогда удобнѣе будетъ опредѣлить характеристическіе признаки списковъ извѣстной страны и времени и составить понятіе о фамиліяхъ, или разрядахъ, списковъ... Тогда можно будетъ сдѣлать вѣроятныя заключенія о томъ, когда и гдѣ благочестивые ревнители Слова Божія трудились надъ сличеніемъ древняго перевода съ греческими рукописями, или, ограничиваясь личнымъ разумѣніемъ дошедшаго до нихъ перевода, старались сообщить ему болѣе ясности замѣною древнихъ, вышедшихъ изъ употребленія, чужестранныхъ словъ — новыми, болѣе извѣстными (стр. XI)... Сличеніе перевода съ изданіемъ греческаго текста по разнымъ спискамъ показало, что нѣкоторыя разности перевода произошли отъ разныхъ чтеній греческихъ; иныя отъ замѣны однихъ словъ другими, въ намѣреніи сдѣлать текстъ болѣе яснымъ вразумительнымъ; другія наконецъ отъ смѣшенія и ошибокъ переписчиковъ» (стр. X—XI). Такимъ образомъ, у осторожныхъ описателей Синодальныхъ рукописей планъ работъ надъ установленіемъ редакцій въ связи съ исторіей текста евангельскаго опредѣлялся такъ: 1) необходимо собрать и привлечь къ изученію возможно большее число древнихъ рукописей; 2) необходимо собрать изъ этихъ списковъ путемъ сличенія ихъ съ греческими текстами и между собой возможно большее число наблюдений, которыя должны выразиться въ рядѣ разностей славянскихъ текстовъ. 3) необходимо оцѣнить эти разности; при этой оцѣнкѣ (сдѣланной отчасти уже самими описателями) должны оказаться: а) варианты, долженствующіе найти себѣ объясненіе и оправданіе въ разныхъ греческихъ текстахъ, что должно указывать на послѣдовательное правленіе, сличеніе славянскаго готоваго пере-

1) Разрядка здѣсь и ниже принадлежитъ мнѣ.

вода съ греческими текстами; б) другой рядъ вариантовъ, которые получаютъ объясненіе въ исторіи славянскаго языка: 1) грецизмы стараго перевода замѣняются славянскими словами и 2) устарѣвшія слова замѣняются болѣе новыми; в) третья группа вариантовъ, объясняемыхъ смѣшеніемъ и ошибками переводчиковъ; и эта группа имѣетъ значеніе для исторіи текста, характеризуя состояніе его въ ту или въ другую эпоху. Только послѣ этой черновой работы надѣялись описатели Синод. рукописей быть въ состояніи сдѣлать вѣроятныя заключенія объ исторіи евангельскаго текста. Тѣмъ не менѣе разборъ уже однихъ Синодальныхъ рукописей далъ Горскому и Невоструеву возможность намѣтить въ видѣ гипотезы главныя черты этой исторіи: не считая свои выводы окончательными¹⁾, какъ основанные на небольшомъ сравнительно (и притомъ, по мнѣнію почтенныхъ изслѣдователей, подобранномъ, можетъ быть, искусственно, для опредѣленныхъ цѣлей) количествѣ матеріала, хотя и всесторонне ими изученнаго, они нашли возможнымъ поставить слѣдующія вѣхи для созданія исторіи евангельскаго текста въ славянской письменности²⁾:

1) По удобству для церковнаго употребленія евангельскіе списки-апракосы въ древности были распространены болѣе, нежели полные (тетра-евангелія).

2) Часто переписываемые такіе списки (апракосы) чаще могли подвергаться и поврежденіямъ отъ писцовъ. Ошибки ихъ вызывали къ исправленію, за которое, какъ видно, брались разные лица, одни, справляясь съ греческими рукописями, какія имѣли подъ руками, — другіе, руководясь только своимъ разумѣніемъ, не всегда безошибочнымъ, или, обращаясь къ старшимъ спискамъ, требовавшимъ также пересмотра. Отъ сего разнообразіе списковъ Евангелія въ XIV в. увеличилось до чрезвычайности.

3) Вѣроятно, это разнообразіе списковъ и желаніе читать слово Христово въ переводѣ болѣе удостовѣрительномъ побудили св. Алексія, митр. Всероссійскаго, заняться вновь переложеніемъ съ греческаго всѣхъ книгъ Новозавѣтныхъ въ полномъ видѣ, не по церковнымъ чтеніямъ... Совершенный келейно трудъ этотъ не оставилъ видимаго вліянія на улучшение списковъ.

4) Не знаемъ другого предпріятія, которымъ бы можно было объяснить распространеніе въ XV в. болѣе однообразныхъ списковъ, и притомъ въ полномъ видѣ.

1) Опис. Синод. ркп. I, 1, стр. 246.

2) Яумышленно такъ долго останавливаюсь на трудѣ Горскаго и Невоструева: это нагляднѣе покажетъ, какъ количество, такъ и качество труда Г. А. В-го, для котораго, какъ мы видѣли, точкой оправленія и было Описаніе Синод. рукописей.

5) Списки полные (тетры) менѣе подвергались поврежденіямъ; образцомъ этихъ списковъ можно считать Синод. № 20 (Галичское ев. 1144 г.). Такіе списки не были въ общемъ употребленіи церковномъ, переписывались рѣже, и потому могли сохранить болѣе чистоты. Оставалось сличить такіе списки съ греческимъ. Опытъ такового исправленія представляетъ другой пергаменный списокъ тетроевангелія № 26, списанный въ Константинополѣ въ 1383 году, которое было списано русскимъ пришельцемъ, какихъ было много въ XIV в. въ Константинополѣ. Вѣроятно, оно здѣсь же исправлено и могло быть вывезено отсюда митр. Пименомъ, Кипріаномъ или кѣмъ либо другимъ.

6) Около того же времени, можетъ быть съ Кипріаномъ митр., появились въ Россіи списки тетраевангелія изъ южно-славянскихъ странъ съ предисловіями Теофилакта Болгарскаго, съ нынѣшнимъ счетомъ зачалъ, по правописанію съ Русскими несходные, но въ исправленіяхъ очень близкіе къ упомянутому пергаменному списку Константинопольскому.

7) Правила уединенной жизни на Аѳонѣ, особенно прбславившейся въ XIV в., требовали между прочимъ, чтобы уединенные подвижники занимались въ своихъ келліяхъ ежедневно чтеніемъ св. Евангелія по порядку евангелистовъ, для чего и были сдѣланы въ рукописяхъ размѣтки. Слава Аѳонскихъ подвижниковъ, какъ способствовала усиленію нашихъ сношеній съ тамошними обителями, такъ содѣйствовала распространенію ихъ правилъ и рукописей.

8) Такимъ образомъ стали входить въ большее употребленіе списки Евангелія — полные, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ распространяться болѣе однообразный ихъ текстъ¹⁾.

Имя передъ собой эти осторожные выводы описателей Синод. библіотеки, г. Воскресенскій предпринялъ свой трудъ; взявши въ основу тотъ же планъ, онъ имѣлъ намѣреніе исполнить по силѣ и возможности «завѣтную мысль» своихъ предшественниковъ. Поэтому естественно сопоставить только что приведенные выводы Горскаго и Невоструева съ выводами г. Воскресенскаго: это сравненіе покажетъ величину того шага впередъ, который представляетъ трудъ проф. Воскресенскаго сравнительно съ его предшественниками, укажетъ то, что внесъ новаго въ самую разработку, въ планъ ея изслѣдователь редакцій ев. Марка. Но одного простого сопоставленія двухъ трудовъ не достаточно для отчетливаго представленія о трудѣ Г. А. Воскресенскаго, если мы хотимъ найти ему мѣсто въ современной наукѣ по изученію крупнаго вопроса объ исторіи евангельскаго текста: задача, впервые отчетливо поставленная Горскимъ и Невоструевымъ

1) Опис. Синод. рукоп. I, 1. стр. 289—292. Текстъ выводовъ привожу съ незначительными сокращеніями.

и ими же предположительно и на частномъ случаѣ рѣшенная, поставлена была сорокъ лѣтъ назадъ (Опис. Синод. рукоп. начало выходить съ 1855 г.). За это время вопросъ объ исторіи свящ. писанія на славянской почвѣ, если и не внесъ много новаго по части метода, по прежнему основаннаго на изученіи греч. текстовъ сравнительно съ славянскими, на оцѣнкѣ варьянтовъ, все таки не оставался безъ движенія и движенія весьма почтеннаго. Достаточно указать на труды тѣхъ же А. В. Горскаго и К. И. Невоструева (въ Кирилло-меѳодіев. сбор., въ Приб. къ тв. св. Отцовъ), на труды Ѳ. И. Буслаева (Матеріалы для исторіи письменъ), И. И. Срезневскаго (Юсовыя памятники, Глаголическіе памятники, Свѣдѣнія и замѣтки), Фр. Рачкаго (изд. Ассеманова ев.), Ив. Чрнчича (2-ое изд. того же текста), Ю. Даничича (Никольское ев.), архимандр. Амфилохія (Галичское ев.), особенно И. В. Ягича (изданія глаголич. текстовъ, работы его въ Архивѣ), В. Облака (рядъ критическихъ статей въ Архивѣ Ягича, въ Сборникѣ болгарск. мин.), А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова, В. Н. Щепкина, М. Козловскаго, Вондрака, Вальявца, Стояновича и мн. др.. Уже этотъ рядъ именъ, изъ коихъ приведены мною немногія, показываетъ, насколько вопросъ, такъ осторожно и несмѣло разъясняемый описаніемъ Синод. рукоп., продвинулся впередъ къ своему разрѣшенію. Матеріалъ для рѣшенія этого вопроса разрастался съ значительной быстротой, что выразилось внѣшнимъ образомъ въ обнародованіи цѣлаго ряда текстовъ неизвѣстныхъ или мало доступныхъ прежде для такой детальной работы, какова надъ исторіей текстовъ св. писанія. Изданія эти сопровождаются въ большинствѣ случаевъ филологическими изслѣдованіями. Вся эта кипучая издательская работа, осложняемая отдѣльными изслѣдованіями, расширяла рамки основного вопроса о св. писаніи, возбуждала рядъ новыхъ частныхъ вопросовъ, о которыхъ не приходило въ голову мечтать въ 1855 году, каковы напр., вопросы объ отношеніи текстовъ глаголическихъ къ кирилловскимъ, объ отношеніи между чтеніями апракосовъ и тетровъ¹⁾, о связи перевода евангелія съ другими церковными и священными книгами. Правда, иногда эти вопросы возникали и раньше, но тогда не было данныхъ къ научному ихъ разрѣшенію, приходилось или гадать, или рассчитывать на остроуміе и талантливую догадку изслѣдователя.

Съ литературой за истекшія сорокъ лѣтъ приходилось считаться, ясно, и Г. А. Воскресенскому, и онъ, конечно, съ ней считался. Какъ онъ отнесся къ тому, что выработано за этотъ періодъ времени, и увидимъ ниже.

1) Въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ (1865) К. И. Невоструевъ (стр. 20 и сл.) поднялъ было этотъ вопросъ, ограничиваясь собираніемъ матеріала для доказательства отличія апракосовъ отъ тетровъ. Теперь вопросъ уже рѣшается въ пользу единства ихъ по чтеніямъ.

Возвращаясь непосредственно къ разбору сочиненія проф. Воскресенскаго, считаю нужнымъ коснуться самаго плана, въ которомъ онъ расположилъ свою работу: это, если можно такъ выразиться, внѣшнимъ образомъ покажетъ намъ разницу между трудомъ его и трудомъ его главныхъ предшественниковъ, съ которыми, какъ мы видѣли, онъ тѣсно связанъ. Поэтому обращаюсь къ содержанию и построению работы г. Воскресенскаго.

Первыя девять страницъ книги заняты введеніемъ, содержащимъ въ себѣ «руководительныя начала, коими пользовался авторъ при опредѣленіи характеристичныхъ чертъ ев. отъ Марка по рукописямъ XI—XVI в.» Это, стало быть, — объясненіе метода: къ нему мы еще вернемся.

Первая глава первой части (эта часть носитъ преимущественно библиографическій характеръ) (стр. 10—68) содержитъ обзоръ славянско-русскихъ списковъ евангелія, привлеченныхъ авторомъ къ изслѣдованію: здѣсь сообщаются палеографическія свѣдѣнія о рукописи, о мѣстѣ ея нахождения, даются замѣтки о языкѣ, степени сохранности, приводится литература о данной рукописи, если таковая есть и была извѣстна автору; о рукописяхъ мало извѣстныхъ или доселѣ неизвѣстныхъ сообщаются «нѣкоторыя филологическія замѣтки» (?)¹⁾, (вѣроятно, надо полагать, замѣтки о языкѣ, какъ это сдѣлано и при извѣстныхъ уже въ наукѣ рукописяхъ)²⁾. За этимъ описаніемъ слѣдуетъ (61 стр.) краткій перечень описанныхъ списковъ (что значительно облегчаетъ справки), распределеніе списковъ по вѣкамъ (стр. 66), по языку (правописанію), по составу (апракосы и четвероевангелія)³⁾, наконецъ указатель чтеній изъ ев. Марка въ порядкѣ главъ и стиховъ нынѣшняго текста.

Всѣ эти списки рассмотрѣны г. Воскресенскимъ, по его словамъ (стр. II.) «съ возможною тщательностью и полнотой». Обратимся къ этому списку и описанію рукописей. Число рукописей, которыя привлечены были авторомъ къ изслѣдованію весьма почтенно: именно 113⁴⁾, не считая ряда упомянутыхъ вскользь списковъ, извѣстныхъ г. Воскресенскому, вѣроятно, по описаніямъ рукописей разныхъ собраній и по его же собственнымъ замѣткамъ о заграничныхъ спискахъ⁵⁾. По языку собранные имъ списки разнообразны: есть здѣсь и «юсовыя», и русскіе и, «русско-болгарскіе или

1) стр. 10.

2) Ср. напр. А 21, 22, 24, 27 и А 26, 28, 15, 10. Существенной разницы въ описаніяхъ рукописей, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ доселѣ, нѣтъ: вездѣ «филологическія замѣтки» одинаково скудны.

3) Пропущенъ въ указателѣ А 40 (апракосъ, Реймское ев.), вѣроятно, случайно.

4) Во время изслѣдованія прибавлено важное Тръновское евангеліе на основаніи разбора, сдѣланнаго недавно скончавшимся М. Вальевцемъ (Stargine XX и XXI) (стр. 216). Привлеченъ этотъ текстъ, не вошедшій въ изданіе ев. Марка, повидимому, благодаря указанію И. В. Ягича (см. Archiv f. sl. Ph. V. XVII p. 297).

5) Сборникъ отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. т. XXXI № 1. (1882 г.).

болгаро-руссіе», и сербскіе; по составу они также разнообразны: есть апракосы «полные» (48 списковъ) и «сокращенные» (37 текстовъ) и четвероевангелія (28). Такимъ образомъ, исполняя желаніе (и совершенно законное) Горскаго и Невоструева: «собрать побольше наблюденій путемъ разсмотрѣнія большаго количества древнихъ рукописей», г. Воскресенскій подвергъ анализу болѣе ста рукописей, не считая отрывковъ и только упоминаемыхъ имъ текстовъ, тогда какъ описатели Синод. рукописей располагали для своихъ наблюденій всего только 28 списками, изъ коихъ древнихъ (кончая XV в.) у нихъ было только 14 (одиннадцать апракосовъ и три тетра), если не считать Остромирова ев. и немногихъ списковъ Моск. Духовн. Акад. и Чудова монастыря, иногда привлекавшихся ими къ изслѣдованію. Что касается древности, то и въ этомъ отношеніи г. Воскресенскій богаче своихъ предшественниковъ: тогда какъ у нихъ старшій списокъ былъ XII в. (№ 20 — Галичское ев. 1144 г.), авторъ разсматриваемаго изслѣдованія имѣлъ въ распоряженіи цѣлыхъ 11 списковъ XI в. Для соображеній на основаніи языка тоже изобиліе и преимущество на сторонѣ Г. А. Воскресенскаго, имѣвшаго въ рукахъ списки юго-славянскіе всѣхъ отѣнковъ и русскіе, тогда какъ Синод. списки всѣ русскіе (хотя иногда и носятъ слѣды своего нерусскаго происхожденія). Т. о. и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи матеріалъ, которымъ располагалъ г. Воскресенскій, давалъ ему большія преимущества передъ Горскимъ и Невоструевымъ. Кромѣ того, у него же было уже больше средствъ для пользованія этимъ матеріаломъ: у него въ рукахъ были не только печатныя изданія, снабженныя такимъ уже обработаннымъ аппаратомъ, каковы изданія Ягича (особенно Маріинское евангеліе), гдѣ часть работы — сравненіе съ другими текстами — уже была мастерски сдѣлана: онъ имѣлъ передъ собой образцовыя труды по части критики, оцѣнки варьянтовъ, напр., въ тѣхъ же трудахъ И. В. Ягича, не говоря уже о ближайшемъ его образцѣ — Описаніи Синодальной библіотеки.

Поэтому не безынтересно взглянуть, какъ отнесся къ своему матеріалу г. Воскресенскій, на первый разъ, въ той части, которую мы разсматриваемъ. Распредѣленные уже по четыремъ редакціямъ рукописи описываются г. Воскресенскимъ съ возможной краткостью, какъ и слѣдовало ожидать: сообщается при каждой рукописи — вѣкъ, число листовъ, правописаніе (языкъ), мѣсто находенія, литература. Такимъ образомъ перебрано 112 рукописей. Но, если количество собранныхъ рукописей служитъ нѣкоторой гарантіей противъ односторонности, неполноты выводовъ, возможной при ограниченности матеріала, то оно далеко еще не составляетъ само по себѣ одно гарантіи въ точности этихъ выводовъ: не меньшую роль играетъ здѣсь и качество собраннаго авторомъ мате-

риала: съ точки зрѣнія именно качества матеріала трудъ проф. Воскресенскаго заставляетъ желать кое-чего. Правда, исходя изъ совершенно вѣрнаго взгляда, что, «чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ, естественнѣе думать, древнѣе и текстъ, въ ней содержащійся» (стр. 4), Г. А. Воскресенскій собралъ для своихъ наблюденій возможно больше рукописей, остановившись преимущественно на рукописяхъ не моложе XV в. Но одна древность рукописи не есть ручательство всегда древности и текста: кому неизвѣстны въ области литературы, хотя бы древне-русской, факты, когда мы именно древній текстъ находимъ въ спискахъ позднихъ и часто весьма позднихъ? Вспомнимъ хотя бы общеизвѣстный случай относительно «Хожденія Богородицы по мукамъ», поздній (1603 года) текстъ котораго сохранилъ тотъ же древній текстъ, да еще въ лучшемъ видѣ, чтó и извѣстный списокъ XII в.; текстъ «Девгеніева дѣянія», недавно открытый Н. С. Тихонравовымъ и несомнѣнно представляющій копию съ древняго текста той же редакціи, чтó былъ въ погибшей рукописи А. И. Мусина-Пушкина, сохранился въ рукописной тетрадкѣ 1744 г. Подобные факты встрѣчаются и въ евангельской литературѣ: какъ увидимъ ниже, русское евангеліе 1401 г. (Зарайское, у Воскресенскаго — А 18) сохранило въ своихъ чтеніяхъ особенности евангелія болгарскаго, писаннаго въ Тръновѣ ок. 1277 года. Такимъ образомъ между позднѣйшими списками евангелія могли оказываться, хотя, конечно, не часто, такіе, которые могутъ имѣть значеніе равное со многими древними, а иногда и преимущество передъ иными изъ нихъ. Такимъ образомъ, при подборѣ матеріала необходимо было руководиться и внутренними достоинствами рукописей. На эту сторону дѣла у г. Воскресенскаго не обращено достаточнаго вниманія. Это видно нагляднѣе всего изъ слѣдующаго. Отлично зная, что наши списки евангелія ведутъ свое происхожденія съ юга славянства, не разъ это отмѣчая въ своемъ изслѣдованіи (напр. стр. 205—206, 250, и т. д.), г. Воскресенскій не пренебрегъ списками не русскими, хотя бы главнымъ образомъ тѣми, которые нашлись въ русскихъ библіотекахъ. Онъ сознавалъ и преимущество имѣть при работѣ списки разнообразныя не только по времени, но и по мѣсту написанія: «самое разнообразіе списковъ («юсовыхъ», сербскихъ и русскихъ), писанныхъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, не только не вредятъ, но и помогаютъ дѣлу, свидѣтельствуя, что сходныя мѣста явились не вслѣдствіе заимствованія и списыванія (а почему, прибавимъ отъ себя, между прочимъ и не такъ?), а обязаны своимъ происхожденіемъ одному и тому же общему источнику» (стр. 5).

Не говоря уже о томъ, что списываніе далеко не всегда непосредственное съ оригинала, передавало въ цѣломъ поколѣніи списковъ особенности оригинала (фактъ общеизвѣстный), мы послѣ такого объясненія

ждали бы, что г. Воскресенскій при оцѣнкѣ варьянтовъ съ цѣлю извлеченія данныхъ для исторіи текста, развивавшейся не только «въ разное время», но и «въ разныхъ мѣстахъ», обратитъ вниманіе на родину этихъ варьянтовъ и рукописей и въ связи съ этимъ укажетъ намъ, откуда и когда пошли тѣ или другія редакціи списковъ. Но этого мы не находимъ: разноязычіе текстовъ для него только средство доказать, «что сходныя мѣста списковъ обязаны своимъ происхожденіемъ одному и тому же источнику», и только... Правда, онъ считается съ языкомъ текстовъ, но какъ: «мораво-панноскія, болгарскія и вообще югославянскія слова, ставшія непонятными для русскихъ, замѣняются (во 2-й редакціи) въ самыхъ широкихъ размѣрахъ другими русскими (?), или же образованными на русскій (?) ладъ». (Стр. 250). Доказательствъ русскаго происхожденія этихъ замѣнъ мы не находимъ; почему, напр., кѣнижъникъ должно быть словомъ паннономоравскимъ или вообще югославянскимъ, тогда какъ кѣнигъчи (Мр. I, 29), замѣнившее первое, русскимъ, если то и другое нашло себѣ мѣсто въ древнихъ глаголическихъ текстахъ, въ которыхъ, конечно, нѣтъ никакого вліянія русскаго¹⁾? Почему то же различіе мы должны признать въ словахъ: пастырь и пастухъ, встрѣчаемыхъ въ югославянскихъ спискахъ одинаково²⁾, или форму женаиса, вм. женихъ, мы должны признать образованной на русскій ладъ, хотя самъ же г. Воскресенскій отмѣчаетъ её въ Трън. (болгарск.) ев. XIII в. (стр. 238)? А все это, по нашему мнѣнію, произошло отъ того, что г. Воскресенскій для устанавливаемой имъ 2-й редакціи, случайно, подобралъ почти исключительно русскіе списки и, не оцѣнивъ югославянскихъ, рѣшилъ, что вся эта редакція русская, а потомъ уже послѣдовательно сталъ заключать, что и всѣ отличія этой редакціи отъ первой, выразившіяся въ замѣнахъ «паннономоравскихъ и вообще югославянскихъ» словъ иными, произошли въ области русскаго языка. Что это именно произошло такъ, видимъ изъ его вывода, который показываетъ то же недостаточное вниманіе къ внутреннимъ свойствамъ матеріала; вотъ этотъ выводъ: «Всѣ разсмотрѣнные нами пятьдесятъ шесть списковъ съ евангельскимъ текстомъ этой (2-й) редакціи — русскіе, за исключеніемъ только Б 51 (Волканово ев. XII в.) и Терновскаго четвероевангелія XIII в. (стр. 251)... Тождество исправленій первоначальнаго перевода Евангелія, Апостола и Псалтыри по указаннымъ спискамъ показываетъ, что исправленія эти относятся къ одной и той же мѣстности.... можно предположить цѣлую школу, которая дѣйствовала у насъ на Руси въ XI в. (стр. 253)... Разсмотрѣнная нами (2-я) редакція евангельскаго текста, повторяемъ, по рѣшительному большинству имѣющихся списковъ, русская, но наши испра-

1) И. В. Ягичъ, Маріанское Ев., стр. 467.

2) Ср. Ягичъ, у. с., стр. 466.

вители могли пользоваться¹⁾ и тѣмъ, что давали имъ подходящія²⁾ памятники и южнославянской письменности, отличной отъ первоначальной мораво-паннонскон или вообще западно-славянскон (?)» (стр. 254)³⁾. Сопоставляя приведенныя мѣста изслѣдованія (находящіяся на 2—3 страницихъ подъ рядъ) видимъ, что выводъ автора о русскомъ происхожденіи второй редакціи основанъ не на оцѣнкѣ варьянтовъ въ связи съ мѣстностями, откуда идутъ рукописи, отнесенныя имъ ко второй редакціи, не на отношеніяхъ этихъ варьянтовъ къ другимъ памятникамъ, а на статистикѣ случайно сохранившихся отъ древности рукописей, также случайно ставшихъ доступными автору, встрѣтившему ихъ въ различныхъ собраніяхъ, преимущественно русскихъ: онъ собралъ 56 списковъ, изъ коихъ 54 оказались русскими и только два не русскими, отсюда и выводъ⁴⁾... Поправка, вносимая авторомъ въ концѣ приведенной мною выдержки, основана не на изученіи юго-славянскихъ текстовъ, а на домыслѣ, почему эти юго-славянскіе тексты (Търновскій и Вукановъ) не получили настоящей оцѣнки въ общей исторіи списковъ евангелія⁵⁾. Здѣсь мы видимъ такимъ образомъ смѣшеніе двухъ вопросовъ: о происхожденіи и о степени распространенности редакціи, называемой г. Воскресенскимъ второю. На ту-же односторонность въ подборѣ матеріала, на большое вниманіе къ древности списка и недостаточное при оцѣнкѣ особенностей списка по происхожденію и языку, указываетъ отношеніе автора къ позднимъ спискамъ, а также къ заграничнымъ: «списковъ Евангелія четвертой редакціи, говоритъ авторъ, сохранилось весьма много отъ XV—XVI в. . . . Не мало списковъ этой редакціи въ заграничныхъ бібліотекахъ. . . .» (стр. 60). Далѣе рядъ каталожныхъ указаній и ссылка на замѣтку самого автора о заграничныхъ рукописяхъ [Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. т. 31 (1882)]. Не говоря уже о томъ, что между списками XV—XVI в. могутъ оказаться списки и старшихъ редакцій (фактъ весьма обычный; см. выше), въ числѣ ихъ могутъ найтись списки, помимо перечисленныхъ авторомъ двѣнадцати (стр. 56—59), дающіе весьма важныя указанія на происхожденіе этой редакціи, почему нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ нимъ автора, обращавшаго вниманіе пржеде всего на древность списка, едва ли можетъ быть оправдано. Еще болѣе возбуждаетъ сожалѣнія отношеніе автора къ

1) А пользовались ли на самомъ дѣлѣ, этого мы не узнаемъ изъ изслѣдованія г. Воскресенскаго.

2) Не ясно: какія условія для этого должны быть въ юго-славянскихъ спискахъ?

3) Разрядка въ цитатѣ принадлежитъ мнѣ.

4) См. стр. 1 (введеніе), прим. 2, гдѣ еще яснѣе формулированъ выводъ и его происхожденіе.

5) Подробнѣе этого вывода коснусь, когда будетъ рѣчь о редакціяхъ, устанавливаемыхъ г. Воскресенскимъ.

спискамъ заграничныхъ библиотекъ, имъ просмотрѣннымъ; обращаясь къ указанной самимъ авторомъ его же замѣткѣ, видимъ въ числѣ 17 списковъ, имъ отмѣченныхъ и въ настоящемъ изслѣдованіи отнесенныхъ къ четвертой редакціи: Берлинское ев. XIV в. (№ 3), сербское, сохранившее подобно древнѣйшимъ (по редакціи и письму) спискамъ тѣ-же грецизмы безъ перевода¹⁾, еванг. XIV в. (№ 4) сербское же, той же библиотеки, Младеновское ев. 1389 г. (№ 7, тамъ же), Вѣнское (№ 32**), сербское 1372 г., ев. XIV в. той же библиотеки (№ 124), сохранившее древніе простые аористы, другое евангеліе XIV в. той же библиотеки (№ 43), съ тѣми же архаическими аористами и достигательнымъ наклономъ, Вѣнское же ев. (безъ номера) 1502 г. молдавскаго письма, болгарское также съ архаизмами, но съ предисловіями Θεοφιλαкта Охридскаго (sic); въ Люблянѣ также есть ев. XIV в. (№ 24) сербское, другое того же времени, но болгарское (№ VI), евангеліе въ Загребѣ, съ ѡ, но не знающее, подобно Мирославу ев., ѡ; Бѣлградскія библиотеки: евангеліе 1279 г., ев. XII—XIII в. — болгарское, два евангелія XIII в., изъ коихъ второе, «текстъ котораго древній, и всего ближе къ Ассеманіеву евангелію XI в.», ведетъ свое происхожденіе изъ глаголическаго текста, писанъ сербомъ съ болгарскаго извода²⁾ и т. д. Изъ этихъ рукописей только 5 четвероевангелій: остальные апракосы. Всѣ эти евангелія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ болѣе внимательнаго изученія и едва ли всѣ (хотя бы въ виду краткихъ ихъ характеристикъ, данныхъ г. Воскресенскимъ и повторенныхъ мною) могутъ быть отнесены уже къ четвертой редакціи; а если нѣкоторыя и окажутся такими, то во всякомъ случаѣ они должны были бы занять въ силу своей древности и принадлежности къ юго-славянскои письменности, откуда ведетъ свое начало принимаемая авторомъ четвертая редакція³⁾, видное мѣсто въ числѣ списковъ этой редакціи, рядомъ съ древнѣйшими ея русскими, извѣстными и г. Воскресенскому экземплярами; эти списки тѣмъ болѣе были бы важны для изслѣдователя, что въ его распоряженіи не оказалось ни одного не-русскаго (хотя были и русско-болгарскіе) списка евангелія этой редакціи⁴⁾. Ясно, что это — недосмотръ со стороны автора, но онъ имѣетъ и другое значеніе: имѣи г. Воскресенскій во время своей работы подъ руками списки заграничныхъ библиотекъ, едва-ли бы онъ такъ легко соблазнился обманчивымъ статистическимъ методомъ въ изслѣдованіи.

1) Именно: упокрѣте 7, влас'ѣмїю 55, влас'ѣмїсають 67, езмурнїзмею 99 об., еѣмѣрїе 104, епендїтомъ 215 об. (Сборн. Ак. Н. т. 31, стр. 8).

2) Тамъ же, стр. 51.

3) См. разбираемое изслѣдованіе, стр. 300.

4) Тамъ-же, стр. 56—60. А подобныхъ списковъ масса въ юго-славянскихъ библиотекахъ, напр. въ Бѣлградской (см. Изв. И. Ф. Инст. въ Нѣжинѣ, XVI, 32).

Разъ зашла уже рѣчь о спискахъ, не привлеченныхъ авторомъ къ изслѣдованію, хотя того и заслуживавшихъ, хотя бы съ точки зрѣнія самого Г. А. В.—аго, можно ему въ этомъ отношеніи сдѣлать и другой упрекъ: если привлеченіе къ дѣлу рукописей иноземныхъ библіотекъ было въ настоящемъ изслѣдованіи по чему либо невозможнымъ¹⁾, хотя и прямо отвѣчающимъ дѣлямъ автора, цѣнившаго разнообразіе списковъ не только по времени, но и по мѣсту, то во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что онъ не увеличилъ число разнообразныхъ по мѣсту происхожденія списковъ привлеченіемъ доступныхъ ему, какъ и всякому другому, рукописей собранія гр. Уваровыхъ, непосредственнаго пользованія которымъ у автора не видимъ²⁾. А собраніе Уваровское могло бы, помимо древнихъ (XIV в.) русскихъ списковъ, дать автору матеріалъ для сравненія и юго-славянскій: между списками есть болгарскіе — XIII в. (№ 38), XIII—XIV в. (№ 55), сербскій XV в. (№ 57), молдаво-валашскій XVI в. (№ 71) и т. д.³⁾

Еще болѣе сожалѣніе возбуждаетъ пропускъ въ изслѣдованіи довольно крупныхъ печатныхъ изданій евангельскаго текста, болѣе, во всякомъ случаѣ, доступныхъ для изслѣдователя: отлично зная «Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ памятникахъ» (И. И. Срезневскаго), г. Воскресенскій однако ими не воспользовался вполнѣ, хотя въ нихъ не мало, положимъ отрывочныхъ, текстовъ евангельскихъ⁴⁾; между этими текстами находится упоминаніе и отрывокъ изъ знаменитаго списка сербскаго XII в., такъ наз. Мирославова⁵⁾. Этому евангелію посвященъ трудъ Л. Стояновича [Споменик српске краљ. академије XX (1893)], издавшаго довольно много отрывковъ изъ этого апракоса, настолько много, что мы можемъ вполнѣ судить объ особенностяхъ въ чтеніяхъ⁶⁾. Этотъ трудъ, какъ и самый текстъ, ускользнули отъ вниманія г. Воскресенскаго, между тѣмъ въ исторіи евангельскаго текста Мирославоу ев. принадлежитъ почетное мѣсто.

1) Во время своего путешествія Г. А. Воскресенскій, повидимому, еще не имѣлъ въ виду въ такомъ широкомъ планѣ своей теперешней работы, вышедшей чуть не 15 лѣтъ послѣ этого путешествія; поэтому тогда и не могъ, вѣроятно, достаточно подробно изучать евангелія сообразно плану, теперь имъ проводимому.

2) Онъ ограничился при перечнѣ рукописей только четвертой редакціи *указаніемъ* на Уваровскіе списки по описанію архим. Леонида (см. стр. 60). Къ тому-же эта замѣтка не точна: между № 43—104 Увар. находимъ не только списки XV—XVI в., какъ можно понимать изъ словъ г. Воскресенскаго.

3) Кстати: Дечанское ев., изъ котораго И. В. Ягичъ дополнилъ свое изданіе Мар. ев. (болгарск. XIII в.) осталось неизслѣдованнымъ Г. А. Воскресенскимъ (ср. стр. 18), хотя оно и хранится въ И. Публ. Библ., откуда проф. Воскресенскій извлекъ другіе свои тексты.

4) Напр. Стаматовское четвероевангеліе (XII—XIII в. болгарское; о немъ-же въ Древн. пам. юсов. письма, стр. 48, 201) (№ 82), Финляндскіе отрывки XII в. (№ 41), изъ коихъ въ одномъ есть даже чтенія отъ Марка (VIII, 13—38; XI, 14—32).

5) См. Свѣд. и зам., XLVI.

6) Изъ ев. Марка было издано: II, 1—12, IV, 1—9, VI, 3, 4, 42—44; X, 6, 11, 12, 15, 28—31, 32—45, 46—52; XVI, 9—20.

Не вдаваясь въ подробную и неумѣстную здѣсь оцѣнку этого евангелія напомнимъ только то, что этотъ текстъ считается древнѣйшимъ между сербскими, замѣчательнъ порядкомъ чтеній, своимъ правописаніемъ, еще сохраняющимъ наглядную связь съ болгарской редакціей текста въ видѣ *Δ, Λ и Ж*¹⁾. По чтеніямъ это евангеліе должно быть отнесено къ древней версії текста, но въ то же время уже носить слѣды и оригинальныхъ чтеній, частію вошедшихъ въ употребленіе въ слѣдующій (еще болгарскій *ѡке*) періодъ письменности²⁾. Къ числу такихъ же пропусковъ надо отнести и листки Ундольскаго, давно уже изданные И. И. Срезневскимъ (Пам. юсов. письма (Спб. 1868), стр. 48, 194), гдѣ какъ разъ находится два куска изъ ев. Марка (XIII, 24—43 и V, 24—34). Ихъ мы не находимъ въ перечнѣ текстовъ, хотя авторъ и находитъ нужнымъ отмѣтить (стр. 31) Туровскіе листки ев., гдѣ нѣтъ ни одного отрывка изъ интересующаго его ев. Марка.... Наконецъ, самымъ крупнымъ недостаткомъ въ подборѣ матеріала, недостаткомъ, лучше всего доказывающимъ односторонность въ примѣненіи метода у г. Воскресенскаго, является то, что въ такомъ крупномъ по затрогиваемымъ вопросамъ изслѣдованія, каково, несомнѣнно, настоящее, не находимъ цѣлой группы памятниковъ, несомнѣнно, имѣющихъ не маловажное значеніе въ исторіи св. писанія на славянскомъ языкѣ, особенно въ древнѣйшую эпоху этого текста: я имѣю въ виду тексты св. писанія на славянскомъ языкѣ у католическихъ славянъ, главн. обр. въ хорватской старой, глаголической, частію кирилловской и латинской письменности³⁾. Значеніе этихъ памятниковъ для изслѣдователя судьбы св. писанія у славянъ, для древнѣйшей эпохи нашихъ текстовъ евангелія давно уже отмѣчено изслѣдователями, и хорватскіе тексты оцѣнены по достоинству⁴⁾: въ этихъ текстахъ, не смотря на ихъ сложную исторію, по временамъ весьма для нихъ грустную, мы имѣемъ, несомнѣнно, хотя и не въ большомъ количествѣ, драгоценные матеріалы для уясненія состоянія текста св. писанія въ ту отдаленную эпоху, когда юго-славянская, сербская и болгарская, письменность и хорватская еще не разошлись такъ далеко въ своихъ направленіяхъ, какъ это показываетъ послѣдующая исторія. Остатки этого состоянія св. писанія могли бы служить г. Воскресенскому, какъ они служи-

1) В. Облакъ. Нѣколко бѣлѣжки върху старословѣнскитѣ паметници (Сборн. за народ. умотвор. IX (1893), стр. 9). Какъ извѣстно, теперь этотъ текстъ вцолнѣ изданъ фототипически на средства Е. В. Короля Сербіи. Этимъ текстомъ я позволю себѣ воспользоваться ниже въ интересахъ разъясненія отдѣльныхъ вопросовъ, насъ теперь занимающихъ.

2) Эти чтенія, всѣ разбитыя по категоріямъ, приведены у Л. Стояновича (ук. соч. стр. IX).

3) На этотъ недостатокъ указалъ уже И. В. Ягичъ въ своей замѣткѣ объ изслѣдованіи г. Воскресенскаго (Archiv f. sl. Ph. XVIII, 274).

4) Напр. см. статью И. В. Ягича: *Evangelije u slovenskom prievodu* въ *Tisúcnici slav. apostolá* (Zagreb, 1868), стр. 29 и сл.

ди другимъ изслѣдователямъ (Ягичу, Облаку) отличнымъ средствомъ для оцѣнки варьянтовъ, какъ данныя, несомнѣнно, восходящія по древности къ первоначальной эпохѣ или ко времени къ ней близкому: эти тексты, вмѣстѣ съ иными памятниками, представили бы изслѣдователю иную картину развитія текста св. писанія, нежели онъ себѣ рисовалъ¹⁾. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ подобнаго рода: они покажутъ, что варьянты, получаемые изъ сравненія только древнихъ глаголическихъ и кирилловскихъ рукописей получаютъ иное освѣщеніе и ставятся въ иныя отношенія, если мы ихъ проконтролируемъ съ помощію хорватскихъ текстовъ²⁾.

Сравнивая между собой древнѣйшіе тексты глаголическіе и кирилловскіе находимъ рядъ различій, группирующихся въ три отдѣла: а) чтеніе одного списка замѣняется въ другихъ инымъ чтеніемъ, образованнымъ отъ того же корня, б) чтеніе одного списка славянское замѣняется инымъ чтеніемъ иного корня, в) грецизмы одного списка въ другихъ замѣняются переводомъ³⁾. Начнемъ съ грецизмовъ по спискамъ: Ассеманову, Зографскому, Маріинскому, Мирославу, Никольскому, Саввину, Остромирову, для западныхъ — по Миссалу XIV в. Кукулевича-Сакцинскаго (теперь Академіи Юго-слав., обозначаю Mk.) и первопечатному изд. Миссала 1483 г. (обозн. Mis.).

- 1) власфимига (βλασφημία) (Марк. II, 7) осталось безъ перевода во всѣхъ глаголич. спискахъ и Ник. ев., тогда какъ въ Остром., Мир. (127) и Сав. имѣемъ уже переводъ — хоулж, хоулы. Такимъ образомъ Остр., Мир. и Сав. представляютъ уже болѣе позднее чтеніе. Но подобная замѣна не можетъ быть относима къ особенно позднимъ: начало ея мы уже видимъ въ Мар., Асс. ев. (Мѡ. XII, 31): хоула, тогда какъ Зогр. и Мир. (56) сохраняетъ: власвимиѣ. Такимъ образомъ замѣна греческаго слова славянскимъ въ данномъ случаѣ должна считаться гораздо болѣе древней, нежели тѣ замѣны, съ которыми связано у г. Воскресенскаго (ср. стр. 182, 250) возникновеніе новой редакціи (2-й). Въ связи съ этимъ глаг. власфимисати (влафимлѣеть (Асс. Мар.), власвимисаетъ (Зогр. Мир. (52) Ник.) — Мѡ. IX, 3) передается въ Остр. хоульствоукть, въ Сав. хоулитъ. Эта замѣна такая же древняя, что доказывается тѣмъ, что ее находимъ уже въ

1) Этого пункта коснемся ниже.

2) Примѣры подобраны мною по введенію И. В. Ягича къ Ассеманову ев. изд. Рачкаго (Zagreb, 1865). Эти примѣры привожу теперь, дабы не повторять ихъ ниже.

3) Это дѣленіе варьянтовъ удерживается и у г. Воскресенскаго.

старо-хорватскихъ текстахъ: хоулити (Берчичъ), хоулнѣ бесѣдоуеть (Mis.)¹⁾.

- 2) *razbiti* — Въ передачѣ этого слова опять видимъ то же колебаніе по отдѣльнымъ спискамъ: въ однихъ мѣстахъ (Іо. XI, 8; XX, 16) всѣ списки сохраняютъ грецизмъ, тогда какъ одно Мар. (въ первомъ случаѣ) даетъ уже переводъ: оучителю; въ другихъ случаяхъ та же непослѣдовательность: Іо. IX, 2 всѣ списки, а въ томъ числѣ и хорватскіе, сохраняютъ грецизмъ, исключая Мар. и Ассем., дающихъ уже переводъ; но въ Мѳ. XXIII, 8 переводъ даетъ уже только Ассем., тогда какъ Мар., согласно съ прочими сохраняетъ первоначальное чтеніе, а въ Мѳ. XXVI, 25 къ Ассем. присоединяется и Сав.. Смыслъ этихъ разночтеній ясенъ: въ данномъ случаѣ, какъ и въ первомъ, мы видимъ, 1) что замѣна грецизмовъ началась еще въ древнѣйшую, м. б. такъ наз. «паннонскую» эпоху славянскаго перевода, 2) что эта замѣна происходила постепенно, не проходя послѣдовательно чрезъ весь списокъ.
- 3) *σπεκουλάτωρ* осталось безъ перевода въ Ассем. (Марк. VI, 27). Ник. Мк., Mis., но въ Мар., Зогр., Мир. (194) и Сав. находимъ уже переводъ: война, а въ Остр. мечъника. Несомнѣнно, что Мар. ев. и Сав. даютъ чтеніе уже не первоначальное, сохраненное Асс. Ник. и хорватскими текстами, но Остр., повидимому, даетъ чтеніе, уже независимое отъ Мар. и Сав.: оба чтенія могутъ быть одинаково древни.
- 4) *σταδίον* во всѣхъ спискахъ осталось безъ перевода (Іо. XI, 18), кромѣ Остр.-попърище. Переводъ возникъ въ группѣ текстовъ, къ которой относятся оригиналь Остр. (восточно-болгарскій).
- 5) *ὑποκρίτης* еще въ «паннонскую» эпоху начало замѣняться переводомъ: въ Мѳ. VI, 2 оно осталось неизмѣннымъ во всѣхъ спискахъ, кромѣ Остр. (лицемѣръ), тогда какъ черезъ нѣсколько стиховъ (VI, 5) Зогр., Мир. (124) и Мар. согласно съ Остр. читаютъ уже: лицемѣри. Т. о. Остр. текстъ только послѣдовательно уже провелъ въ этомъ мѣстѣ начавшуюся уже замѣну грецизма славянскимъ словомъ.

Такимъ образомъ, пересмотрѣнные грецизмы перевода по разнымъ спискамъ показываютъ: а) замѣна ихъ славянскими выраженіями происходила постепенно и б) началась эта замѣна, вызываемая желаніемъ сдѣлать текстъ понятнѣе, еще въ древнѣйшій періодъ письменности: древ-

1) См. В. Облакъ. Нѣколко бѣлѣжки...., стр. 15.

нѣйшіе глаголическіе и древнѣйшіе кирилловскіе тексты — ни одинъ не представляетъ въ этомъ отношеніи текстъ неприкосновеннымъ. Совпаденіе же въ этихъ замѣнахъ съ аналогичными въ хорватскихъ текстахъ даютъ возможность опредѣлить приблизительно время, когда этотъ процессъ начался въ исторіи текста: вѣроятно, въ эпоху первоначальную, весьма близкую ко времени самаго перевода.

Вторая группа вариантовъ — замѣна однихъ словъ другими, иного образованія отъ того же корня.

- 1) чловѣчь — чловѣчьскы; первое чтеніе предпочитаетъ Ассем. (Ягичъ, Мар. Ев., 602), тогда какъ второе, считающееся позднѣйшимъ сравнительно съ первымъ (Ягичъ, тамъ же, 466), имѣютъ всѣ списки, а въ томъ числѣ и хорватскіе (Mis.).
- 2) небесьскъ — небесьнъ. Отношеніе обратное: первое чтеніе, болѣе древнее (Ягичъ, 466) сохранено списками Мар., Остр., Сав., Зогра. (также Кіевскими отрывками), а съ ними и хорватскими текстами, тогда какъ Ассем. предпочло, вмѣстѣ съ Ник. ев., вторую форму.
- 3) пастырь — Ассем. знаетъ только эту форму, которую предпочитаютъ и хорватскіе тексты¹⁾; то же предпочтеніе и въ Ник. ев. Но уже Зогра. и Остр. знаютъ и форму: пастоухъ: «кажется, что уже въ первое время (т. е. на паннономоравской почвѣ) употребляли то и другое слово, такъ что форма пастоухъ можетъ быть уже потомъ въ извѣстномъ числѣ южно-славянскихъ памятниковъ нарочно была устранена» (Ягичъ, Мар. Ев. 466). Т. о. различія Остр. и Зогра. ев. являются весьма древними и можетъ быть одинаково древними, а отнюдь не принадлежащими одно юго-славянской, другое русской почвѣ, какъ это полагаетъ г. Воскресенскій²⁾, вѣроятно, соблазненный словами Ягича въ Uvod'ѣ къ Ассем. ев.: «Ova je reč (пастырь) znamenita tim, što u assem. formi a u tom znamenovanju, izključivo dolazi u jugo-slavenskih pametnicich» (стр. LXIV).
- 4) рыбитвъ — рыбарь (Лк. V, 2); первую форму имѣютъ Мар., Мир. (86) и Асс., тогда какъ вторую — остальные вмѣстѣ съ хорватскими (Mis.); но эта вторая форма не чужда и Мар. и Асс. (Мар. I, 16)³⁾. Надо полагать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ аналогичнымъ явленіемъ, что и въ предыдущемъ примѣрѣ.

1) То же въ Мар.. Ср. Ягича Uvod, LXIV, къ Ассем.ев.

2) Ср. выше, стр. 37.

3) Въ Мир. стиховъ 16—22 нѣтъ.

5) назорей — назарѣнинъ; здѣсь почти то же колебаніе, что мы видѣли въ словѣ равви. Наиболѣе послѣдовательнымъ является здѣсь Асс., знающее только первую форму (= *ναζαρεῦς*); Мар. же уже имѣетъ и вторую форму (Лк. XXIV, 19, Мѡ. XXVI, 71), хотя часто (Іо. XVIII, 5, 7; XIX, 19)¹⁾ пользуется и первой. Ник. и Сав. предпочитаютъ вторую форму, Остр. же и Мир. (153, 171) исключительно вторую. Но ту же форму имѣютъ и хорватскіе тексты (*nazařanin'*). Если это слово не было извѣстно въ обѣихъ формахъ еще въ первоначальную («панноморавскую») эпоху, то во всякомъ случаѣ приходится признать вторую форму новѣе, какъ болѣе отступившую отъ греч. прототипа; это подтверждаетъ и Ассем. ев., послѣдовательно сохранившее первую форму. Во всякомъ случаѣ и вторая форма, какъ показываютъ хорватскіе тексты и списки Ник., Сав. и Мар., весьма рано проникла въ текстъ.

6) Милосрдѣ — милостивъ (Лк. VI, 36) всѣ списки, кромѣ Остр., имѣютъ первую форму въ этомъ мѣстѣ, тогда какъ вторая форма передается всѣми списками въ другомъ мѣстѣ (Мѡ. V, 7); но хорватскіе (Мк., Мис.) и здѣсь сохранили первоначальное чтеніе, можетъ быть поддержанное живымъ употребленіемъ этого слова: *milosrdi*.

Изъ этой категоріи варьянтовъ мы видимъ не только подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ на наблюденіи грецизмовъ, но и новую подробность: различія въ передачѣ греческаго слова не всегда указываютъ на замѣну только одного выраженія другимъ синонимическимъ или близкимъ по значенію, но показываютъ также присутствіе синонимическихъ выраженій и образований рядомъ еще въ первоначальномъ переводѣ. Чѣмъ руководились переводчики перевода *ποιμήν* разъ пастухъ, другой разъ пастырь или *ἄλιεύς* — рыбитвъ и рыбарь, мы не знаемъ. Послѣдующій процессъ въ этихъ случаяхъ заключался, какъ мы можемъ видѣть по Остр. ев., напр., въ проведеніи однообразія въ переводѣ словъ, что вызывалось, можетъ быть, употребительностью одной формы предпочтительно предъ другой въ той мѣстности, гдѣ возникалъ тотъ или другой списокъ.

Наконецъ послѣдняя категорія различій — замѣна одного слова инымъ по корню.

1) вождь (*ἡγούμενος*) (Мѡ. II, 6) — владыка; первое чтеніе находимъ въ Ассем., второе въ остальныхъ спискахъ, а также и въ хорватскихъ — указаніе на древность этого различія: съ одной

1) Сюда относится и Дечанское ев., изъ котораго взято дополненіе (гл. I—V Мѡ.) къ Мар.; см. Мѡ. II, 23.

стороны Ассем. XI в., съ другой хорватскіе тексты, совпадающіе съ Остром. и Ник.

- 2) врьтъ (κῆπος) (Io. XVIII, 1) сохранено Асс., Ник., Зогр., Мар. и Mk., Мів.; Сав. имѣетъ своеобразную передачу — градъ, а Остр. врьтъпъ, служащее обычно для передачи слова στήλαιον, хотя то же слово также для передачи κῆπος (Io. XIX, 41) имѣютъ Мар. и Зогр., тогда какъ и здѣсь Асс. и Ник. имѣютъ врьтъ; въ третьемъ мѣстѣ (Io. XVIII, 26) κῆπος передается врьтъ въ Зогр., Асс., Ник.; въ Сав. опять градъ, Остр. и Мир. (152, 159, 154) ев. соединяетъ оба чтенія — врьтоградъ. Такимъ образомъ, для передачи слова κῆπος имѣемъ: врьтъ, которое приходится счесть древнѣйшимъ, врьтъпъ, вызванное вѣроятно смѣшеніемъ словъ по сходству первой части, поэтому могшее явиться послѣ врьтъ весьма рано, какъ находимое уже въ Зогр., Мар. и Остр., и слово градъ, представленное однимъ Сав. Эта послѣдняя передача, вѣроятно мѣстнаго характера, не осталась безъ вліянія на оригиналь Остр. ев., которое даетъ и древнѣйшее чтеніе, и среднее, такъ сказать, и позднее, выразившееся въ сложномъ: врьтоградъ¹⁾. Всѣ эти измѣненія однако должны быть древни, и не могутъ быть поставлены въ связь съ такъ наз. 2-й ред. (у г. Воскресенскаго): чтеніе градъ подтверждается Трън. ев., знающимъ исключительно этотъ переводъ для κῆπος²⁾.
- 3) вѣскжж — древность этого чтенія (διδῶσι) (Мѡ. XXVII, 46) подтверждается согласіемъ въ передачѣ его всѣми глаголич. списками въ связи съ хорватскими, тогда какъ Остр. имѣетъ: почъто, которое находимъ и въ Сав. .
- 4) година (ώρα) несомнѣнно древнѣе слова часъ, которое уже находимъ и въ Остр., въ этомъ случаѣ совпадающимъ съ Трън. ев. (Valjaves, 41), почти уже вытѣсненнымъ всюду старое година, которое еще въ древнѣйшее время стало уже чередоваться съ часъ (Ягичъ, Мар. Ев., словарь, s. v. часъ).
- 5) горе — согласно передается не только Асс., Зогр., Мар., Мир. (144) и Ник., но и Mk. и Мів., тогда какъ Остр. читаетъ лютъ (Мѡ. XXVI, 24). Это же выраженіе предпочитаетъ и Трън. ев. (Valjaves, 82).
- 6) дивьнъ (Лк. V, 26), въ отличіе отъ остальныхъ Остр. предлагаетъ: прѣславна, не поддерживаемое хорватскими списками, но

1) Ср. Ягичъ. Мар. Ев. 468.

2) См. М. Valjaves, Trnovsko tetrajevandjelije (Starine, XXI), стр. 138, 139. Значеніе этого евангелія въ вопросѣ о редакціяхъ см. ниже.

опять находящее себѣ оправданіе въ Трън. ев. (славна, Valjaves, 116).

- 7) домъ передается въ разныхъ спискахъ различно: Асс. здѣсь достигаетъ большаго однообразія, удерживая вездѣ этотъ переводъ для словъ: *στευή, οίκος, οίκία*. Мар. только въ одномъ случаѣ (Мө. VIII, 8) согласно съ Асс.: въ остальныхъ (Мр. II, 26, Мө. XXIV, 17) даетъ: храмъ, согл. съ Зогр. и Остр., и Ник.¹⁾ (во второмъ случаѣ). Кромѣ этихъ двухъ словъ, для передачи *στευή* находимъ кровъ (Мө. VIII, 8) въ Остр., съ которымъ совпадаютъ: Сав., Мир. (46), Ник., Мк. и Мис.. Такимъ образомъ *στευή* = кровъ; слово — весьма древне, такъ какъ оно поддержано не только хорватск. текстами, но и архаич. Никольск. и Сав.; *οίκος* = домъ и храмъ; *οίκία* = храмъ; Остр. имѣетъ для послѣдняго чтеніе, поддерживаемое Мир. (57) и Мис., хранина. Какъ было въ первоначальномъ текстѣ? Надо полагать, что Асс. ев. здѣсь упростило текстъ, сливши по значенію во одно всѣ три греческія слова. За разнообразіе въ передачѣ говоритъ здѣсь не только согласіе разныхъ по мѣсту происхожденія списковъ (хорватскіе, сербское Ник. ев., восточно-болгарск. Остром. ев.), но и древность чтенія, указывающая, что въ хорватскихъ спискахъ еще было: кровъ и хранина.
- 8) клепати (*σημαίνειν*) (Ю. XXI, 19) имѣютъ сп. Зогр., Сав., Мир. (31), Асс. (клепѣа), тогда какъ Остр., согл. съ Мк. и Мис. — знаменоуж. Если первое выраженіе и принадлежитъ первоначальному переводу, то варьянтъ Остр. ев. всетаки весьма древень, находя себѣ опору въ хорв. текстѣ.
- 9) ложе (Мө. IX, 6) сохраняютъ: Мар., Асс., Ник., тогда какъ Остр., Мир. (52), Мк., Мис. имѣютъ уже одръ. Значеніе варьянта то же, что и въ предыдущемъ случаѣ.
- 10) лажаѣ (Мө. XXIII, 37) читается только въ Асс., тогда какъ остальные всѣ читаютъ кокошь, которое является общимъ, по крайней мѣрѣ, для древняго періода, подтверждаемое хорватскими текстами, а можетъ быть и первоначальнымъ.
- 11) огонь, какъ переводъ *κλιβανον* (Мө. VI, 30), имѣютъ Мар., Асс., остальные древнее различіе печь, находимое и въ Мк. и Мис..
- 12) неразумнаѣ въ Асс., Зогр., Мир. (3), Ник. служитъ для перевода *ἀνόητοι* (Лук. XXIV, 25), которому соответствуетъ въ Остр., Мар. и Мис. древній варьянтъ: несъмыслна. Ср. предыдущій случай.

1) Въ Мир. этого мѣста нѣтъ.

- 13) оубогъ (Лк. XVI, 20) только въ Асс., вм. нищъ во всѣхъ остальныхъ, а также въ хорватскомъ.
- 14) заключити (Лк. III, 20) Зоґр. соотвѣтствуетъ заклепити въ Мар., заклопити Мир. (83) и Ник.; въ другомъ мѣстѣ (IV, 25) Остр., Сав., Асс. имѣютъ заключити противъ Мар., Мир. (85), Мк., Міс. заклепити. Такимъ образомъ, въ Мар., Ник. и хорватск. текстахъ имѣемъ древнее выраженіе, которое замѣнилось болѣе обычнымъ уже въ Асс., Остр. (Ср. Ягичъ, Мар. Ев. 468).

Обзоръ этихъ вариантовъ ясно показываетъ значеніе хорватскихъ текстовъ въ ряду другихъ, именно, какъ солидный вспомогательный матеріалъ при оцѣнкѣ древности¹⁾, а иногда и послѣдовательности разночтеній. Воспользоваться этимъ матеріаломъ съ пользою могъ-бы и г. Воскресенскій: тексты св. писанія хорватской рецензии существуютъ въ довольно значительномъ подборѣ, не только у П. I. Шафарика²⁾, но и въ специальныхъ изданіяхъ И. Берчича (*Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta — Praha 1864—1871*) и М. Решетара (*Zadarski i Raninih lekcionar — Zagreb 1894*). Кромѣ того, не безъ пользы можно-бы было обратить вниманіе на глаголическую часть Реймсскаго еванг., извѣстнаго г. Воскресенскому по изданію Сильвестра (см. стр. 30)³⁾.

Такимъ образомъ, въ результатѣ нашего обзора матеріала, собраннаго г. Воскресенскимъ, мы можемъ отмѣтить недостаточность его по внутреннему достоинству при изобиліи внѣшнемъ: недостаточно внимательное съ точки зрѣнія метода отношеніе къ сохранившимся и извѣстнымъ въ наукѣ памятникамъ помѣшало автору съ достаточной ясностью оцѣнить, какъ отдѣльные тексты, такъ и цѣлую группу ихъ, важную въ исторіи св. писанія на славянскомъ языкѣ.

Но и собранный г. Воскресенскимъ матеріалъ, хотя и нѣсколько односторонній, самъ по своему объему весьма крупный: мы обязаны г. Воскресенскому тѣмъ, что онъ не только попробовалъ его сгруппировать, но ввелъ въ изученіе развитія нашего евангельскаго текста много новаго, до сихъ поръ не затронутаго и неизвѣстнаго. Этотъ матеріалъ имъ описанъ, отчасти разработанъ: будущимъ изслѣдователямъ необходимо будетъ между прочимъ руководиться и указаніями, данными г. Воскресенскимъ. Эти указанія, хотя и краткія, сжатые по формѣ, но все-же даютъ достаточно твердую въ большинствѣ случаевъ исходную точку для разысканій. Оста-

1) См., напр., указанія на слѣды измѣненій первоначальнаго текста по Ассем. списку у Ягича въ его введеніи къ этому евангелію, стр. LXXXVIII.

2) См. его *Ramátky hláh. písemnictví* (Praha, 1858), стр. 69, 72, 76, 82, 84 и. т. д.

3) Болѣе доступное и удобное изданіе В. Ганки «Сазавоемаузское святое благовѣствованіе, нынѣ же ремьское» (Прага, 1846) г. Воскресенскому осталось неизвѣстнымъ.

ется сдѣлать только нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ частностей въ описаніяхъ рукописей евангельскаго текста, заканчивающихъ первую главу излѣдованія.

Въ этихъ частностяхъ, почти мелочахъ, приходится отмѣтить нѣсколько пробѣловъ, до извѣстной степени объясняющихся уже отмѣченными раньше недостаткомъ вниманія къ филологической чисто постановкѣ дѣла. И здѣсь, какъ въ подборѣ рукописей, видна нѣкоторая односторонность, хотя истекающая уже не изъ указаннаго выше нѣкотораго увлеченія древностью рукописей, а изъ того, что языку рукописи, указанію на происхожденіе ея, авторъ придавалъ слишкомъ мало, какъ намъ кажется, значенія. Кроме того, нельзя не отмѣтить еще одной мелочи, нѣсколько нарушающей то удовлетворяющее впечатлѣніе, которое производитъ описаніе рукописей. Стараясь быть краткимъ въ описаніяхъ (что совершенно справедливо и вполнѣ заслуживаетъ оправданія), авторъ не всегда могъ выбрать подходящія черты для характеристики описываемой рукописи, иногда опускающая то, что казалось-бы нужнымъ, иногда же сообщая такіа подробности, безъ которыхъ легко можно было-бы обойтись. Такъ въ описаніи основныхъ списковъ принятыхъ авторомъ за исходную точку въ изслѣдованіи и изданіи текста, мы ожидали-бы нѣсколько болѣе подробностей, хотя-бы и не новыхъ, но необходимыхъ, какъ введеніе къ издаваемому цѣликомъ тексту. Такъ, нельзя не пожалѣть, что авторъ поспешилъ на болѣе подробное описаніе Галичскаго евангелія 1144 г.: этотъ памятникъ, по словамъ самого проф. Воскресенскаго (стр. 12), «привадлежитъ безспорно къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ древне-славянской и въ частности древнерусской письменности и по тексту и по своимъ фонетическимъ, морфологическимъ и лексикальнымъ особенностямъ». Объ немъ уже сложилась довольно богатая литература, которая и перечислена авторомъ. Естественноѣе всего было-бы ожидать, что авторъ насъ познакомитъ, хотя-бы на основаніи этой богатой литературы, поближе съ памятникомъ, съ его замѣчательными фонетическими особенностями, съ палеографіей памятника¹⁾. Это было-бы тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ мы не имѣемъ такого описанія, если не считать изданія *Θ. И. Буслаева* (*Матеріалы для исторіи письменъ*), вышедшаго въ 1855 году и уже давно считающагося рѣдкостью²⁾. Въмѣсто этого мы находимъ такого рода указанія: «писано на хорошемъ пергаментѣ въ небольшую четвертку (5 вершк. длиною, и 4 шириною), на 260 л. прямымъ четкимъ уставомъ въ 1144 году, какъ видно изъ записи на л. 228

1) На необходимость подобнаго описанія, именно по отношенію къ тому-же Галичскому ев., указалъ уже *И. В. Ягичъ* въ своемъ разборѣ изданія *Амфилохія* (*Сборн. отд. русск. яз. А. Н.*, т. 33, стр. 77).

2) Уже въ 1884 г. жаловался на это *Ягичъ* (*Сборн. отд. русск. языка А. Н.*, т. 33, стр. 76—77).

(дальше запись)... Оглавление писано въ два столбца, самый-же текстъ въ одинъ столбецъ.... Правописание русское.... Давнее мѣстонахождение его въ мѣстечкѣ Крылосѣ близъ Галича, въ связи съ нѣкоторыми (какими?) особенностями языка, позволяетъ считать Галичское евангеліе древнѣйшимъ памятникомъ письменности юго-западной русской» (стр. 11—12). Вотъ собственно все, что мы узнаемъ объ особенностяхъ письма и языка этого замѣчательнаго текста. Для характеристики языка этого Евангелія мы имѣемъ данныя, хотя-бы въ рецензій И. В. Ягича на изданіе арх. Амфилохія ¹⁾, но для палеографіи его у насъ нѣтъ почти ничего, за исключеніемъ двухъ-трехъ страницъ въ «Славяно-русской палеографіи» И. И. Срезневскаго ²⁾. Авторъ, имѣя въ рукахъ самую рукопись, издавая ее палеографически, легко могъ-бы дать краткое описаніе ея особенностей по отношенію къ письму ³⁾ и языку, въ послѣднемъ случаѣ имѣя въ виду, хотя-бы труды Ягича и Соболевскаго. Также странно отсутствуетъ, хотя-бы краткій, отзывъ объ изданіи Амфилохія, хотя авторъ и указываетъ намъ тѣ же статьи Ягича и свои ⁴⁾.

Съ другой стороны онъ находитъ же возможнымъ сообщать почти ненужныя ⁵⁾ подробности о памятникѣ хорошо всѣмъ, даже неспециалистамъ, извѣстномъ — о сребропозлащенномъ, осыпанномъ разноцвѣтными камнями окладѣ (работы ювелировъ Овсянникова, Сазикова или Хлѣбникова) Остромирова евангелія, описывать миниатюры этого евангелія, сообщить даже палеографическую черту Остром. ев. (о слогоотдѣлительной точкѣ, о крестикахъ и узелкахъ въ качествѣ знаковъ препинанія), и въ то же время ограничиться такой характеристикой языка: «правописание древне-славянское юсовое съ слѣдами однакожъ вліянія языка русскаго» (стр. 13). Приводя литературу объ этомъ евангеліи, упоминая даже о неоконченной и совершенно ничтожной по значенію статьѣ Д. Языкова (въ Библ. Зап., 1892 г.), г. Воскресенскій совершенно упускаетъ изъ виду «Особенности языка Остромирова евангелія» А. А. Шахматова и В. Н. Щепкина ⁶⁾. Ему, повидимому, неизвѣстно и то, что «древне-славянскій юсовый» языкъ Остром. ев. теперь уже опредѣленъ точнѣе, именно: указано, что оригина-

1) Тамъ-же.

2) Стр. 150—152, гдѣ приведены начертанія «болѣе другихъ любопытныя» (7 буквъ), запись и текстъ «Отче нашъ».

3) Напр., въ числѣ оригинальныхъ чертъ рукописи обращаетъ вниманіе на себя частое употребленіе і и І вм. обычнаго и. Что значать въ изданіи эти два типа і и І?

4) Пока не вышло *все* евангеліе въ изданіи Г. А. Воскресенскаго, изданіе Амфилохія сохраняетъ свое важное значеніе.

5) Напр., въ описаніи Чудовскаго смиска: зачѣмъ эти записи митрополита Платона, не имѣющія никакого другого значенія, какъ развѣ то, что смиренный митр. Платонъ вѣрилъ подлинности преданія о принадлежности рукописи перу св. Алексѣя? (стр. 48—49).

6) Грамматика старославянскаго языка, А. Лескина (М., 1890 г.), стр. 157—192.

ломъ Григорія былъ текстъ болгарскій, восточно-болгарскій, уже прошедшій черезъ редакцію ¹⁾, чѣмъ объясняются отклоненія его отъ типа глаголическихъ памятниковъ и древнѣйшихъ кирилловскихъ и сходство его съ Супрасльской рукописью и отчасти съ Тръновскимъ евангелиемъ, насколько это послѣднее сохранило древнюю основу ²⁾. Также мало говоритъ намъ описаніе Саввиной книги (стр. 14): сообразно съ своимъ планомъ, авторъ ограничивается нѣсколькими словами и приводитъ литературу, гдѣ находимъ и извѣстную статью И. В. Ягича (*Archiv f. sl. Ph.* V, 580—612); прямо въ интересахъ самого г. Воскресенскаго было бы отмѣтить главное достоинство этой статьи, заключающей въ себѣ существенныя поправки къ описанію Саввиной книги Срезневскаго и (что еще важнѣе) исправленіе всего, не вполне удавшагося въ изданіи текста этой рукописи у И. И. Срезневскаго. Иначе изъ того, что сообщено г. Воскресенскимъ, получается выводъ, что онъ вполне удовлетворяется изданіемъ Срезневскаго, сообщая только, что текстъ вполне изданъ въ Юсовыхъ памятникахъ, гдѣ «въ обзорѣніи дано мѣсто описанію этой замѣчательной рукописи». Также мало находимъ мы указаній на отношеніе изданія Ассеманова евангелія Чрнчича къ старшему изданію Рачкаго: разница между ними не въ томъ только, какъ сообщаетъ г. Воскресенскій, что одно издано глаголицей съ введеніемъ И. В. Ягича, а другое «новое» изданіе латиницей: послѣднее изданіе вызвано несовершенствомъ изданія Рачкаго.

Эти немпогіе примѣры показываютъ также, что, собирая матеріалъ по отдѣльнымъ рукописямъ, авторъ вообще не считалъ нужнымъ относиться критически къ трудамъ своихъ предшественниковъ, ограничиваясь механическимъ подборомъ того, что существуетъ въ литературѣ объ той или другой рукописи. Эта черта замѣтна и тамъ, гдѣ онъ, повидимому, находилъ нужнымъ приводить подробнѣе различныя мнѣнія; таковъ, напр., случай, когда авторъ, описывая довольно подробно (и совершенно правильно) рукопись Чудова монастыря (такъ наз. мигр. Алексѣя), приводитъ подробное изложеніе мнѣнія А. И. Соболевскаго противъ подлинности преданія о томъ, что Чудовское евангеліе писано митр. Алексѣемъ. Стоитъ здѣсь сравнить слова Воскресенскаго о духовной грамотѣ Алексѣя съ тѣмъ, что приводитъ онъ далѣе: на стр. 49 онъ безъ всякихъ оговорокъ считаетъ еѣ подлинной, описываетъ ее, хотя это совершенно излишняя подробность, ни чуть не уясняющая дѣло о принадлежности евангелія св. Алексѣю ³⁾; на стр. же 51 онъ приводитъ мнѣніе Соболевскаго о той-же грамотѣ, пи-

1) *Archiv f. sl. Ph.* V, 580.

2) *Archiv f. sl. Phil.* XIII (1890 г.), стр. 241—248 (статья Облака).

3) Развѣ только въ томъ отношеніи это было нужно, что духовная прикрѣплена къ нижней доскѣ рукописи!

санной «обычнымъ московскимъ канцелярскимъ полууставомъ XVI вѣка, приближающимся къ скорописи». Ждемъ опроверженія мнѣнія проф. Соболевскаго — и напрасно. . . . Приведа идущее отъ Епифанія преданіе о принадлежности Чудовскаго списка перу самого Алексѣя, г. Воскресенскій находитъ какъ-бы оправданіе этому преданію (а вмѣстѣ и мнѣнію митр. Евгенія) въ статьѣ, находящейся въ Чудовской рукописи: «О поставленіи властелій»: «нельзя не замѣтить, что выборъ и помѣщеніе сего слова, въ которомъ разрѣшались вопросы, близко касавшіеся тогдашняго положенія Руси, какъ нельзя болѣе приличествуютъ св. Алексѣю, великому печальнику земли русской. . . .» (даже характеристика тяжести ига, о надеждахъ Алексѣя, не упускавшаго случая «напомнить русскимъ людямъ о своей задушевной мечтѣ» — освобожденіи отъ ига, о грамотѣ Донскаго съ Михаиломъ Александровичемъ и т. д., стр. 51). Повидимому, статья признается г. Воскресенскимъ принадлежащей перу Алексѣя, а она находится къ тому-же въ евангеліи, по преданію писанномъ имъ-же! . . . Слѣдомъ за этой мыслью Воскресенскаго читаемъ вдругъ перепечатанное цѣликомъ¹⁾ опроверженіе А. И. Соболевскаго правильности преданія, подкрѣпленное рядомъ доказательствъ. Опять не находимъ ни слова ни за, ни противъ Соболевскаго, ни разбора его доказательствъ, основанныхъ на совершенно иныхъ (и притомъ научныхъ) данныхъ, нежели мнѣніе г. Воскресенскаго.

Другая категория недостатковъ въ описаніи рукописей проистекаетъ отчасти изъ тѣхъ-же причинъ, но носятъ уже отчасти и иной характеръ, но также, такъ сказать, филологическій. Авторъ вообще не щедръ на филологическія замѣтки, каковы напр. о языкѣ описываемыхъ имъ текстовъ: согласно съ своей цѣлью — быть возможно краткимъ въ описаніи такого большого количества рукописей — онъ характеризуетъ языкъ («правописаніе») рукописи однимъ, или много, двумя-тремя словами, различая рукописи: «русскія» (съ отгѣнками — говорами, преимущественно новгородскимъ и галицко-волынскимъ), «сербскія» (сюда-же сербо-болгарскія), «средне-болгарскія», «юсовыя», «древне-славянскія» и т. д. Подобной характеристикой языка рукописи, именно пользуясь готовыми терминами, достигалась желаемая краткость и, какъ, очевидно, полагаетъ авторъ, вмѣстѣ и точность описанія, при чемъ, конечно, предполагается, что терминъ, имъ употребленный, есть что-то уже вполне определенное и всѣмъ хорошо извѣстное. Спору нѣтъ, что такой приемъ самъ по себѣ приемъ вѣрный; но онъ на дѣлѣ вѣренъ только тогда, когда, дѣйствительно, терминологія автора сама по себѣ вѣрна и точна, и когда самъ авторъ даетъ себѣ отчетливое представленіе о терминѣ, имъ примѣненномъ. Съ этой стороны-то и можно сдѣлать

1) «Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вв.», стр. 26—28.

г. Воскресенскому нѣкоторый упрекъ: если во многихъ случаяхъ его терминологія и вѣрна и поэтому достигаетъ цѣли, какъ общепринятая, напр. термины: «русскій», «сербскій», «русско-болгарскій», то все же этого нельзя сказать про его терминологію вообще: нѣкоторая неясность, а иногда и прямо сбивчивость терминовъ мѣшаетъ и здѣсь точности и опредѣленности характеристикъ языка, лексики рукописей, а иногда даже приведенные примѣры не поправляютъ дѣла. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ: они характерны для намѣченнаго уже прежде филологическаго взгляда автора. Въ первой-же группѣ рукописей (первая редакция — А), между которыми находимъ и всѣ почти древнѣйшія (XI—XIV в.), встрѣчаемся съ терминомъ «юсовой», «правописаніе юсовое»¹⁾. Этотъ терминъ, какъ извѣстно, еще въ 1868 г. попробовалъ ввести въ нашу филологію покойный И. И. Срезневскій: «письмо это (т. е. разбираемыхъ имъ текстовъ) отличается правильнымъ, хотя и своеобразнымъ (именно, какъ видно изъ общей характеристики, смѣной), употребленіемъ юсовъ ж и а и поэтому можетъ быть названо юсовымъ» (Древніе памятники юсоваго письма, стр. 2). Характеристика эта, какъ извѣстно, дана относительно другихъ текстовъ, сербскихъ и русскихъ; поэтому «памятники юсовые» это — «памятники не русскіе и не сербскіе» (стр. 2, 3), отличающіеся отъ этихъ послѣднихъ употребленіемъ юсовъ. Отъ точнаго приуроченія этихъ памятниковъ по мѣстности и по отношенію къ «старо-славянскимъ» осторожный Срезневскій воздержался, ограничившись указаніемъ на тѣсную связь ихъ съ глаголическими и кирилловскими древнѣйшими (напр. Супрасльскою рукописью (стр. 4), Остромировымъ евангеліемъ, стр. 168, 176), вѣруя еще въ то, что «отысканіе памятниковъ чистаго славянскаго языка не невозможно» (стр. 168). Впрочемъ, онъ, при всей осторожности, и обмолвился, хотя и весьма удачно, озаглавивъ свои юсовые памятники въ обзорѣ (стр. 1—148) «древними старо-славянскими памятниками юго-западнаго юсоваго письма»: очевидно онъ имѣлъ въ виду намекъ на юго-западные страны Балканскаго полуострова, въ отличіе отъ другихъ юсовыхъ, напр. восточно-болгарскихъ. Такимъ образомъ, смыслъ термина «юсовой» у Срезневскаго ясенъ, хотя онъ не можетъ быть поставленъ по точности и опредѣленности рядомъ съ терминами «русскій» и «сербскій». Это было почти 30 лѣтъ назадъ. Толчекъ, данный Срезневскимъ въ его «Юсовыхъ памятникахъ», не прошелъ безслѣдно: результатомъ изученія памятниковъ, впервые почти увидѣвшихъ свѣтъ въ книгѣ Срезневскаго, было болѣе точное опредѣленіе рукописей, названныхъ «юсовыми»: значительная часть

1) Иногда эту характеристику дополняютъ другія подробности: «древне-славянское юсовое съ слѣдами русскаго вліянія» (А 1), «юсовое съ слѣдами вліянія сербскаго языка» (А 6, А 24, А 9).

этихъ рукописей образовала вполне опредѣленную группу средне-болгарскихъ, названныхъ такъ въ отличіе отъ старо-болгарскихъ и (м. б., или?) старо-славянскихъ и ново-болгарскихъ¹⁾. «Юго-западное» происхожденіе нѣкоторыхъ текстовъ, поставленныхъ въ связь съ «юсовыми» Срезневскимъ, напр. глаголическіе тексты въ родѣ Марьянскаго, Ассеманова евангелій, подтвердилось или по отношенію къ самымъ спискамъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ оригиналамъ. Г. Воскресенскій остался при устарѣломъ и теперь уже не пригодномъ по неточности терминѣ «юсовой», хотя ему извѣстенъ и новый терминъ — «средне-болгарскій»²⁾. Эти термины, конечно, рядомъ стоять теперь не могутъ. Но у г. Воскресенскаго они на лицо: причина этого въ томъ, что онъ, какъ полагаю, не вдумался особенно внимательно въ ихъ соотношеніе и значеніе. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что онъ одинъ терминъ «юсовой» примѣняетъ къ памятникамъ различнымъ по языку, хотя, можетъ, быть и принадлежащимъ къ одной группѣ, можетъ быть, болгарской (если мы признаемъ старо-славянскій языкъ весьма близкимъ къ болгарскому, или сочтемъ его однимъ изъ древнихъ, теперь вымершихъ или измѣнившихся говоровъ этого языка³⁾). Вотъ примѣры такого примѣненія термина: Остромирово евангеліе названо по «правописанію» — древне-славянскимъ, юсовымъ (ср. выше); сюда же отнесены Саввино, Ассеманово, Маріинское, Зографское, Дечанское, названныя просто юсовыми, а также Верковича (А 24), Хлудовское (А 39), Срезневскаго (А 27), Хлудовское другое (А 12), а Григоровичево (А 15) почему то названо уже «средне-болгарскимъ», Карпинское же евангеліе (А 9) опять уже «юсовое»⁴⁾. Отличій въ языкѣ перечисленныхъ рукописей (а эти отличія есть, несомнѣнно) не указано, съ другой стороны не ясно, почему два средне-болгарскихъ текста (А 15 и 9) получили различные термины. Но этимъ неясность не исчерпывается: Остромирово евангеліе (А 1) названо не только юсовымъ, но и древне-славянскимъ. Въ какомъ отношеніи находятся между собой эти два термина? Если понимать второй терминъ, какъ обыкновенно принято, т. е., что О. Е. представляетъ съ видоизмѣненіями идеальнѣйшій древне-славянскій (или старо-славянскій, церковно-славянскій) языкъ, то само собой ясно, что первый терминъ надо понимать или какъ излишній, или-же какъ равный: «болгарскій», «средне-

1) Въ числѣ первыхъ, внесшихъ и отстаивавшихъ этотъ терминъ, былъ, если не ошибаюсь, А. Лескинъ (см. Archiv f. sl. Ph. II, 269).

2) См. А 15, А 39, гдѣ прибавлено странно: «съ юсами», будто средне-болгарское правописаніе можетъ быть безъ юсовъ!

3) См. А. Соболевскаго, Древній ц.-славянскій языкъ (М. 1891), стр. 10, гдѣ ц.-славянскій языкъ признается однимъ изъ говоровъ «древне-болгарскаго языка, именно: солунскимъ». Съ этимъ соглашается и V. Oblak (Archiv f. sl. Ph. XV, 79).

4) Ср. А. Соболевскій въ Рус. Фил. Вѣстн. 1890 г., стр. 152.

болгарскій». На это отвѣта, основываясь на терминологіи г. Воскресенскаго, не найдемъ. Если понимать такъ, какъ сейчасъ было предположено, то опять возникаетъ недоумѣніе: почему О. Е. не только «юсовое», но и «древне-славянское», а Саввино, Ассеманово, Зографское названы только юсовыми? Вѣдь и они, особенно, напр., Зографское, служатъ «зеркаломъ старословѣнскаго языка»¹⁾ и довольно вѣрнымъ, и въ этомъ случаѣ, разумѣется, болѣе вѣрнымъ, нежели простые «юсовые» тексты Верковича, Срезневскаго (А 24, 27) и Карпинскій (А 9). Все это показываетъ, что особенной строгости въ примѣненіи филологическихъ терминовъ по отношенію къ языку мы у г. Воскресенскаго не находимъ. Это подтверждается и въ другихъ случаяхъ, напр.: что значитъ такое опредѣленіе: «правописаніе русское, съ юсами» (А 7 — ев. Типогр. библ. XII в.)? Указаніе ли это на его «юсовой» оригиналъ, или просто на то, что въ немъ есть юсы (что вещь обычная и въ русскихъ текстахъ, особенно для $\lambda \stackrel{2)}{=} \mu$), или же на то, что въ немъ есть ж (который рѣже въ русскихъ рукописяхъ, хотя, какъ = у, для характеристики языка можетъ значенія и не имѣть)? Также неясна и ничего не говоритъ характеристика Карпинскаго евангелія (А 9): «правописаніе юсовое, съ замѣтнымъ вліяніемъ сербскаго нарѣчія (въ употребленіи њ, ѡ и т. п.)». Карпинское евангеліе — памятникъ средне-болгарскій: весьма важно было-бы указать въ немъ сербизмы въ языкѣ; но какъ понимать употребленіе њ по сербски? Какъ замѣну њ-емъ ѡ-а? Точно то же, можетъ быть, надо предполагать и для ѡ, смѣшивающагося въ сербскихъ памятникахъ съ ѡ?³⁾ Нѣсколько примѣровъ разъяснили-бы дѣло.

То же можно сказать и относительно термина «глаголическій». То этотъ терминъ приходится понимать, то какъ указаніе на оригиналъ, напр., при описаніи Хвалова текста 1404 г. (А 38), то какъ указаніе въ смыслѣ характеристики языка: «въ отношеніи языка и текста списокъ (Карпинскій) весьма замѣчательный: съ полной вѣроятностью можно предполагать, что первоначальный изводъ этой рукописи былъ глаголическій» (стр. 19).

Если подъ словомъ «изводъ» подразумѣвать указаніе на происхожденіе списка, на его непосредственный или посредственный оригиналъ³⁾, то тогда не ясны такія опредѣленія, какъ «изводъ южно-славянскій, древній», если мы сопоставимъ съ «глаголическимъ» изводомъ съ одной стороны, и съ указаніями на редакцію — съ другой: «текстъ древней южно-славянской редакціи» (А 27): вѣдь, всѣ рукописи группы А представляютъ эту «древнюю южно-славянскую» редакцію, по опредѣленію самого автора. Рядомъ-же съ

1) Ягичъ, «Маріинское Ев.», стр. 423.

2) Ср. Archiv f. sl. Ph., XV, 590—591.

3) Ср. стр. 24, 20.

этимъ встрѣчаемъ опредѣленіе: «текстъ древней южно-славянской, глаголической редакціи» (стр. 24 — А 24): это что за редакція? или здѣсь «редакція» = «изводъ?». Съ другой стороны «редакція» совершенно точно и правильно, какъ терминъ, опредѣлена авторомъ въ началѣ его изслѣдованія: «Подъ редакціей разумѣемъ мы не отдѣльныя разночтенія, а послѣдовательное, проходящее чрезъ все Евангеліе, исправленіе или новый переводъ текста» (стр. 1, прим. 1). Что-же тогда будетъ «глаголической редакціей?». Относительно подобной «редакціи» въ изслѣдованіи нѣтъ ни слова, какъ о чемъ либо самостоятельномъ, да и рѣчи быть не могло у автора, совершенно правильно говорящаго не разъ объ одной древнѣйшей редакціи текста и ставящаго во главѣ списковъ первой редакціи Галичское Евангеліе 1144 г. содержащее текстъ, «въ основѣ согласный съ древнѣйшими списками XI в. кирилловскими и глаголическими» (стр. 5).

Собирая вмѣстѣ всѣ сдѣланныя замѣчанія относительно описанія матеріала, послужившаго для изслѣдованія автора, мы видимъ, что всѣ отмѣченные недостатки обобщаются въ одномъ: недостаточномъ вниманіи къ чисто-филологической оцѣнкѣ матеріала, откуда объясняется и нѣкоторая односторонность въ подборѣ и нѣкоторая, если такъ можно выразиться, небрежность въ употребленіи терминовъ, такъ или иначе связанныхъ съ вопросами о языкѣ и вообще филологическихъ особенностяхъ текстовъ. Другія стороны описанія свидѣлствуютъ о вполне сознательномъ, усердномъ, кропотливомъ трудѣ и серьезномъ отношеніи автора къ матеріалу; это вполне подтверждается тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ онъ отнесся къ лексической сторонѣ разбираемыхъ текстовъ, той заботливостью и точностью, съ которой выполнено изданіе ев. Марка, служащее приложеніемъ къ изслѣдованію. Въ результатѣ, рассмотрѣнная нами глава предлагаетъ намъ подготовленный, отчасти даже разработанный матеріалъ, на которомъ авторъ строитъ вторую, самую главную, часть своего труда.

Но этой разработкѣ онъ предпослалъ введеніе, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ излагаетъ «руководительныя» начала ¹⁾, съ которыми онъ совершилъ свой трудъ, иначе—методъ своей работы. Методъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) «чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ, естественнѣе думать, древнѣе и текстъ, въ ней содержащійся, а чѣмъ она полнѣе и лучше сохранилась, тѣмъ удобнѣе можетъ быть положена въ основаніе при сравнительно критическихъ изслѣдованіяхъ библейскаго текста. Это, такъ сказать, историческое начало ²⁾». Относительно первой половины этого «начала» мы уже говорили выше: одной древности еще недостаточно для опредѣленія цѣнности текста въ подобной работѣ. Но «историческое» начало и не на одной

1) Стр. 3—9.

2) Стр. 4.

древности покоится, какъ видимъ теперь: сюда присоединяется «полнота» и «сохранность» рукописи. Что понимать подъ этими обозначеніями? Какъ видно изъ послѣдующаго, подъ полнотою надо подразумѣвать полноту текста по составу: «евангелія апракосы не представляютъ евангельскій текстъ въ его полнотѣ и первоначальномъ видѣ» (стр. 5) ¹⁾. Поэтому въ основу положено четвероевангеліе, какъ содержащее полный текстъ. Но что надо подразумѣвать подъ «сохранностью»? Повидимому, ту же полноту текста, но только не по составу, а по внѣшности рукописи. Выбравши для изданія кирилловскій текстъ, древній и къ тому же съ годомъ, авторъ естественно остановился на Галичскомъ свангеліи. Рѣшивъ заранѣе положить въ основу кирилловскій текстъ, онъ ипаче сдѣлать и не могъ, хотя и глаголическіе тексты и древнѣйшіе иные кирилловскіе съ этой точки зрѣнія имѣли подобное же право на вниманіе автора, которымъ, впрочемъ, онъ ихъ въ ипыхъ случаяхъ и не обдѣляетъ. Но съ точки зрѣнія автора, какъ онъ ее высказываетъ, мы не видимъ никакого преимущества Галичскаго евангелія, какъ основнаго, передъ глаголическими четвероевангеліями, даже превосходящими древностью текстъ 1144 г.: Маріинское ев. по полнотѣ ев. Марка и по сохранности должно быть поставлено рядомъ съ Галичскимъ, а кромѣ того въ немъ нѣтъ «исправленій первоначальнаго перевода, свойственныхъ второй редакціи, древне «русской», какихъ «не мало» уже въ Галичскомъ текстѣ²⁾. Конечно, эти соображенія — принципіальнаго характера: если бы авторъ желалъ слѣдовать своимъ собственнымъ основнымъ положеніямъ, а не отвлеченъ былъ въ сторону стремленіемъ поставить во главѣ своего изданія кирилловскій непремѣнно текстъ и при томъ датированный, то онъ всетаки сказалъ бы намъ опредѣленіе, почему онъ предпочелъ Галичскій текстъ глаголическому Маріинскому, не заключающему въ себѣ отклоненій въ пользу второй редакціи. Это предпочтеніе, всетаки, мы объяснить можемъ: здѣсь авторъ руководился словами Описанія Синод. рукописей, откуда онъ только что взялъ и характеристику апракосовъ: «между существовавшими тогда (до XIV в.) списками были такіе, на которые менѣе простирались поврежденія переписчиковъ и своевольныхъ исправителей; разумѣемъ полные списки Евангелій, образцомъ которыхъ самымъ древнѣйшимъ изъ доселѣ извѣстныхъ (тогда глаголич. Зогра. и Маріин. еще не было извѣстно), служить хранящійся въ Синод. библ. № 20 (т. е. Галичскій текстъ 1144 г.). Такіе списки не были въ общемъ употребленіи церковномъ, переписывались рѣже, и потому могли сохранить болѣе

1) Далѣе апракосы характеризуются словами изъ Описанія Синод. рукоп. (стр. 289). Терминъ «первоначальный» описатели понимали, очевидно, не по отношенію къ переводу, а греческому тексту евангелія, какъ онъ извѣстенъ, въ качествѣ труда евангелиста.

2) Стр. 5, прим. 2.

чистоты» (стр. 290). Вотъ исходная точка г. Воскресенскаго, заставившая его довѣрчиво положить въ основу изданія Галичскій текстъ, вѣкогда привлекшій вниманіе и арх. Амфилохія¹⁾. Но, если Горскій и Новоструевъ были невольными виновниками того, что мы теперь имѣемъ научное, превосходное изданіе (пока) ев. Марка, за что нельзя не поблагодарить и г. Воскресенскаго, то оказались они виновниками, хотя и не виноватыми, въ той неточности, которую допустилъ г. Воскресенскій въ разсматриваемомъ его положеніи: буквально приведя характеристику апракосовъ сравнительно съ тетрами ихъ труда Горскаго и Невоструева, онъ вмѣстѣ съ ними отрицаетъ согласіе въ переводѣ въ текстѣ апракоса и тетра (разумѣется, гдѣ они совпадаютъ въ содержаніи) и не признаетъ первоначальности текста въ апракосѣ. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи онъ, ссылаясь на мнѣніе И. В. Ягича (изъ Сборн. Отд. рус. яз. т. 33, стр. 78—79), уже допускаетъ это единство и первоначальность апракоса: «св. Кирилль и Меѳодій, говоритъ онъ, первоначально перевели на славянскій языкъ Евангеліе и Апостолъ — апракосы... Но возможно допустить, что уже св. Меѳодій, дополнивъ недостававшее въ первоначальномъ переводѣ, расположилъ Евангеліе и Апостолъ въ ихъ обыкновенномъ порядкѣ» (стр. 209, прям. 3). Такимъ образомъ, о первоначальности славянскаго перевода (а о немъ только и идетъ рѣчь) по отношенію къ тетрамъ и апракосамъ рѣчи быть не можетъ; а если уже заводить эту рѣчь, то, слѣдуя словамъ автора, приходится рѣшать скорѣе въ пользу апракоса, какъ это выходитъ и изъ совершенно вѣрнаго толкованія имъ мѣста изъ житія св. Кирилла. Эта неясность, прямо путаница, произошла у г. Воскресенскаго отъ того, что онъ употребляетъ безразлично терминъ «первоначальный» и для греческаго евангельскаго текста вообще (какъ это понимали и Горскій съ Невоструевымъ) и для перевода, совершеннаго св. Братьями²⁾. Но этотъ вопросъ о первоначальности того или другого вида евангелія въ славянскомъ переводѣ, поднимаетъ другой не менѣе важный вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи отношеній апракоса къ четвероевангелію: апракосъ былъ трудомъ славянскихъ апостоловъ — это не подлежитъ сомнѣнію; также не подлежитъ сомнѣнію и то, что тетра въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по содержанію сходится съ апракосомъ, восходитъ къ тому же источнику; но въ какомъ отношеніи къ труду Кирилла и Меѳодія находятся тѣ мѣста тетра, которыхъ нѣтъ въ апракосѣ? Г. А. Воскресенскій мимоходомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ

1) Амфилохія привлекъ онъ также и тѣмъ, что «благодаря именно его южно-русскому происхожденію онъ близокъ къ первоначальному труду славянскихъ первоучителей» (см. Ягича, Сборн. Отд. русск. яз. 33, стр. 75).

2) Не даромъ же точные въ своихъ выраженіяхъ описатели, говоря о славянскихъ текстахъ, говорятъ объ ихъ «чистотѣ» а не «первоначальности».

предположеніемъ объ участіи въ этомъ преобразованіи апракоса въ тетръ самого св. Меѳодія, только что мною приведеннымъ, вѣроятно, основываясь на цитируемомъ имъ ниже по другому поводу мѣстѣ житія; «прѣложи (Меѳодій) въ бързѣ всѣя книгы испълнь, развѣ макавѣй» (стр. 210). Ясно, что такая гипотеза нужна была г. Воскресенскому, чтобы поминать «первоначальность» тетра съ «первоначальностью» перевода (т. е. сгладить ту путаницу въ примѣненіи термина, на которую мы уже обратили вниманіе): все, что сдѣлано св. Братьями для славянскаго перевода, — «первоначально»; поэтому, развѣ нужно, чтобы тетръ былъ первоначальнымъ, нужно, чтобъ его устроилъ одинъ изъ Братевъ! Такъ рисуется логическій путь въ гипотезѣ автора. Большихъ подробностей мы не находимъ въ трудѣ Воскресенскаго, кромѣ развѣ упоминанія, что нѣкоторые стихи ев. Марка въ апракосахъ «не прописываются» (стр. 5, прим. 1), и что К. И. Невоструевъ былъ неправъ (въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, 1865), предпочитая апракосы тетрамя¹⁾ (стр. 209). На дѣлѣ же, едва ли этотъ вопросъ рѣшается такъ просто, и едва ли онъ такъ маловаженъ, какъ можно видѣть изъ отношенія къ нему Г. А. Воскресенскаго. Для примѣра можно сослаться на взглядъ И. В. Ягича на этотъ вопросъ: онъ, повидимому, дѣло представляетъ иначе; вотъ что говоритъ онъ по поводу слова *γραμματαίς*: «оно переведено въ древнѣйшемъ евангельскомъ текстѣ словомъ кнѣпжъникъ, такъ въ нашемъ (Маріин.) памятникѣ, асс. зогр. ник. хвал. галицк. и т. д., только въ XXIII гл. ев. Матѳея встрѣчается нѣсколько разъ слово кнѣпжъчии (XXIII, 13, 14, 15, 23, въ зогр. и ник., кромѣ того еще *ibid.* 27, 29, 34). Замѣчательно, что всѣ эти стихи (за исключеніемъ послѣдняго или двухъ послѣднихъ) не вошли въ первоначальный переводъ евангельскихъ чтеній, они были, очевидно, переведены потомъ, когда состоялся полный переводный текстъ цѣлаго тетраевангелія. И такъ — мы въ правѣ видѣть здѣсь разницу двухъ переводчиковъ, перваго, употребившаго для передачи греч. *γραμματαίς* слово кнѣпжъникъ, и втораго, дополнившаго все, что не доставало, давшаго предпочтеніе слову кнѣпжъчии. Послѣднее слово могло, конечно, потомъ попасть и въ тѣ мѣста, гдѣ его сначала не было, такъ остром. Матѳ. VIII, 19, и наоборотъ кнѣпжъникъ туда, гдѣ дополнительный поставилъ было свое кнѣпжъчии, такъ въ нашемъ текстѣ Матѳ. XXIII, 27, 29 читается кнѣпжъникъ, но зогр. и никол. еще кнѣпжъчии»²⁾). Вопросъ, какъ видимъ, сложнѣе, нежели кажется г. Воскресенскому, и жаль, что онъ такъ мало удѣлилъ ему мѣста, ограничившись ничѣмъ не подтверждаемой гипотезой, основанной

1) Эта послѣдняя замѣтка дѣликомъ взята изъ Ягича (у. соч., стр. 78—79).

2) Маріин. Ев., стр. 467.

даже не на фактъ или фактахъ, а на отвѣченномъ предположеніи: «возможно допустить» и т. д.

И такъ, не возражая рѣшительно противъ того, что въ основу изслѣдованія и изданія положенъ нѣсколько искусственно выбранный текстъ, разъ авторъ отдастъ должное и другимъ, имѣющимъ такое же (если не ббльшее) право на ту же роль, мы все же должны отмѣтить, что методъ его въ выборѣ основнаго текста не достаточно обоснованъ и развитъ: мы ждали бы указаній болѣе точныхъ относительно апракосовъ, а не взятаго на вѣру и теперь нѣсколько уже устарѣлаго мнѣнія Горскаго и Новоструева, а, можетъ быть, даже и не совсѣмъ вѣрно понятаго авторомъ (терминъ «первоначальный видъ» текста).

Вторымъ пунктомъ метода является уже знакомое намъ изъ Горскаго сличеніе текстовъ для опредѣленія взаимнаго отношенія и относительнаго значенія списковъ. Этимъ способомъ выдѣляются древнѣйшія чтенія, представляющія остатокъ первоначальнаго перевода; здѣсь разнообразіе списковъ по времени и мѣсту оцѣнено на словахъ авторомъ по достоинству, но, какъ мы уже видѣли, разнообразіе по мѣсту происхожденія списковъ не достаточно принято въ расчетъ въ послѣдующей работѣ (см. выше).

Остальные пункты метода (оцѣнка варьянтовъ, грецизмовъ, отношеніе къ греческому) никакихъ сомнѣній сами по себѣ въ правильности не возбуждаютъ. Только одно обстоятельство, какъ кажется, нѣсколько усложнило и запутало ясный, историческій ходъ изслѣдованія, это — отношеніе древняго текста къ нынѣшнему, принятому въ наши печатныя славяно-русскія изданія евангелій. Невольно является вопросъ: при чемъ, какую роль играетъ нашъ теперешній текстъ, обязанный своимъ появленіемъ справѣ петровскаго и послѣдующаго времени и ставшій только въ 1751 г. обще-принятымъ¹⁾, въ исторіи древнѣйшаго текста? Если бы авторъ задался цѣлію представить намъ не исторію текста Кирилломеоудіевскаго въ его судьбахъ съ XI до XVI в., а исторію нынѣшняго текста, показать, какъ созданъ нынѣшній текстъ, чтò въ немъ осталось изъ труда Апостоловъ славянъ, тогда онъ могъ бы исходить изъ современнаго текста и, идя назадъ, возводить нѣкоторыя его черты къ первоначальному переводу. Если же онъ хотѣлъ прослѣдить исторію текста отъ XI в. до нынѣшняго и, такимъ образомъ, ввести и этотъ въ общую многовѣковую исторію св. писанія на славянской почвѣ, то почему онъ ограничился въ изслѣдованіи рукописями и временемъ, кончая XV в., а опустилъ такіе крупныя въ исторіи тексты, какъ наши первопечатныя XVI в., Острожскій и т. п. Съ какой

1) Опис. Синод. рукоп. I, 176.

стороны ни взять, всетаки выходитъ скачекъ, необъяснимый исторической точкой зрѣнія автора. А онъ, повидимому, вводя современный текстъ, именно и виѣлъ въ виду указать отношеніе этого текста къ древнимъ; вотъ вопросы, которые онъ себѣ ставитъ: «что же это былъ за переводъ (т. е. сдѣланный св. Братъями)? Можно ли открыть слѣды и остатки этого первоначальнаго перевода...? Что случилось съ нимъ за тысячу лѣтъ...? Въ какомъ отношеніи къ нему стоитъ нынѣшній общепринятый текстъ?... Какія видоизмѣненія претерпѣвалъ этотъ переводъ въ теченіе вѣковъ у разныхъ народовъ, прежде чѣмъ дошелъ до своего нынѣшняго состоянія?» (стр. 2 — 3). Отвѣтъ на это находимъ только для періода, кончая XV в., а для позднѣйшаго времени и нынѣшняго текста мы узнаемъ нѣсколько общихъ, ничѣмъ пока не доказанныхъ мѣстъ въ концѣ изслѣдованія (стр. 299 — 300). Сопоставленія дѣлаетъ авторъ совершенно правильно, въ порядкѣ исторіи текста: 2-ю ред. характеризуетъ отличіями отъ старшей, т. о. опредѣляя эту вторую редакцію, 4-ю сравниваетъ со второй и первой, указывая точнѣе, какъ эта редакція стоитъ въ связи, вышла изъ 2-й, и вдругъ при 1-й редакціи находимъ исходной точкой для ея характеристики нынѣшній текстъ ¹⁾... Ясно, что если бы авторъ не ограничилъ себя опредѣленнымъ вѣкомъ или вѣками (XI — XVI), то и тогда нынѣшній текстъ пошелъ бы въ сравненіе никакъ не съ юго-славянскою древнѣйшею редакціей, а съ поздней, черезъ которую, и то не вездѣ прямо, онъ стоитъ въ родствѣ съ трудомъ Кирилла и Меѳодія. Это могло бы и должно составить предметъ отдѣльнаго изслѣдованія, служащаго продолженіемъ настоящаго. Теперь же привлеченіе нынѣшняго текста при изслѣдованіи судьбы текста XI — XV в. или бесполезно, или даже составляетъ балластъ въ родѣ того, за который самъ г. Воскресенскій упрекалъ покойнаго Амфилохія²⁾. Во всякомъ случаѣ, это — ошибка въ примѣненіи метода, именно историческаго метода. За то нельзя не отмѣтить другого достоинства его метода: «въ разсмотрѣніи разностей перевода, въ мѣстахъ трудныхъ и замѣчательныхъ въ филологическомъ и другихъ отношеніяхъ, мы прибѣгаемъ къ другимъ древнимъ переводамъ Библіи и отеческихъ твореній, равно какъ и къ прочимъ духовнымъ памятникамъ славянъ» (стр. 7). Этотъ приемъ заслуживаетъ, несомнѣнно, уваженія: онъ не только даетъ иногда объясненіе труднаго мѣста, но (что особенно важно) можетъ дать весьма важныя указанія, особенно хронологическаго свойства, для исторіи евангельскаго текста. Какъ воспользовался этимъ богатымъ пособіемъ г. Воскресенскій, мы будемъ имѣть случаи увидѣть. Одно только, мнѣ кажется, и здѣсь не предусмотрѣно авторомъ: онъ нигдѣ не различаетъ

1) См. стр. 179, 183, 184.

2) «Къ вопросу о слав. переводѣ Ев.» въ Сборн. Отд. русск. яз., т. 44.

славянскихъ памятниковъ переводныхъ отъ оригинальныхъ, русскихъ отъ юго-славянскихъ и даже западныхъ (Фрейзингенскія статьи), а это могло бы дать не лишеныя интереса данныя для указанія на родину тѣхъ или другихъ евангельскихъ разнотеній. Также не видимъ, ни въ перечнѣ (стр. 7—8), ни въ ссылкахъ, указанія на крупный памятникъ староболгарской литературы — на Толковое Евангеліе Константина пресвитера; трудъ А. В. Михайлова о немъ ¹⁾ какъ разъ посвященъ въ значительной степени вопросу объ отношеніи Константина къ современному ему евангельскому тексту. Наконецъ, совершенно напрасно Г. А. Воскресенскій считаетъ Супрасльскій сборникъ юго-западнымъ русскимъ, съ южно-славянскаго извода (стр. 255): онъ, очевидно, основывается на извѣстной статьѣ Вондрака *Altslovenische Studien* (*Wiener Sitzungsber.* 122 (1890)²⁾. Но ему, вѣроятно, осталась неизвѣстной рецензія на это изданіе, равно какъ и на другое Вондрака же, (*Ueber einige orthogr. und lexical. Eigenthümlichkeiten des cod. Suprasl.* — *Wiener Sitzungsber.* 124), рецензія Облака, доказавшая невозможность приписывать такое происхожденіе Супрасльской рукописи ³⁾. Кончая съ первой главой изслѣдованія г. Воскресенскаго, особенно съ ея введеніемъ, полагаю, что она, не смотря на тѣ частныя недостатки, которые я отмѣтилъ, служить по мысли вполне достойнымъ введеніемъ къ послѣдующему изслѣдованію.

Не менѣе важной по значенію представляется слѣдующая—вторая—глава первой части. Она, нося по характеру, особенно въ началѣ, такой же скорѣе библиографической характеръ, содержитъ главнымъ образомъ обзоръ греческихъ текстовъ евангелія отъ Марка (а также вообще всѣхъ евангелій). Этотъ обзоръ является необходимымъ для рѣшенія такого крупнаго вопроса, какъ вопросъ о редакціи греческаго текста, давшего жизнь тексту славянскому. Рѣшеніемъ этого вопроса и заканчивается первая часть всей книги. Въ такомъ трудномъ и сложномъ, а въ иныхъ случаяхъ и спорномъ дѣлѣ, какъ исторія текста св. писанія, авторъ изслѣдованія былъ поставленъ далеко не въ такія благоприятныя условія, какъ при собираніи и изслѣдованіи текстовъ славянскихъ. Какъ не специалистъ по этому крупному самостоятельному отдѣлу науки, какова исторія текста св. писанія у разныхъ народовъ, авторъ не могъ быть въ такой мѣрѣ самостоятельнымъ и самъ, какъ въ предыдущей главѣ своего труда: промахи, которые можетъ обнаружить въ изложеніи исторіи иноязычныхъ текстовъ св. писанія даже специа-

1) Древности — Труды Славянск. Ком. Моск. Археол. Общ. I, (1895 г.). Богѣ ранній трудъ преосв. Антонія, еп. Выборгскаго, также остался автору неизвѣстенъ.

2) Впрочемъ И. В. Ягичъ сомнѣвается въ томъ, чтобы эта статья была извѣстна Г. А. Воскресенскому, такъ какъ Г. В-ій нигдѣ на нее не ссылается. (*Archiv f. sl. Ph.* XVIII, 273).

3) *Archiv f. sl. Ph.* XV, 338—370, также *Ljubl. Zvon* 1892 или Труды Слав. Комм. I, 277—279. Ср. также Сборникъ за народни умотворенія М. Н. Пр., IX, 16—18.

листь этого дѣла, нельзя ставить вполнѣ въ вину автору изслѣдованія славянскихъ текстовъ. Поэтому, нельзя ставить ему въ вину и того, что «онъ не внесъ никакой классификаціи въ текстъ греческій и потому оставилъ безъ точно опредѣленныхъ опоръ редакціи славянскія. Вина здѣсь (выражаясь словами одного изъ рецензентовъ разбираемой книги) въ значительной степени въ недостаточно разработанной специальной литературѣ¹⁾». Не смотря на этотъ упрекъ рецензента, мы можемъ указать, что дать опору славянскимъ редакціямъ, по крайней мѣрѣ старшей, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ Г. А. Воскресенскимъ попытка была сдѣлана и, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ неудачная. Онъ попробовалъ сдѣлать, какъ и въ первой главѣ, обзоръ матеріала для выясненія редакціи того греческаго текста, который лежитъ въ основѣ древнѣйшаго, первоначальнаго текста славянскаго. Здѣсь онъ исходилъ уже изъ разработаннаго матеріала, главн. обр. изъ изданія (8-го) К. Тишendorфа, съ дополненіями и введеніемъ Грегори и Аббота (N. T. graece. Ed. critica major. Lipsiae 1894): отсюда имъ извлечены краткія свѣдѣнія о палеографическомъ характерѣ рукописей, о содержаніи ихъ по отношенію къ евангелію отъ Марка, о трудахъ по изученію, изданіямъ древнѣйшихъ списковъ, главн. обр. унциальныхъ, греческаго текста евангелія (стр. 70—82). Отдѣльно, но короче, описаны, на основаніи того же Грегори, греческіе минускульные кодексы четвероевангелія (стр. 82—89), при чемъ добавлены и лично впервые г. Воскресенскимъ самимъ изслѣдованные два греческихъ кодекса X—XI в. (№ 518—519 Моск. Синод. библ.). Наконецъ (стр. 89—92) сюда же присоединено нѣсколько словъ о греческихъ спискахъ евангелій-апракосовъ. Что касается описанія, способовъ характеристики, то они здѣсь тѣ же, что и въ описаніи славянскихъ рукописей: также кратки, но также страдаютъ неравномѣрностью, не вездѣ отличаются тщательностью въ выборѣ подробностей; напр. характеристики текста (константинопольской редакціи, съ формами alexandрійскими, перваго порядка и т. д.) не вездѣ отмѣчены²⁾, хотя здѣсь такихъ неровностей сравнительно меньше. Но эта глава невольно опять поднимаетъ вопросъ, уже затронутый раньше: объ отношеніи между собой греческихъ тетра-евангелій и евангелій-апракосовъ. Уже съ IV вѣка, по словамъ самого г. Воскресенскаго, начинается исторія апракоса, когда въ четвероевангеліяхъ появляются отмѣтки о чтеніяхъ, и отъ VII в. мы уже знаемъ евангелія-апракосы, хотя надо предполагать появленіе ихъ и раньше (стр. 90). Въ нихъ, какъ и въ

1) Христіанское Чтеніе 1896 г., № 1, стр. 192.

2) См. cod. С. F. W^b. X. При минускульныхъ кодексахъ — редакція обозначена только при однихъ Синодальныхъ спискахъ. Не обошлось здѣсь и безъ курьезовъ; напр., находимъ такіа обозначенія: *Ренотраіектинская* библіотска, *Ренотраіектинскій* проф. Герингъ. *Гфелфербитанскіе* отрывки и *Гфелфербитанская* церковь (стр. 74, 75, 77)!

славянскихъ текстахъ апракосовъ, «почти всегда въ началѣ, а иногда и въ концѣ и въ среднѣ слова или прибавлялись или опускались, или перемѣнялись, чтобы яснѣе было слушающимъ, о чемъ предлагается чтеніе» (тамъ же). Разъ мы знаемъ, что впервые переведенъ былъ на славянскій языкъ именно апракосъ, мы въ правѣ предполагать, что и эти отклоненія отъ первоначальнаго текста евангелія, какъ онъ читается въ спискахъ сплошныхъ и по евангелистамъ, перешли въ славянскій текстъ; когда же происходила переработка апракоса въ тетра, то естественно съ этими вставками, сокращеніями и округленіями долженъ былъ считаться редакторъ. Какъ онъ отнесся къ нимъ? Какой текстъ имѣлъ передъ собой производя эту переработку? Болѣе точное изученіе греческихъ апракосовъ сравнительно съ тетрами, параллельно съ изученіемъ этихъ типовъ текста на славянской почвѣ, могло бы способствовать уясненію исторіи этого важнаго момента въ исторіи славянскаго текста. Не осталось ли что либо, свойственное апракосамъ, въ чтеніяхъ нашихъ четвероевангелій, которыя произошли отъ апракосовъ славянскихъ уже, что однако составило отклоненіе отъ тетра-евангелій греческихъ; это можно рѣшить только при помощи изученія сравнительнаго. Это нисколько можетъ не нарушить того единства, которое представляютъ древнѣйшіе тетраи и апракосы на почвѣ славянской, но этимъ можетъ точнѣе опредѣлиться отношеніе четвероевангелія славянскаго къ греческому. Не имѣя возможности, за отсутствіемъ подъ рукой греческихъ апракосовъ, намѣтить хотя бы приблизительно это отношеніе, полагаю однако, что подобная работа не была бы бесполезна: она освѣтила бы еще одинъ моментъ въ темной до сихъ поръ исторіи древнѣйшаго періода нашего перевода. Имѣя въ виду примѣры, приведенные Воскресенскимъ, какъ доказательство лукіано-константинопольской (въ основѣ) редакціи греческаго текста-оригинала славянскаго перевода, мы видимъ два примѣра (изъ 75), гдѣ апракосы ¹⁾ представляютъ въ чтеніяхъ отклоненія отъ этой редакціи вмѣстѣ группой $\aleph B L \Delta$ (Синайскій IV в., Ватиканскій IV в., Парижскій VIII в., Сенгалленскій IX в.); это: VIII, 9, гдѣ вмѣсто лукіано-константинопольскаго $\eta\sigma\alpha\nu\ \delta\epsilon\ \alpha\iota\ \phi\acute{\alpha}\gamma\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$, читается въ 18^{ov}, 19^{ov}, 49^{ov}, 150^{ov} и копт. (греч. тексты апракосы X—XIII в. и коптскій, не моложе III в.) только $\eta\sigma\alpha\nu\ \delta\epsilon\ \alpha\iota\ \delta\acute{\epsilon}$; X, 8 въ $\aleph B$, 48^{ov} (текстъ 1055 г.), готскій (IV в.) опускаютъ $\kappa\alpha\iota\ \pi\rho\sigma\kappa\omicron\lambda\lambda\eta\theta\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota\ \pi\rho\varsigma\ \tau\eta\nu\ \gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\alpha\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$. Замѣчательно при этомъ, что славянскій Никольскій текстъ, отличающійся своими архаизмами въ чтеніяхъ въ первомъ мѣстѣ опускаетъ: ѣдъшихъ

1) Такихъ случаевъ можетъ быть на дѣлѣ и больше, если прослѣдить по другимъ (кромя Марка) евангелистамъ и другимъ спискамъ: Г. А. Воскресенскій имѣлъ въ виду только чаще нѣмыхъ упоминаемые у Тишендорфа (см. стр. 90)

(οὐ φάροντες) ¹⁾. Можетъ быть, это и не простая случайность, хотя Ник. ев. и четвероевангеліе уже. Наконецъ, уже потому надо считаться съ апракосами греческими, что этотъ типъ текста преобладаетъ какъ въ 1-й такъ и во второй редакціи евангельскаго текста (по Воскресенскому). Кромѣ того не лишено интереса и то, что между апракосами первой редакціи преобладаютъ такъ называемые сокращенные апракосы, которые весьма долгое время были главными представителями текста. Какъ эта особенность отразилась въ греческихъ первообразахъ нашихъ апракосовъ? Вообще въ виду этихъ, думаю, не лишенныхъ интереса соображеній, желательно бы было найти въ книгѣ Воскресенскаго болѣе подробную параллель между греческими и славянскими текстами, не только по чтеніямъ, но и по составу. Опять таки, повторяю, это, можетъ быть, не вполнѣ вина автора. Точно также можно взглянуть и на другую неясность въ изложеніи настоящей главы: въ зависимости отъ своихъ источниковъ онъ отдѣльно разсматриваетъ не только тетры и апракосы (что однако не навело его на мысль примѣнить это и къ славянскимъ текстамъ, насколько это возможно), но отдѣляетъ греческіе кодексы *унціальныя* отъ *минускульныхъ*; стало быть, разницу въ чтеніяхъ, можетъ быть, и въ редакціяхъ, онъ связываетъ съ древностью рукописей, насколько она отражается въ графикѣ ²⁾. Нигдѣ мы не находимъ у автора утверженія, чтобы древнѣйшіе кодексы содержали всегда и древнѣйшій, ближайшій къ первоначальному текстъ, а минускульные, какъ младшіе по времени, текстъ младшій. Хотя «тѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ, естественнѣе думать, древнѣе и текстъ въ ней содержащійся» ³⁾, но нѣкоторые и минускульные кодексы «важны, поколику содержать въ себѣ текстъ древнѣйшій», а одинъ изъ нихъ, IX-го или X в. (парижскій 33) ⁴⁾, «имѣетъ очень много общаго съ лучшими унциальными кодексами» и поэтому заслужилъ названіе «Königin» «между курсивными рукописями», какъ указываетъ и г. Воскресенскій (стр. 84; ср. стр. 82). Изъ этого слѣдуетъ, надо полагать, что такая группировка нѣсколько искусственна, по крайней мѣрѣ, въ изложеніи Г. А. Воскресенскаго. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тѣмъ же увлеченіемъ древностью, на

1) См. у Воскресенскаго Ев. Марка (1894 г.), стр. 234 (А 10). Подобны-же случай, пожалуй, еще лучше говорящій въ нашу пользу: I, 27 тетры (Галицкое) читаютъ: что оубо ѿсть се. что се оученьѣ (см. стр. 104), тогда какъ апракосы (Мстиславовъ и др.) первую фразу опускаютъ; параллельно этому въ греческихъ тетрахъ она читается, а въ апракосахъ 19-ев, 36-ев, 49-ев опущена (см. изслѣдованіе, стр. 217). Обратный случай см. стр. 219.

2) Это почему-то примѣнено только по отношенію къ четвероевангеліямъ, хотя и евангелистаріи также пишутся унциаломъ часто вплоть до XI в. (стр. 90) и оказываются иногда моложе (по тексту?) минускульныхъ рукописей.

3) Стр. 4.

4) Въ этомъ кодексѣ, какъ разъ, есть и пропускъ въ VIII,9 Марка словъ οὐ φάροντες (см. выше).

которое было указано выше, а можетъ быть, здѣсь только отраженіе приѣмовъ спеціально «библейскаго» (= «унціального») палеографа, какимъ былъ К. Тишендорфъ¹⁾, трудъ котораго, какъ мы видѣли, лежитъ въ основаніи обзора нашего автора? Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни объяснялись эти недочеты, они тѣмъ болѣе ощутительны у изслѣдователя славянскихъ текстовъ, для котораго графика греческаго кодекса не столь важна, какъ составъ и чтенія его: указаннымъ соотношеніемъ рукописей освѣщается одинъ изъ темныхъ вопросовъ въ исторіи славянскаго евангельскаго текста, а г. Воскресенскій самъ лишилъ себя возможности, хотя бы въ общихъ чертахъ, намѣтить рѣшеніе этого вопроса, черезъ чуръ подчинившись системѣ Тишендорфа. Полагаю, что даже на основаніи разночтеній, данныхъ К. Тишендорфомъ, между тетрами и апракосами, можно бы сдѣлать эту попытку. Наконецъ, въ разсматриваемой третьей главѣ, невольно возбуждаетъ вопросъ второе отдѣленіе ея: «Печатныя изданія греческаго текста Новаго Завѣта вообще и Евангелія въ частности». Какое значеніе можетъ имѣть это отдѣленіе въ трудѣ г. Воскресенскаго? Если смотрѣть на него, какъ на дополненіе къ исторіи текста евангелія, то въ такомъ краткомъ, библиографическомъ по характеру изложеніи, это «отдѣленіе» главы цѣли не достигаетъ. Если же въ немъ видѣть цѣль автора практическую — желаніе познакомить насъ съ разными изданіями св. писанія, то и здѣсь характеристика отдѣльныхъ изданій слишкомъ обща, чтобы можно было отчетливо судить и пользоваться каждымъ изданіемъ; да къ тому же мы не находимъ ни слова о цѣломъ рядѣ изданій, въ томъ числѣ русскихъ (напр. Синодальномъ, 1821 г.). У самого автора не видно, зачѣмъ онъ помѣстилъ этотъ отдѣлъ, бесполезный для него, какъ и для всѣхъ изслѣдователей славянскаго текста, обращающихся, черезъ издаііе Тишендорфа, прямо къ греческимъ рукописямъ (какъ это дѣлаетъ и Г. А. Воскресенскій). Объясненіе появленію этого отдѣльнаго остается одно — желаніе достичь полноты въ изложеніи матеріала, но и это, само по себѣ похвальное, желаніе въ данномъ случаѣ не оправдывается: внесеніе лишняго матеріала, чужаго по характеру, не есть достиженіе полноты, а балластъ, въ ученой работѣ, и безъ того сложной, вовсе не желательный. Полагаю, въ концѣ концовъ, что г. Воскресенскій и здѣсь проявилъ тоже увлеченіе Тишендорфомъ, что и въ предыдущихъ случаяхъ, только здѣсь вина падаетъ уже на него, а не на его образецъ; Тишендорфъ, давая изданіе греческаго текста, имъ возстановляемаго, долженъ былъ свести счеты, уяснить читателю свое отношеніе къ предшественникамъ, г. же Воскресенскій въ этомъ надобности не имѣлъ: для него изданіе Тишендорфа отстранило

1) Ср. Gardthausen — Gricch. Paläographie (Leipz. 1872). S. 10—11.

(и совершенно справедливо) всё прежнія. Въ его положеніи — издателя славянскаго текста — мы бы ждали исторіи славянскихъ изданій евангелія, критическаго отношенія къ его предшественникамъ...

Продолженіемъ разсмотрѣннаго обзора служитъ слѣдующая глава, посвященная очерку исторіи рукописнаго греческаго текста евангелія, дѣленію его на редакціи, древнимъ переводамъ (кромѣ славянскаго), значенію церковныхъ писателей при критикѣ текста (стр. 93—118); она заключаетъ такъ же мало самостоятельнаго изслѣдованія автора, какъ и только что разсмотрѣнная глава. Изъ нея видимъ прежде всего одно: авторъ, познакомившись съ приемами критики и изученія греческихъ и вообще иноязычныхъ текстовъ, приложилъ ихъ къ своему труду по славянскимъ текстамъ, насколько, разумѣется, позволяла разница въ матеріалѣ и его характерѣ. Поэтому въ идеяхъ, имъ здѣсь проводимыхъ, замѣчается такая тѣсная связь съ высказываемымъ имъ въ упомянутомъ выше «введеніи»; таковы, напр., его разсужденія объ образованіи варьянтовъ, о приемахъ ихъ оцѣнки (стр. 93, 109). Конечно, иначе и быть не могло: методъ въ томъ и другомъ случаѣ въ общихъ чертахъ долженъ былъ оказаться однимъ и тѣмъ же въ силу сходства, какъ въ характерѣ самаго матеріала, такъ и въ цѣляхъ труда.

Большую сравнительно съ предыдущимъ изложеніемъ цѣнность имѣетъ для насъ послѣдняя глава первой части, посвященная болѣе точному опредѣленію греческаго оригинала славянскаго перевода евангелія. Сказавши въ предыдущей главѣ, какое важное значеніе для изслѣдователя судьбъ славянскаго Новаго Завѣта имѣютъ греческіе отцы церкви и толкователи св. писанія (стр. 118), Г. А. заявляетъ: «Греческій текстъ Евангелія по сочиненіямъ Фотія, патріарха константинопольскаго (IX в.), представляетъ особый интересъ для изслѣдователя славянскаго перевода Библии. Съ одной стороны, текстъ этотъ можетъ представить свидѣтельства о той рецензій списокъ Новаго Завѣта, которая употреблялась въ константинопольской церкви IX в., когда было положено начало славянской образованности въ переводѣ свящ. книгъ на славянскій языкъ. Съ другой стороны, патр. Фотій былъ, какъ извѣстно, наставникомъ и другомъ славянскаго первоучителя, св. Кирилла. Естественно думать, что и наставникъ въ своихъ сочиненіяхъ и его ученикъ для славянскаго перевода Евангелія пользовались греческими списками одной и той же рецензій» (стр. 119). Исходя изъ этой совершенно правильной (особенно въ первой своей половинѣ) мысли, г. Воскресенскій показываетъ отношенія евангельскаго текста патр. Фотія къ древнимъ греческимъ текстамъ, а также къ древнимъ переводамъ и отеческимъ свидѣтельствамъ, привлекая къ сравненію не только ев. Марка, но и остальные (стр. 120—125). Изъ этого сопо-

ставленія оказывается, что одиннадцать рукописей¹⁾ VIII—X в., совпадающихъ съ Фотіевскимъ текстомъ, представляютъ константинопольскую редакцію, бывшую въ употребленіи во время возникновенія славянскаго перевода. Съ чтеніями Фотія совпадаетъ и славянскій переводъ. Отсюда получаются весьма важные выводы г. Воскресенскаго, которые считаю долгомъ привести вполнѣ: 1) «Евангельскій текстъ патр. Фотія показываетъ, что древній славянскій переводъ сдѣланъ съ греческихъ списковъ константинопольской редакціи — того же типа, какъ унциальные рукописи ESUMKVG ПГНФ». (стр. 126). Съ другой стороны изъ тѣхъ же сопоставленій выходитъ, что текстъ Фотія даетъ параллели къ L (Парижскій код. 62 — VIII в. — александрийскаго типа), къ Δ (Сенгалленскій 48—IX в. западнаго происхожденія, но близкій къ L и C), къ C (Ефремовскій-Парижскій V в. также египетскаго происхожденія), D (Кэмбриджскій — VI в. — александрийскаго типа) и къ A (Британскій — александрийскій V в.). Съ другой стороны такое же совпаденіе Фотій представляетъ съ древнимъ готскимъ (Ульфила — IV в.) текстомъ, греческая основа котораго совпадаетъ съ текстами Іоанна Златоуста, откуда совпаденія у Фотія и Златоуста. Наконецъ, замѣчательны и отрицательные результаты: у Фотія нѣтъ нигдѣ совпаденій съ Ѳ и В (Синайскій код. IV в. и Ватиканскій IV в. — оба до-сирійскаго типа). Изъ этихъ наблюденій получаются заключенія:

2) «Греческій текстъ евангелія въ сочиненіяхъ патр. Фотія, въ выше-названныхъ унциальныхъ рукописяхъ (т. е. ESU и т. д.) и въ древнемъ славянскомъ переводѣ не представляетъ особенно замѣтныхъ отличій отъ того вида евангельскаго текста, въ какомъ онъ извѣстенъ въ готскомъ переводѣ, въ твореніяхъ св. Іоанна Златоустаго — лучшихъ свидѣтелей лукіановской рецензіи Евангелія»²⁾.

3) «Древній славянскій переводъ, насколько можно судить по отношенію его къ тексту патр. Фотія, въ отдѣльныхъ случаяхъ совпадаетъ съ чтеніями греческихъ унциальныхъ рукописей ACDLΔ (т. е. александрийскаго, частью (въ Δ) западнаго, близкаго къ тому же александрийскому, типа), и никакого отношенія не имѣетъ къ личнымъ особенностямъ унциальныхъ рукописей ѲВ.» (т. е. до-сирійскаго типа).

4) «Какъ вышеозначенныя унциальныя рукописи ESU...³⁾, такъ и

1) Онѣ слѣдующія: Базельская VIII в. (E), Борелева IX в. (F), Лондонская IX в. (G) Гамбургская IX в. (H), Оксфордская IX в. (Г), Парижская 63, IX в. (K), Парижская-же 48, IX в. (M), Ватиканская X в. (S), Венеціанская IX в. (U), Московская IX в. (V) и Петербургская IX в. (П).

2) О рецензіи Лукіана (антиохійца) III в. см. стр. 95, 100. Лукіановская рецензія легла въ основу константинопольской; ср. Христіанское Чтеніе, 1894 г., III, 486.

3) Они у Тишендорфа объединены, какъ тексты константинопольской рецензіи, обозначеніемъ «unc.⁹⁾», принятымъ и г. Воскресенскимъ.

древній славянскій переводъ вмѣстѣ съ ними имѣютъ, такимъ образомъ, характерные признаки лукіановской редакціи евангельскаго текста»¹⁾.

И такъ: славянскій переводъ сдѣланъ былъ съ обычнаго въ IX в. типа греческихъ рукописей — лукіановской (антіохійской) редакціи, но не древней, а уже видоизмѣненной въ Константинополѣ; эти видоизмѣненія произошли не безъ вліянія александрійской редакціи, иначе: въ основѣ славянскихъ текстовъ лежитъ константинопольско-лукіановская редакція съ окраской александрійской. Таковъ важный результатъ, достигнутый г. Воскресенскимъ. Этотъ выводъ даетъ значительную цѣнность труду автора. Нагляднѣе всего значеніе этого вывода видимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано до него, въ частности А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ. Располагая только двумя изданіями греческой библіи, текстомъ Александрійскимъ (по изданію, далеко не научному — *év Μόσχᾶ, Λωχᾶ*) и Ватиканскимъ (по изд. Leandri van Ess, Lipsiae 1835), а для варьянтовъ изданіями Holmes'a (Оксфордъ 1798—1827), Маттеи (Evang. Johannis — 1786) и Шольца (1830), издатели Описанія синод. рукописей, понятно, не могли получить болѣе или менѣе прочныхъ выводовъ: они отъ нихъ и воздержались, ограничившись для Ветхаго Завѣта вполнѣ подтверждающимися теперь замѣчаніями, что текстъ не слѣдуетъ вполнѣ ни Ватиканскому (т. е. до-сирійскому), ни Александрійскому тексту, а для Новаго Завѣта сослались только на варьянты Шольца²⁾. Такимъ образомъ, г. Воскресенскій впервые поставилъ точно вопросъ о редакціи греч. оригинала, указавъ и на ту редакцію, которая можетъ считаться основной для славянскаго перевода. Этотъ выводъ тѣмъ для насъ важнѣе, что имъ подтверждается и другое наблюденіе надъ текстомъ свящ. писанія въ славянскомъ переводѣ: подобно евангельскому тексту къ той же лукіановской редакціи восходитъ переводъ и ветхозавѣтныхъ книгъ, по крайней мѣрѣ одной изъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ пророческихъ книгъ³⁾.

Но авторъ не ограничился тѣмъ, что съ помощію изученія Фотіевскаго текста въ связи съ иными текстами св. писанія характеризовалъ славянскій переводъ, насколько этотъ послѣдній оказался параллельнымъ съ отрывками изъ Фотія⁴⁾: онъ провѣрилъ свой выводъ на ев. Марка, сличивъ этотъ переводъ съ выдѣленной имъ группой кодексовъ лукіано-константинопольской редакціи («унц.⁹⁾») и переводомъ готскимъ. Провѣрка (стр. 127—133) подтвердила и нѣсколько дополнила выводъ, помогши точнѣе представить

1) Послѣдніе два вывода у г. Воскресенскаго идутъ въ обратномъ порядкѣ; я предпочелъ измѣнить этотъ порядокъ, находя это удобнѣе.

2) См. стр. 10, 11, 12, 22, 34, 235, 237, 239.

3) См. Христіанское Чтеніе, 1897 г., № 1, стр. 189; ср. тотъ-же журналъ, 1894 г. № 3, стр. 486.

4) См. на стр. 120—125, примѣры за исключеніемъ: 1, 4—8, 14, 22, 31—34, 36.

греческій оригиналь: «не должно представлять, что рецензія эта оставалась однообразною и неизмѣнною въ своемъ составѣ: общій характеръ ея, пожалуй, всегда оставался одинаковъ, но въ частностяхъ и подробностяхъ текстъ ея видоизмѣнялся» (стр. 134)¹⁾. Эти видоизмѣненія объясняются самой исторіей лукіано-константинопольской редакціи, испытывавшей въ различныхъ своихъ спискахъ вліяніе и толкованій (Іоанна Злат., позднѣе Теофилакта болгарскаго, Евонімія); поэтому между ними было разнообразіе, при чемъ одинъ могъ сохранить одни древнія черты, другой другія: отсюда ясно, почему древній готскій переводъ (старый представитель лукіановской ред.), а также славянскій, отклоняются иногда отъ «унс.⁹», особенно отъ позднѣйшихъ константинопольскихъ списковъ, слѣдуя чтенію александрійскому. Это наблюденіе необходимо было автору: оно пригодилось для оправданія отклоненій отъ «унс.⁹» древнѣйшаго перевода славянскаго, а также для объясненія возникновенія позднихъ славянскихъ редакцій, особенности которыхъ находятъ себѣ оправданіе въ особенностяхъ позднихъ константинопольскихъ текстовъ сравнительно съ древними «унс.⁹».

Выясненію этого соответствія, характеризующаго съ извѣстной стороны первоначальный переводъ, насколько онъ сохранился въ 1-й и послѣдующихъ редакціяхъ, посвящена вторая половина труда г. Воскресенскаго.

Порядокъ изслѣдованія здѣсь такой: сначала отмѣчаются варианты (т. е. соответствіе различіямъ греческихъ текстовъ) списковъ древнихъ славянскихъ отъ нынѣшняго славянскаго печатнаго, затѣмъ отличія отъ того же нынѣшняго въ переводѣ (т. е. различная передача одного греческаго выраженія): здѣсь отмѣчаются грецизмы и архаизмы, наконецъ «личныя» особенности списка.

Что касается перваго приѣма — опредѣленія, характеристики первой редакціи перевода ев. Марка — на основѣ нынѣшняго текста печатнаго евангелія, то объ неудобствѣ его было уже упомянуто выше: мы ждали бы, разъ авторъ такъ точно опредѣлилъ редакцію греческаго текста лукіано-константинопольской и указалъ группу такихъ текстовъ («унс.⁹»), которые легли въ основу славянскаго перевода, мы бы ожидали, повторяю, сличенія славянскаго перевода съ этой группой, при чѣмъ подборъ примѣровъ, опредѣляющихъ эту редакцію, основывался бы на греческомъ текстѣ, а не на позднемъ, прошедшемъ рядъ мытарствъ въ видѣ справъ, переписокъ и перепечатокъ нашемъ печатномъ текстѣ прошлаго столѣтія. Конечно, это было бы допустимо, если бы мы имѣли въ теперешнемъ славянскомъ текстѣ точ-

1) Ср. Христіанское Чтеніе, 1897 г., № 1, стр. 191.

ное воспроизведеніе одного, намъ извѣстнаго греческаго типа рукописей: въ такомъ случаѣ, какъ нѣчто точно опредѣленное, этотъ текстъ при нуждѣ могъ бы замѣнить собой греческій и могъ бы показать, чѣмъ древній текстъ отличается отъ поздняго. Но на дѣлѣ, вѣдь, и этого мы не можемъ сказать про нашъ теперешній текстъ, объединившій въ себѣ не только первоначальный переводъ (а о немъ и рѣчь), но и цѣлый рядъ разныхъ редакцій, не исключая даже оригинальнаго текста Чудова мон. (митр. Алексѣя, такъ называемый). Но и этотъ приемъ, какъ онъ ни не наученъ вообще, для нашихъ цѣлей еще не бѣда: авторъ даетъ, чтобы показать отличие древнѣйшаго текста отъ нынѣшняго, матеріалъ и для другихъ редакцій, достаточное количество греческихъ разночтеній. Этими то разночтеніями мы и воспользуемся. Просматривая параллельно греческіе тексты съ одной стороны и славянскіе (1-й и послѣдующихъ редакцій) съ другой, мы встрѣчаемся съ наблюденіями совершенно неожиданными, тѣмъ болѣе поразительными послѣ тѣхъ категоричныхъ выводовъ автора, съ которыми мы только что познакомились: послѣ сопоставленій, сдѣланныхъ авторомъ на стр. 127—134, мы ждемъ и въ «вариантахъ» къ первой редакціи (стр. 141—162)¹⁾ совпаденія первоначальнаго славянскаго перевода въ массѣ случаевъ съ группой рукописей греческихъ, обозначаемыхъ «унц.⁹⁾» (т. е. EFGHKMSUV), часто съ группой AXΓΠ²⁾, изрѣдка съ CDΔ(?)N³⁾ и несоотвѣтствія съ NBΛΔ⁴⁾, отъ которыхъ славянскій переводъ «*рѣзко отличается*» (стр. 133, 134). Но при ближайшемъ разсмотрѣніи обѣихъ группъ примѣровъ (стр. 127 и сл. и 141 и слѣд.), приведенныхъ авторомъ въ доказательство ближайшаго родства славянскаго перевода съ «унц.⁹⁾» и варьантовъ его съ другими, мы видимъ не то: во первыхъ, отношеніе славянскаго текста первой редакціи къ NB и ΛΔ различно, какъ показываетъ первая группа примѣровъ: если въ 75 случаяхъ, приводимыхъ авторомъ, ев. Марка избѣгаетъ *рѣзко и послѣдовательно* чтеній NB, то оно гораздо снисходительнѣе къ ΛΔ: въ 31 случаѣ изъ 75 оно совпадаетъ не только съ своей группой «унц.⁹⁾», но и съ этими двумя кодексами VIII и IX вв.⁵⁾ — докательство, что они не такъ рѣзко расходятся съ «унц.⁹⁾», а могутъ, благодаря своему сходству въ остальныхъ случаяхъ съ NB, служить связую-

1) Для удобства пока сохраняю терминологию и дѣленіе на редакціи, принятыя авторомъ.

2) Т. е.: Александрійскій V в., Мюнхенскій X в., Оксфордскій IX—X в., Петербургскій IX в.

3) Т. е.: Ефремовскій V в., Кембриджскій VI в., Сентгалленскій IX в., Патмосскій VI в.

4) Т. е.: Синайскій IV в., Ватиканскій IV в., Парижскій (62) VIII в., Сентгалленскій IX в.

5) Вотъ эти случаи въ порядкѣ главъ и стиховъ: для Δ—I, 13, 14, 23, 24, 31, 42; II, 2, 7; IV, 12; VIII, 16, 36; IX, 11, 29; X, 8; XII, 21, 22; XIII, 14, 18, 27; XIV, 4, 24, 52, 70; XV, 28, 40; — для Λ—I, 24; VIII, 16; IX, 29; XV, 28, 42. Изъ этихъ случаевъ въ 5 (крошъ XV, 42) Λ идетъ вмѣстѣ съ Δ, такъ что разныхъ случаевъ остается всетаки 26.

щимъ звеномъ между NB и АХГП, которыя близко подходятъ къ «унц.⁹» и, такимъ образомъ, и между NB и «унц.⁹»; т. е. получается такая градація: NB — ЛД — АХГП — «унц.⁹». Но это наблюдение еще не такъ важно: выводъ автора о принадлежности славянскаго перевода по оригиналу къ группѣ «унц.⁹» остается въ силѣ, только присутствіе въ немъ, помимо АХГП, группы ЛД должно нѣсколько ослабить категоричное утверждение автора о характерѣ оригинала славянскаго перевода, какъ представителя рѣзко опредѣленной группы «унц.⁹»: въ немъ была примѣсь списковъ ЛД (группы NBЛД) сильнѣе, нежели полагалъ авторъ. Совсѣмъ иное представление объ оригиналѣ славянскаго перевода даетъ болѣе внимательное разсмотрѣніе второй группы примѣровъ — «варьянтовъ»; изъ этого анализа мы видимъ, что древнѣйшій текстъ, представляемый первой редакціей и позднѣйшими (т. е. редакціи, частью 2-я, четвертая), и нынѣшній печатный текстъ въ «варьянтахъ» другъ къ другу восходятъ къ различнымъ греческимъ текстамъ, при чемъ чтеніе *древнѣйшей* редакціи находитъ себѣ оправданіе въ NB и ЛД, рѣже въ АХГП и весьма рѣдко въ «унц.⁹», при чемъ, вдобавокъ, всѣ случаи совпаденія славянскаго древнѣйшаго текста съ АХГП и «унц.⁹» покрываются группой NBЛД; тогда какъ *позднѣйшія* редакціи (а въ числѣ ихъ и нынѣшній печатный) въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ (т. е. въ отличіяхъ отъ древнѣйшей редакціи) объясняются именно изъ «унц.⁹», иногда АХГП, рѣдко ЛД, и въ единичныхъ только случаяхъ то изъ M, то изъ B, гдѣ эти даютъ аналогію къ «унц.⁹». Это наблюдение, показывающее совершенно обратное тому, что утверждалъ авторъ, на столько важно и на первый разъ настолько парадоксально, что считаю долгомъ своимъ подтвердить его примѣрами. Изъ «варьянтовъ» г. Воскресенскаго (стр. 141—162) я выбралъ болѣе наглядные, именно — случаи «замѣненія» и «опущенія и прибавленія» словъ въ греческомъ текстѣ, какъ болѣе характерные и болѣе надежные, нежели случаи «перестановки» словъ, зависимость которой въ славянскихъ текстахъ отъ греческихъ установить не всегда возможно³). Такихъ случаевъ «замѣненія» и «опущенія и прибавленія» изъ болѣе, чѣмъ

1) Третью редакцію (т. наз. рукоп. Алексѣя митр. и еще двѣ) я исключаю, какъ за-
нявшую совершенно особенное мѣсто въ ряду списковъ евангелія: до послѣдней справки
текста (въ Петровское время) она стоитъ, по заключенію Г. А. Воскресенскаго, въ сто-
ронѣ, внѣ связи съ исторіей евангелійскаго текста (см. стр. 291, 299). И далѣе я третью ре-
дакцію вездѣ выдѣляю.

2) Случаи различнаго порядка словъ могутъ стоять въ связи съ славянскимъ син-
таксисомъ, общимъ вліяніемъ греческаго синтаксиса на славянскій, а не только въ связи съ
непосредственнымъ вліяніемъ греческаго *свѣдѣтельнаго* текста, даже одного опредѣленнаго,
имѣвшагося передъ глазами у переводчика или справщика; поэтому не отрицая значенія
этихъ случаевъ, считаю ихъ однако не столь надежными показателями, какъ первые. Та-
кихъ случаевъ у Г. А. Воскресенскаго указано до 50.

150, «варьянтовъ» г. Воскресенскаго набралось у меня болѣе 50¹⁾. Приводя эти примѣры, кстатѣ привожу и чтенія славянскихъ рукописей древней редакціи и позднѣйшихъ, особенно второй, рѣже 4-й или нынѣшняго печатнаго: это уяснитъ намъ отношеніе между собой и славянскихъ текстовъ, основѣй дѣленія которыхъ на редакціи (если ужъ устанавливать редакціи) долженъ, разумѣется, прежде всего служить текстъ греческій, а не нынѣшній, не существовавшій до половины прошлаго столѣтія.

1) I, 11. ты кси снѣ мой възлюбленны. о тобѣ блгволихъ — Чтеніе сп. 1-й ред. и 2-й = $\Sigma\upsilon \epsilon\acute{\iota} \delta' \upsilon\acute{\iota}\acute{o}\varsigma \mu\omicron\upsilon \delta' \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta\tau\acute{o}\varsigma, \epsilon\nu \sigma\omicron\iota \epsilon\upsilon\delta\acute{o}\chi\eta\sigma\alpha$ — NBΛΔ.

— т. к. с. м. в. ω немже б. — въ сп. А 9. 12. 24. 30. 37. 39, Б 8. 14. 15. 30. 39 и сп. 4-й ред. = $\Sigma\upsilon \epsilon\acute{\iota} \delta' \upsilon. \mu. \delta' \acute{\alpha}\gamma. \epsilon\nu \phi' \epsilon\upsilon.$ — АГП. унц. 8²⁾.

2) — 15. глѣ тако исполниса врѣма. — Чтеніе 1-й, 2-й и 4-й ред. = $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega\nu \delta\tau\iota \mu\epsilon\pi\lambda\acute{\eta}\rho\omega\tau\alpha\iota \delta' \chi\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma.$ — NAD. унц. 1-4, 7, 9. Г.

— и глѣ та. и. в. — одинъ списокъ Λ 9. = $\chi\alpha\iota \lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega\nu \delta. \mu. \delta' \chi.$ — ВΛΔΠ. унц. 5-6.

3) — 21. и абынъ въ соуботы на съньмиші оучаше. — Чтеніе 1-й ред. = $\chi\alpha\iota \epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma \tau\omicron\iota\varsigma \sigma\acute{\alpha}\beta\beta\alpha\sigma\iota\nu \epsilon\nu \tau\eta \sigma\upsilon\nu\alpha\gamma\omega\gamma\eta \epsilon\delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\kappa\epsilon.$ — NSΛΔ.

— и а. въ с. възлѣзъ (въшьдъ) въ съборъ оучаше — 2-я ред. = $\chi. \epsilon\upsilon. \tau. \sigma. \epsilon\iota\varsigma \tau\eta\nu \sigma\upsilon\nu\alpha\gamma\omega\gamma\eta\nu \epsilon\iota\sigma\epsilon\lambda\theta\acute{o}\nu, \epsilon\delta.$ — ABDГП. унц. 9.

4) — 22. не локоннѣици ихъ. 1-я ред. и Б 9. 12. 17. 30. 31. 33. 34. 36. 42. 51. = $\omicron\upsilon\chi \acute{\omega}\varsigma \omicron\iota \gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\varsigma \alpha\upsilon\tau\acute{\omega}\nu$ — СΔ. унц. 6.

— не тако кнѣицига. — 2-я ред. (тоже 4-я ред. и нынѣшн.). = $\omicron\upsilon\chi \acute{\omega}\varsigma \gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\varsigma.$ — NABDLГП. унц. 8.

5) — 34. тако вѣдахоуть I — 1-я ред. и Б 1. 9. 52. = $\epsilon\tau\iota \eta\delta\epsilon\iota\sigma\alpha\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu.$ — NAD. унц. 1-2, унц. 5, унц. 8-9. П.

— тако оувѣдѣша и хса быти — 2-я ред. и Λ 9. 18. 29 ($\bar{\chi}\alpha$ сжща) = $\delta. \eta. \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu \chi\rho\iota\sigma\tau\acute{o}\nu \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota.$ — ВСΛ. унц. 3, унц. 6.

6) — 36. и иже бяхоу сънимъ — 1-я и 2-я ред. = $\chi\alpha\iota \sigma\acute{\iota} \mu\epsilon\tau' \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \eta\sigma\alpha\nu$ — cod. Δ и Викторъ Антиохійскій.

— и иже с нимъ — 4-я ред. и нынѣшній. — Остальные всѣ греч. кодексы.

7) — 40. и на колѣноу падага 1-я и 2-я ред. = NL = $\chi\alpha\iota \gamma\omicron\nu\nu\mu\epsilon\tau\acute{\omega}\nu.$

— и на колѣноу падага пред нимъ — 4-я ред., нынѣшн. = $\chi\alpha\iota \gamma\omicron\nu\nu\mu\epsilon\tau\acute{\omega}\nu \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu.$ — АСΔΠ. унц. 7.

1) Изъ 100 примѣровъ, менѣе 40, какъ не характерныхъ «замѣненій», «опущеній» и «прибавленій» мною оставлены; но и они не противорѣчатъ, а подтверждаютъ то, что выходитъ изъ приводимыхъ ниже примѣровъ. Вотъ эти случаи въ порядкѣ главъ: III, 20, 30, 35; IV, 22, 30, 41; V, 10, 14, 15, 18; VI, 7, 14, 18, 23, 30; VIII, 14; IX, 2, 19, 21, 47, 50; X, 17, 35; XI, 32; XII, 7, 29, 32; XIV, 27, 51, 65; XVI, 18, 19.

2) Обозначенія: унц. 1 = E; унц. 2 = F; унц. 3 = G; унц. 4 = H; унц. 5 = K; унц. 6 = M; унц. 7 = S; унц. 8 = U; унц. 9 = V.

8) II, 18. и фарисей (2 раза). 1-я ред. = *καὶ οἱ φαρισαῖοι* — **NBACDP**. унц 5-6.

9) III, 11. ты ксӣ сн̄ъ бж̄ӣя. 1-я и 2-я ред. = *σύ εἰ χριστός ὁ υἱός τοῦ Θεοῦ*. — **C**. унц 6.

10) — 12. да не твѣ творать кго. 1-я, 2-я и 4-я ред. = *ἵνα μὴ αὐτὸν φανερόν ποιῶσι*. — **DL** унц 6.

11) — 13. и идоша къ нѣмоу — 1-я и 2-я ред. = *καὶ ἦλθον πρὸς αὐτόν* — **D** (а также готскій переводъ).

12) V, 3. — желѣзгьмь оужьмь — 1-я ред. = *άλύσει* — **L**.

13) — 9. і҃҃ла кмоу — 1-я ред. = *καὶ λέγει αὐτῷ*. — **NBLΔAC**. унц 5-6.

14) — 23. да сѣсена боудеть и оживеть — 1-я ред. = *ἵνα σωθῆ καὶ ζῆσῃ*. — **NBLCD**.

15) — 41. талиѳа коум — 1-я, 2-я и 4-я ред. = *ταλιθά, κοῦμ*. — **NBCL**. унц 6.

16) VI, 33. — — — 1-я ред. = **NBLΔD**.

17) — 48. и видѣвъ — 1-я и 2-я ред. = *καὶ ἰδὼν*. — **NBLΔD**.

18) — 52. нъ бѣ срдце ихъ — 1-я ред. = *ἀλλ' ἦν ἡ καρδία αὐτῶν*. — **NBLΔ**. унц 6 (унц 7?).

19) VII, 6. добрѣ прорече — 1-я, 2-я ред. = *καλῶς προφήτευσεν* — **NBLΔ**.

20) — 36. оні паче излиха проповѣдахоу — 1-я, 2-я ред. = *αὐτοὶ μᾶλλον περισσώτερον ἐκήρυσσον*. — **NBLΔDN**.

— и фарисѣисци — 2-я ред. (а также пынѣши.) **LΔΓ** унц 1-4 унц 9. = *καὶ οἱ τῶν φαρισαίων*.

— ты ксӣ сн̄ъ бж̄ӣя — **A** 9. 10. 11. 21. 32. — **B** 11. 23. 36. 53, 4-я ред. пынѣши. = *σ. εἰ ὁ ὁ. τ. Θ.* — остальные рук.

— да не твѣлена его створать — **Г** 2. 11 и пынѣши. = *ι. μῆ. αὐ. φ. ποιήσωσι*. — **ANCGA**. унц 8.

— и придоу кнѣмоу. — **A** 11. 38, 4-й ред. = *καὶ ἀπῆλθον π. αὐ.* — **BΓΠ**. унц 9.

— верягами — 2-й, 4-й ред. пынѣши. = *άλύσειν* — **NADΔΠ**. унц 9.

— и отгвѣща г҃ла — 2-я ред., 4-я ред. = *καὶ ἀπεκρίθη λέγων*. — унц 1-4, 7-9.

— ѳкоже (да) исцѣлѣнъ и жива боудеть — 2-я ред. (также **A** 11. ѳко да сѣсетъсе), 4 ред. = *ὥπως σωθῆ καὶ ζῆσεται*. — **AP**. унц 9.

— талиѳа коумі **B** 11. 20. 23. 53. 59 и пынѣши. = *ταλ. κοῦμ* — **ADΔΠ**. унц 8.

— и вѣнидоша къ нѣмоу — (п сънидѣ са к нѣмоу — **A** 9. 11) — 2-я ред. = *καὶ συνῆλθον πρὸς αὐτόν*. — **AGΠ**. унц 9.

— и видѣ (**A** 9) — 4-я ред., пынѣши. = *καὶ εἶδεν*. — **ΓΑΧ**. унц 1-9.

— блаше бо срдце ихъ — 2-я, 4-я ред. (**A** 9). = *ἦν γὰρ ἡ κ. αὐ.* — **AXΓΠD**. унц 7.

— ѳко добрѣ прорече — **A** 6. 7. 8. 9. 10. 11. 18. 21, 4-я ред. = *ὅτι κ. π.* — **AXΓΠD**. унц 9.

— паче излиха проповѣдахоу — 4-я ред. и пын. = *μ. π. ε.* — **AXΓΠ**. унц 1-9.

21) VIII, 1. пакы многоу народоу соущю. — 1-я ред. = *πάλιν πολλοῦ ὄχλου ὄντος*. — **NBLΔN**. унц 3, 6. D.

22) — 17. окаменѣно ли имате ср̄дце. — 1-я ред. = *πεπωρωμένην ἔχετε τὴν καρδίαν* — **NBLΔCDN**.

23) — 24. тако древо вижю ходаща. — 1-я ред. = *ὡς δένδρα ὁρῶ περιπατοῦντας* — **NBLΔAXΓΠN**. унц 8.

24) — 37. что бо дасть — 1-я ред. = *τί γὰρ δώσει*. — **NBLΔ**.

25) IX, 3. не можетъ гнафеи на земли тако бѣлити — 1-я, 2-я ред. = *γναφεὺς ἐπὶ τῆς γῆς οὐ δύναται οὕτως λευκᾶναι*. — **NBLΔCN**.

26) — 7. приде гласъ изъ облака — 1-я ред., 4-я ред. = *ἦλθε φωνὴ ἐκ τῆς νεφέλης*. — **NBCXΓΠN**. унц 9.

27) — 8. нъ іса̄ кдиногю съ собою — 1-я, 2-я ред. = *ἀλλὰ τὸν Ἰησοῦν μόνον μέθ' ἑαυτῶν*. — **LΔAXΓΠC**. унц 9.

28) — 41. въ имя = *ἐν ὀνόματι*. — A 1. 3. 4. 5. 6. 10. — **BLA**. унц 5-6.

29) X, 12. поущыши моужа свогю посагнетъ — 1-я ред. = *ἀπολύσασα τὸν ἄνδρα αὐτῆς γαμηθῆ* — **NBLΔC**.

30) — 38. или хр̄щениѣмъ — 1-я ред., 2-я ред. = *ἢ τὸ βάπτισμα*. — **NBLΔDN**.

31) — 43. не такожде ксть въ васъ — 1-я ред. (Сав. кн. A 4. 5. 10. 11. 12. 13. 14. 17. 18. 37) = *οὐχ οὕτως δὲ ἐστὶν ἐν ὑμῖν*. — **NBLΔD**.

— многоу народоу соущю — 2-я ред. (A 18). — *παμπολλοῦ ὄ. ὄ.* — **AXΓΠ**. унц 1, 2, 4, 5, 7-9.

— кще (аще) ли окаменѣно ср̄дце — 2-я ред. (доб. имате), 4-я ред. A 9. = *ἔτι π. ἐ. τ. κ.* — **AXΓΠ**. унц 9.

— акы джбикъ ходаща — 2-я ред., 4-я ред., нышн. = *ὡς. δ. π.* — **D**.

— или что дасть — 2-я ред. (ли что — A 3. 9. 11), 4-я ред., нышн. = *ἢ τί δώσει*. — **AXΓΠC**. унц 9.

— не можетъ бѣлжникъ оубѣлити на земли — 4-я ред. (также A 6. 7. 9. 10. 11. 20, B 36) — *γ. ἐ. τ. γ. οὐ δ. λευκᾶναι*. — **AXΓΠD**. унц 9.

— приде гла̄ изъ облака гла̄ — 2-я ред. (и A 11) = *ἦ. φ. ἐκ. τ. ν. λέγουσα* — **ADL**.

— токмо іса̄ единого съ собою — 4-я ред. (A 9. 11. 38; тькъмо нъ A 6) = *εἰ μὴ τ. Ἰ. μ. μ. ἐ.* — **BDN**.

— въ имя .мок — A 9. 11. 12. 13. 14. 24. 25. 26. 29. 32. 34. 35. 38. 40. — 2-я ред., 4-я ред., нышн. = *ἐν ὀνόματί μου*. — **ΔDXΓ**. унц 8.

— поустить моужа си и посагнетъ — 2-я ред. (A 5. 10) = *ἀπολύσῃ τὸν ἄνδρα αὐτῆς καὶ γαμηθῆ* — **AXΓΠ**. унц 9.

— и кр̄щениѣмъ — 4-я ред. = *καὶ τὸ βάπτισμα*. — **AXΓΠ** унц 9.

— не такожде боудеть въ васъ (A; боуди — 2 ред.) = *οὐχ οὐ. δὲ ἐσται ἐν ὑμῖν*. — **AXΓΠN** унц 9.

- 32) — 49. рече. възгласите и — рече възвати и — 2-я ред. = 1-я ред., 2-я ред. (иногда) = εἶπεν φωνήσατε αὐτόν. — **NBLAC**. εἶπεν αὐτόν φωνηθῆναι — АХГПД унц 9.
- 33) XI, 3. и абик пакты послѣтъ и — 1-я ред., 2-я ред. = καὶ εὐθέως πάλιν αὐτόν ἀποστείλει. — **NBLAD**. — и ѿ абикѣ послеть его — 4-я ред., нын. (А 6. 7) = καὶ ε. αὐ. ἀποστείλει — АХГП унц 9.
- 34) — 6. такоже заповѣдѣ ꙗсъ — 1-я ред. = καθὼς ἐνετείλατο ὁ Ἰησοῦς — всѣ списки. — тако же поведѣ ѿма ꙗсъ — 2-я ред. = κ. ἐνετ. αὐτοῖς ὁ Ἰ. — D. унц 6.
- 35) — 16. и възшьдѣ въ цркъвь — 1-я ред. = καὶ εἰσελθὼν εἰς τὸ ἱερόν — **NBLACD**. — и възшьдѣ ꙗсъ въ црковь — 2-я ред., 4-я ред. = καὶ εἰσελθὼν ὁ Ἰησοῦς εἰς τὸ ἱερόν — АХГПН унц 9.
- 36) — 28. ли кто ти дасть область сию — 1-я ред., 2-я ред. = ἢ τίς σοι ἔδωκεν τὴν ἐξουσίαν ταύτην — **NBLA**. — и кто ти ѡбласть сию дасть. — 4-я ред. (также А 6. 7. 8. 11) = καὶ τίς σοι τὴν ἐξουσίαν ταύτην ἔδωκεν — АХГПН унц 9.
- 37) — 30. хрщеньк иоанново ѡкоудоу бѣ, с нбсе ли — 1-я ред., 2-я ред. = τὸ βάπτισμα Ἰωάννου πόθεν ἦν, ἐξ οὐρανοῦ — **NC**. — крщннѣ ꙗѡанново съ нбсе ли бѣ — 4-я ред., нынѣшн. = τ. β. Ἰω. ἐξ οὐρανοῦ ἦν. — всѣ остальн. код.
- 38) XII, 8. и имъше оубиша и — 1-я ред., 2-я ред. = καὶ λαβόντες ἀπέκτειναν αὐτόν. — **NBLAC**¹⁾. — и ѿмъше ѿго оубиша — 4-я ред., нынѣшн. = καὶ λαβόντες αὐτόν ἀπέκτειναν¹⁾ — АХГПДН. унц 9.
- 39) — 34. ꙗсъ видѣвъ и — 1-я ред., 2-я ред. = καὶ ὁ Ἰησοῦς ἰδὼν αὐτόν. — ВАХГП. унц 8. — ꙗсъ же видѣвъ — 4-я ред., нынѣшн. = κ. ὁ. Ἰ. ἰδὼν — **NLAD**.
- 40) — 37. како кмоу ксть снѣ — 1-я ред. = πῶς αὐτοῦ υἱός ἐστιν — **BL**. — ѡтъкоудоу снѣ кмж ксть — 2-я ред., 4-я ред. (А 4. 9. 10. 11) = πόθεν υἱός αὐτοῦ ἐστιν. — **N* M***: 1. 13. 28. 33. 69²⁾.
- 41) XIV, 5. можааше бо си хризма продана быти — 1-я ред., 2-я ред. = ἠδύνατο γὰρ τοῦτο τὸ μῦρον πρᾶθῆναι. **N**³⁾ **BLACSP**. унц 5, 8. — можааше бо се проданно быти. — 4-я ред., нынѣшн. (Б 1) = ἠδύνατο γὰρ τοῦτο πρᾶθῆναι — ХГ унц 1-4, 6, 7, 9.

1) Въ одномъ случаѣ αὐτόν отнесено къ ἀπέκτεινεν, въ другомъ къ λαβόντες.

2) Что означаютъ первые двѣ буквы, у г. Воскресенскаго не обозначено (м. б. исправленія **N** и **M**?). Цифры — минуск. кодексы.

3) У Воскресенскаго не отмѣченъ, но читается въ изд. Синайской рук., по изданію Тишендорфа (Cod. Sup., Lipsiae 1863, pag. 27).

42) — 16. изыдоста оученика — 1-я ред., 2-я ред. = ἐξῆλθεν οἱ μαθηταί — **NBLΔ**.

43) — 22. примѣте. се ксть тѣло мок — 1-я ред. = λάβετε· τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου. — **NBLCDAP** унц 5, 6, 9.

44) — 43. пріде иуде искаріотъ-скыи — 1-я, 2-я ред. = παραγίνεται Ἰούδας ὁ Ἰσκαριώτης. — **ΔDP** унц 5, 6, 8.

45) — — кдинъ ѿ обоюнадесате — 1-я ред., 2-я ред. = εἰς τῶν δώδεκα. — **NBLCDPINA** унц 5, 7, 8.

46) — 46. възложиша роуцѣ нанъ — 1-я ред., 2-я ред. = ἐπέβαλον ἐπ' αὐτὸν τὰς χεῖρας. — (**N**)**BDL**.

47) — 47. кдинъ же ѿ стоащихъ — 1-я ред., 2-я ред. = εἰς δὲ τῶν παρεστηκότων — **NLA** унц 6.

48) — 72. глѣ. акоже рече — 1-я ред., 2-я ред. = τὸ ῥῆμα ὡς εἶπεν — **NBLΔCA**.

49) XV, 3. опъ же ичсоже не ѿвѣщаваше — 1-я ред., 2-я ред. = αὐτὸς δὲ οὐδὲν ἀπεκρίνατο — **ΔN**, унц 8.

50) — 8. акоже твораше имъ — 1-я ред. = καθὼς ἐποίει αὐτοῖς. — **NBA**.

51) — 13. възпяхоу. — 1 ред. = ἔκραξαν — **NBΔCXΓN** унц 1, 3, 4, 7, 8, 9.

52) — 18. начаша цѣловати и — 1-я ред. = ἤρξαντο ἀσπάσασθαι αὐτόν. — **ΒΔΑΧΓΠ** унц 7.

53) — 35. вижъ илю глашактъ — 1-я ред. = Ἴδὲ Ἡλίαν φωνεῖ. — **NBLΔ** унц 2, 8.

— изыдоста оучѣнка его — 4-я ред., нынѣшн. = ἐξῆλθεν οἱ μ. αὐτοῦ. — **ΛΓΠDC** унц 9.

— примѣте и гадите се ксть тѣло мок — 2-я ред. (A 9. 11. 18. 38) = λ. φάγετε· τ. ε. τ. σ. μ. — **ΧΓ**. унц 1, 2, 4, 7, 9.

— прииде иуде — 4-я ред. (A 6. 7) = παραγίνεται Ἰουδας — **NBA(?)LCXN** унц 1, 3, 4, 7, 9.

— единъ сы ѿ обоюнадесате — 4-я ред. = εἰς ὧν τ. δ. — **ΧΓ** унц 1-4, унц 6, 9.

— възложиша роуцѣ свои нанъ — 4-я ред. = ἐπέβ. ἐπ' αὐ. τ. χ. αὐτῶν — **ΧΓ** унц 1, унц 2 (?), унц 3, 4, 7, 8.

— единъ же иѣкто ѿ стоащихъ — 4-я ред., нын. (A 11 — единъ же етеръ) = εἰς δὲ τις τ. π. — **ΒΔCΓΠ** унц 1-5, 7-9. **N**.

— глѣ иже рѣ — 4-я ред. (также A 6. 7. 8. 9. 11), нынѣшн. = τὸ ῥ. δ εἶπεν. — **DXΓΠ**. **N**, унц 7.

— — — — — 4-я ред. (и A 7). — **NBACDXΓΠ** унц 7.

— акоже присно твораше имъ 2-я ред. (A 6. 7. 8. 9. 11. 15. 18. 38), 4-я ред. = κ. ἀεὶ ἐ. αὐ. — **ΑΧΓΠCDN** унц 8.

— възпиша глѣюще — 2-я ред. (A 11) 4-я ред. = ἔκραξαν λέγοντες — **ADΠ** унц 5, 6.

— начаша цѣловати и глѣюще (глѣати) — 2-я ред. (A 1. 11. 15. 23. 37) = ἡ α. αὐ. καὶ λέγειν (λέγοντες) — **NN** унц 8 (унц 6).

— се илю гласить — 4-я ред. = ἰδοῦ Ἡλίαν φωνεῖ. — **ΑΓ** унц 1, 3, 4, 6, 7, 9.

Приведенные примѣры довольно наглядно показываютъ намъ, что связь между 1-й редакціей славянскаго перевода и группой **NBLA** несомнѣнна: а) въ цѣломъ рядѣ случаевъ чтенію этой редакціи отвѣчаетъ группа **NBLA** цѣликомъ, таковы: 1, 3, 13, 14, 16—25, 29—36, 38, 41, 42, 48, 53, при чемъ только въ семи случаяхъ изъ 27 (именно: 13, 18, 21, 23, 34, 41, 53) эти чтенія группы **NBLA** раздѣляютъ отдѣльныя рукописи группы «унц.⁹»; б) въ рядѣ другихъ случаевъ чтеніе древнѣйшаго славянскаго текста находятъ себѣ оправданіе въ отдѣльныхъ спискахъ (часто въ 3-хъ, двухъ, рѣже въ одномъ) той же группы, именно въ случаяхъ: 2, 4, 6—12, 15, 26—28, 37, 39, 40, 43—47, 49—52, при чемъ здѣсь совпаденіе съ «унц.⁹» нѣсколько уже больше (17 случаевъ на 26); в) группа АХГП даетъ совпаденіе чаще, нежели «унц.⁹», изъ списковъ чаще другихъ А (16 случ. изъ 18), рѣже вся группа (5 случаевъ); г) случаевъ, гдѣ бы группа АХГП, не говоря уже объ «унц.⁹», объясняла текстъ безъ **NBLA**, т. е. въ противоположность ей, нѣтъ. Такимъ образомъ, группа «унц.⁹» изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаевъ объясняетъ только 24, а 29 случаевъ, т. е. болѣе половины, она объяснить не можетъ. Это простое соотношеніе показываетъ, что группа «унц.⁹» далеко не представляетъ такого типичнаго ряда списковъ для характеристики оригинала славянскаго перевода. Съ другой стороны, присмотрѣвшись къ чтеніямъ позднѣйшихъ редакцій славянскихъ и отношенію ихъ къ греческимъ текстамъ интересующихъ насъ группъ видимъ слѣдующее: а) группа «унц.⁹» только въ пяти случаяхъ (23, 26, 27, 39, 40) не могла дать объясненіе чтеніямъ; изъ этихъ пяти случаевъ только въ трехъ (26, 27, 39) даютъ объясненіе списки группы **NBLA**, при чемъ нигдѣ эта группа не выступаетъ цѣликомъ и безъ другихъ группъ; б) группа АХГП присутствуетъ цѣликомъ и по частямъ въ подавляющей массѣ случаевъ (47 изъ 53; изъ 47 случаевъ группа АХГП цѣликомъ въ 19 случаяхъ); в) случаевъ, гдѣ бы группа **NBLA** одна, безъ «унц.⁹» или АХГП, давала объясненіе, нѣтъ; г) наконецъ группа **NBLA** совершенно отсутствуетъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ, даже въ большинствѣ ихъ (въ 32 изъ 53) при объясненіи текста, тогда какъ можно отмѣтить случай (13), гдѣ исключительно группа «унц.⁹» могла дать объясненіе. Такимъ образомъ, даже не придавая точнаго значенія приведеннымъ цифрамъ, мы видимъ такого рода явленіе: по отношенію къ редакціямъ славянскаго текста роли разбираемыхъ группъ находятся въ отношеніи обратно-пропорціональномъ, т. е. группа **NBLA** настолько важна для древней редакціи, насколько слаба «унц.⁹», а въ позднихъ редакціяхъ группа **NBLA** настолько слаба, насколько важна «унц.⁹»; группа АХГП ближе къ ред. «унц.⁹», нежели къ **NBLA**. Отсюда понятенъ и выводъ: то отношеніе къ греческому, которое Г. А. Воскресенскій указываетъ для первоначальной редакціи, скорѣе

существуетъ для позднѣйшихъ редакцій, хотя бы для его 2-й и четвертой, нежели для первой; иначе: списки группы «унц.⁹» и близкой къ ней АХГП были положены въ основу переработки первой редакціи во вторую и последующія, а въ основѣ первой редакціи лежала какая то иная группа списковъ, можетъ быть по характеру близко подходившая къ $\mathfrak{B}\Lambda\Delta$ и частью, хотя въ меньшей мѣрѣ, нежели «унц.⁹», къ АХГП¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если представимъ себѣ ев. Марка въ соосвѣтствіи съ группой «унц.⁹», какъ это показано въ первой группѣ примѣровъ (126—133) и въ соотвѣтствіи съ тѣми параллелями, которыя мы извлекли изъ группы «варьянговъ», даже не обращая вниманія на представителей группы $\mathfrak{B}\Lambda\Delta$, идущихъ рядомъ въ первой группѣ примѣровъ съ «унц.⁹»²⁾, то получимъ странную картину состава ев. Марка (хотя бы по изслѣдован. стихамъ) въ связи съ этими группами греческихъ рукописей въ первоначальномъ переводѣ на славянскій³⁾:

- I. 2. (11). 13. 14. (15). (21). (22). 23. 24. 31. (34). (36). (40). 41. 42.
 II. 1. 2. 7. (8).
 III. 7. (11). (12). (13). 15. 29. 33.
 IV. 12. 30. 41.
 V. (3). (9). 12. 13. 14. (23). (41).
 VI. 4. 11. 16. (33). (48). 49. (52).
 VII. 5. (6). 8. 16. 29. 31. (36).
 VIII. (1). 7. 9. 13. 16. (17). (24). 36. (37).
 IX. (3). 3. 6. (7). 7⁴⁾. (8). 11. 23. 24. 29. 33. 38. (41). 49.
 X. 5. 6. 8. (12). 21. 24. (38). (43). (49).
 XI. (3). (6). 6. 8. (15). 17. (20). 26. (30).
 XII. 4. 5. (8). 22. 31. (34). (37).
 XIII. 14. 18. 27.
 XIV. 4. (5). (16). (22). 27. (43). (46). (47). 52. 70. (72).
 XV. (3). (8). (18). 28. 30. (35). 40. 42.

Такая пестрая картина, какую долженъ представлять текстъ греческаго оригинала ев. Марка, едва-ли возможна въ дѣйствительности, особенно если мы припомнимъ ту противоположность, лучше сказать, «рѣзкое различіе» между группами «унц.⁹» и $\mathfrak{B}\Lambda\Delta$, на которое указывалъ авторъ.

1) Въ разобранныхъ 53 примѣрахъ близость къ группѣ $\mathfrak{B}\Lambda\Delta$ и отношеніе къ другимъ рукописямъ выразилось въ такихъ цифрахъ: \mathfrak{N} дало объясненіе 44 случаямъ (не считая неопредѣленныхъ, гдѣ чтеніе \mathfrak{N} не отмѣчено), В—37 (3 неопр.), L—36 (4 неопр.), Δ —31 (9 неопр.), тогда какъ унц.⁹ — болѣе 9 не дало, чаще 7, 4 и даже 2; А—13, X—7; Г—8; П—10. Код. С и D дали среднее: 20 и 21.

2) См. выше (стр. 71) въ прим. примѣры соотвѣтствія съ L и Δ .

3) Взятая въ скобки цифры — стихи идущіе по $\mathfrak{B}\Lambda\Delta$.

4) Двойная цифра значить, что одна половина стиха идетъ по одной группѣ текстовъ греческихъ, другая по другой!

А между тѣмъ, слѣдуя за г. Воскресенскимъ, мы получили эту пеструю картину. Гдѣ же искать объясненія этой странности? Его надо искать въ подборѣ примѣровъ, приведенныхъ г. Воскресенскимъ для доказательства связи первоначальнаго перевода славянскаго съ группой «унц.^{9.}»: всѣ 75 случаевъ (стр. 127—133) представляютъ тѣ мѣста изъ ев. Марка, которыя, какъ въ первой редакціи, такъ и въ четвертой и въ нынѣшнемъ текстѣ читаются одинаково¹⁾, иначе: всѣ эти примѣры не характерны для первой редакціи сравнительно съ послѣдующими, а характеристика ея дана въ послѣдующемъ (стр. 141—162) именно относительно послѣдующихъ редакцій, включая сюда и нынѣшній текстъ. Поэтому, соединяя въ одно чтенія первой группы (стр. 127 и сл.) и второй (стр. 141 и сл.), мы получаемъ характеристику, сравнительно съ греческимъ, не первой редакціи, а послѣдующихъ, которыя, дѣйствительно, дадутъ аналогію къ «унц.^{9.}». Такимъ образомъ, характеристика по греческимъ оригиналамъ первой редакціи славянскаго перевода осталась у г. Воскресенскаго не выясненной; одно, что можно вывести изъ разсмотрѣнныхъ нами примѣровъ, это то, что группа «унц.^{9.}» не можетъ считаться типичной для оригинала славянскаго первоначальнаго перевода въ той степени, какъ для послѣдующихъ славянскихъ редакцій, особенно для четвертой и нынѣшней. Съ другой стороны 75 примѣровъ предпочтенія «унц.^{9.}» и АХГП въ первой редакціи, передъ NB и LD не позволяютъ предполагать группу NBLD достаточно характерной для первоначальнаго славянскаго перевода. Въ результатѣ мы необходимо приходимъ къ такому выводу: оригиналъ славянскаго перевода совмѣщалъ въ себѣ особенности и группы NBLD (или группъ NB и LD) и группы «унц.^{9.}» т. е. не былъ представителемъ ни той ни другой группы вполне; что же касается группы АХГП, то, повидимому, будучи по характеру промежуточной между NBLD и «унц.^{9.}», она и была ближе другихъ къ оригиналу славянскаго перевода; иногда къ ней присоединяются такіе же промежуточные, можетъ быть болѣе близкіе къ NBLD, нежели къ «унц.^{9.}», списки С и особенно D; въ самомъ дѣлѣ, изъ 128 примѣровъ, нами разсмотрѣнныхъ, группа АХГП [почти всегда (за исключ. 3-хъ случаевъ отсутствія и 4-хъ, гдѣ не указано) А, часто АП, еще чаще АГП и АХГП, и рѣдко X] присутствуетъ въ 90 почти случаяхъ. Такое положеніе нѣсколько выдвигаетъ впередъ эту группу, какъ центральную между двумя другими: можетъ быть, эта группа и была ядромъ; на которомъ нарастали особенности, свойственныя NBLD и CD съ одной стороны и «унц.^{9.}» съ другой, давшія окраску тѣмъ многочисленнымъ минускульнымъ кодексамъ, совпаденіе съ которыми чуть не при каждомъ примѣрѣ

1) Не забудемъ при этомъ, что въ иныхъ случаяхъ, хотя-бы тѣхъ 53, которые мы перебрали, этого нѣтъ.

указывается г. Воскресенскимъ, и которые могутъ считаться представителями той константинопольской редакціи евангельскаго текста, какой былъ употребителенъ во времена Кирилла и Меѳодія и Фотія въ византійской письменности. — Въ результатѣ мы видимъ, что, если полученные нами результаты и не могутъ быть названы строго опредѣленными и являются лишь предположеніемъ, во всякомъ случаѣ и выводы г. Воскресенскаго прочными быть признаны не могутъ и нуждаются въ измѣненіи или довольно существенныхъ исправленіяхъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе не безинтересенъ вопросъ: какъ могъ дойти до такихъ выводовъ авторъ, и чѣмъ объяснить такое несоотвѣтствіе въ двухъ частяхъ одного и того же вопроса? Повидимому, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ ошибкой метода, подобной той, какую мы отмѣтили выше въ разборѣ взгляда автора на нынѣшній текстъ евангелія: онъ, повидимому, устанавливая связь славянскаго перевода съ текстами «унц.^{9.}» черезъ разсмотрѣніе фотіевскаго текста, пользовался для сравненія съ славянскимъ не первой редакціей, а современнымъ намъ, нынѣшнимъ текстомъ, можетъ быть четвертой редакціей, весьма близкой по чтеніямъ къ нынѣшнему принятому тексту; затѣмъ имѣя уже въ выводахъ, что славянскій текстъ близокъ къ отрывкамъ Фотія, а фотіевскіе отрывки къ «унц.^{9.}», авторъ искалъ въ современномъ славянскомъ оправданія, сопоставляя чтенія «унц.^{9.}» съ славянскимъ, т. е. исходилъ изъ греческаго, къ которому подыскивалъ подходящее въ славянскомъ: отсюда то совпаденіе съ «унц.^{9.}», которое мы видимъ въ упомянутой первой группѣ примѣровъ. Затѣмъ только, надо полагать, онъ перешелъ къ древнѣйшему тексту славянскому съ цѣлю проверить, какъ выбранныя имъ изъ нынѣшняго текста мѣста, сходныя съ «унц.^{9.}», отразились въ немъ; выводъ былъ вполне естественный: такъ какъ группа «унц.^{9.}» даетъ такія показанія, какъ мы уже видѣли, для позднихъ редакцій, и въ то же время подходит къ древнѣйшей редакціи настолько, насколько NB, LD и особенно AXГП испытали на себѣ ея вліяніе²⁾, то, понятно, что эти мѣста позднихъ текстовъ славянскихъ, восходящіе какъ разъ въ этихъ мѣстахъ къ общему источнику (унц.^{9.}) съ древнѣйшей редакціей, оказались сходными съ позднѣйшими въ отношеніяхъ къ «унц.^{9.}». Иначе сказать: авторъ въ подборѣ мѣстъ первой группы исходилъ изъ позднѣйшаго, вѣроятно, нынѣшняго печатнаго текста, который и опредѣ-

1) Эту необходимость исправленія вывода чувствовалъ и самъ Г. А. Воскресенскій, развивши и измѣнивши характеристику греческаго оригинала славянскаго перевода въ своихъ выводахъ о Галичскомъ текстѣ; см. стр. 205.

2) Т. е. выдѣляется группа чтеній «унц.^{9.}», общихъ и для нея, и для остальныхъ двухъ группъ. Эта-же группа чтеній «унц.^{9.}» — въ то же время показываетъ, естественно, и ту древнюю основу, которая присутствуетъ въ спискахъ славянскихъ первой редакціи и сохранена позднѣйшими: это 75 перечисленныхъ случаевъ.

лилъ собою подборъ примѣровъ и далъ такой на первый взглядъ прочный выводъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ, онъ частный случай — соотвѣтствіе отдѣльныхъ мѣстъ древнѣйшаго перевода и нынѣшняго текста одному изъ ингредиентов греческаго оригинала славянскаго перевода — обобщилъ, сочтя его характернымъ и для всего славянскаго текста. Изъ этихъ примѣровъ мы увидимъ только часть того, что нынѣшній текстъ сохранилъ въ своихъ чтеніяхъ изъ древнѣйшаго перевода, но не болѣе...¹⁾. Дальнѣйшее объясненіе подобныхъ примѣровъ понятно: найдя такое совпаденіе выбранныхъ имъ мѣстъ съ древнѣйшимъ текстомъ и имѣя въ виду древнѣйшій текстъ, какъ первую редакцію, авторъ, естественно, предпочелъ процитировать Галичское ев. 1144 г. вмѣсто нынѣшняго текста. Начни авторъ свое сравненіе не съ нынѣшняго текста, а съ Галичскаго или другого древнѣйшаго, онъ замѣтилъ бы, что «унц.⁹» далеко не всегда и не такъ постоянно можетъ быть исходной точкой, какъ это ему показалось и настолько его поразило, что во второй группѣ примѣровъ онъ не обратилъ уже должнаго вниманія на группировку греческихъ текстовъ по отношенію къ древнѣйшему и позднѣйшимъ. Хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, «прочные» выводы автора относительно оригинала славянскаго перевода²⁾, на дѣлѣ и не могутъ быть признаны таковыми и приняты безъ существенныхъ поправокъ, всетаки ими положено начало научной классификаціи списковъ евангелія: собранные въ изобилии примѣры, параллельно съ чтеніями греческими дали автору возможность не только блестящимъ образомъ подтвердить мысль своихъ учителей, что «нѣкоторыя разности перевода произошли отъ разныхъ чтеній греческихъ»³⁾, но также установить редакціи списковъ славянскихъ, характеризовать каждую изъ нихъ по отношенію къ греческимъ текстамъ и по отношенію другъ къ другу. Этому посвящена вторая половина его труда, для этого приведена имъ хорошо уже намъ знакомая вторая группа примѣровъ («вариантъ»). Оставляя въ сторонѣ, по извѣстной уже намъ причинѣ, соотношеніе древнѣйшей редакціи къ нынѣшнему печатному тексту, рассмотримъ отношеніе первой редакціи, какъ ее опредѣляетъ авторъ, ко второй и отчасти къ четвертой. Къ группѣ «вариантовъ» первой редакціи присоединяемъ варианты второй (стр. 215—223), служащіе дополненіемъ, такъ какъ и вторая редакція характеризуется, естественно, только по сравненію съ первой. Начнемъ вмѣстѣ съ авторомъ съ отношенія первой и второй редакціи къ текстамъ греческимъ.

1) Рядъ этихъ чертъ можно-бы увеличить и еще, если принять во вниманіе тѣ случаи второй группы примѣровъ, гдѣ «унц.⁹» даетъ аналогію вмѣстѣ съ другими группами. Но это только расширило-бы наше понятіе о древнѣйшей основѣ нынѣшняго текста, насколько не подвигая насъ къ рѣшенію вопроса объ оригиналѣ древнѣйшаго перевода.

2) Ср. Христіанское Чтеніе, 1897 г., № 7, стр. 169.

3) Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синод. бібліотеки, I, введеніе, стр. IX.

Отчасти это уже было нами замѣчено выше, въ разборѣ мнѣнія автора объ оригиналѣ греческомъ и въ приведенной выше же таблицѣ примѣровъ. Посмотримъ на первый разъ группировку рукописей по дѣленію автора на двѣ редакціи. Впрочемъ, прежде считаю не лишнимъ напомнить опредѣленіе самаго термина редакція, какъ его формулируетъ авторъ и какъ онъ самъ объясняетъ его не разъ въ работѣ: это необходимо для уясненія его оцѣнки матеріала, группируемаго по опредѣленнымъ рубрикамъ. «Подъ редакціей¹⁾, говоритъ Г. А. на первой страницѣ своего труда (прим. 1), разумѣемъ не отдѣльныя чтенія, а послѣдовательное, проходящее чрезъ все евангеліе, исправленіе²⁾ или новый переводъ. Отдѣльныя же различія свойственны каждому списку, такъ что посему можно бы насчитать столько редакцій, сколько списковъ». Ниже онъ точнѣе характеризуетъ вторую редакцію: ставя во главѣ списковъ ея Мстиславова ев., онъ опредѣляетъ рукопись такъ: «она представляетъ новую редакцію (называю ее второю, въ отличіе отъ первой, древнѣйшей) евангельскаго текста, отличающуюся отъ той древней и въ греческихъ вариантахъ и въ самомъ переводѣ³⁾». Затѣмъ, сообщивъ отличія Галичскаго ев. (одного или въ согласіи съ нѣкоторыми отдѣльными списками) отъ нынѣшняго текста въ «вариантахъ» и въ «переводѣ», авторъ замѣчаетъ: «иногда въ своихъ исправленіяхъ⁴⁾ Галичское четвероевангеліе 1144 года совпадаетъ съ Мстиславовымъ и вообще со списками второй редакціи. Сюда относятся иныя греческія чтенія или варианты⁵⁾, одинаково принятыя и въ Галичскомъ спискѣ и въ спискахъ второй редакціи⁶⁾». Наконецъ, въ описаніи рукописей первой и второй редакцій (стр. 10—48), нами рассмотрѣнномъ выше, находимъ рукописи первой редакціи, которыя представляютъ, подобно Галичскому тексту (но, вѣроятно, въ болѣе степені⁷⁾) черты, свойственныя текстамъ второй редакціи, и рукописи второй редакціи, склоняющіяся иногда къ чтеніямъ первой редакціи; сюда же относится и присоединенное позднѣе извѣстное Тръновское ев. (между 1258—1277 гг.), которое, хотя и принадлежитъ ко второй редакціи, но «только въ четырехъ мѣстахъ согласуется съ Мстиславовымъ и другими списками второй редакціи» (стр. 216)⁸⁾. Изъ собранныхъ мѣстъ мы видимъ: опредѣленіе, что такое

1) Курсивъ подлинника.

2) Разрядка принадлежитъ мнѣ.

3) Стр. 33. Разрядка сдѣлана мною.

4) Разрядка моя.

5) Курсивъ въ подлинникѣ.

6) Стр. 195. Далѣе перечень — болѣе 80 случаевъ совпаденія.

7) Сужу такъ потому, что въ описаніи Галичскаго текста (стр. 10—12) совпаденія его со второй редакціей не отмѣчены: очевидно, сочтены они по количеству не характерными.

8) Вотъ списки, отмѣченные г. Воскресенскимъ, какъ не чистые представители редакціи: А 14. 19. 20. 39. 40. — Б 1. 3. 12. 51. Ихъ, какъ увидимъ, можно набрать и больше.

редакція, сдѣлано точно; противъ такого опредѣленія возражать излишне было бы, если бы мы не видѣли, какъ это опредѣленіе проводится ниже. Съ одной стороны, новая редакція возникаетъ изъ старой путемъ послѣдовательной, проходящей черезъ весь текстъ sprawy (или путемъ новаго перевода: это добавлено въ виду такъ называемой 3-ей редакціи евангелія); съ другой стороны, представитель 1-ой редакціи (Галичское ев.), а также списки этой редакціи уже носятъ въ себѣ черты, которыми характеризуются списки новой (2-ой) редакціи, а списки 2-й редакціи съ своей стороны еще имѣютъ въ себѣ черты, характерныя для первой редакціи. Изъ этого выходитъ, что или опредѣленіе «редакціи» не годно, или же группировка матеріала не вѣрна: въ основѣ ея лежатъ не достаточно характерные признаки. Старшая, первая, редакція дала существованіе младшей, возникшей потому, что произошла послѣдовательная справа — это вытекаетъ изъ словъ Воскресенскаго; это не подлежитъ сомнѣнію, особенно послѣ приведенныхъ имъ многочисленныхъ примѣровъ «вариантовъ» въ текстахъ группы А и группы Б. Но дѣло все въ томъ, что 2-я редакція есть результатъ, конечный результатъ цѣлаго ряда исправленій, которыя только въ концѣ концовъ выработали, или точнѣе, могли выработать новую редакцію, отличающуюся отъ первой послѣдовательными вариантами. Иначе сказать: возникновеніе 2-ой редакціи нельзя себѣ представлять въ видѣ одного момента, въ родѣ того, что взять былъ списокъ 1-ой редакціи, болѣе или менѣе близко подходящей къ переводу Кирилла и Меодія, взять кѣмъ-либо знающимъ греческій языкъ, рядомъ съ нимъ положенъ текстъ греческій, попавшійся случайно или умышленно выбранный, какъ принятый въ данное время, и по этому греческому тексту провѣренъ и къ этому тексту (уже иному по редакціи чтеній) подогнанъ славянскій старый переводъ; иначе: вторая редакція славянскаго текста возникла не сразу, не путемъ одной свѣрки, а постепенно, путемъ цѣлаго ряда свѣрокъ, исправлявшихъ, измѣнявшихъ старый текстъ не весь сразу, а постепенно. Такимъ образомъ переходъ отъ одной редакціи къ другой совершался постепенно. Евангельскій текстъ, по крайней мѣрѣ въ древнее время (назовемъ его хоть паннономоравско-югославянскимъ періодомъ) никогда не оставался безъ движенія: первоначальный трудъ Кирилла и Меодія, можетъ быть, еще на почвѣ паннономоравской, началъ измѣняться, почему являлись дублиеты въ переводѣ одного греческаго слова¹⁾, и, навѣр-

Обѣщанное на стр. 216 опредѣленіе отношенія Тръновскаго ев. къ спискамъ второй редакціи, находимъ на стр. 251, гдѣ указано только, «что въ Трн. Ев. 2-я ред. «не выдержана послѣдовательно», что изъ подъ наслоеній второй редакціи въ Трн. Ев. «не трудно открыть древнѣйшую юго-славянскую основу, при томъ болѣе или менѣе первоначальную» и только.

1) В. Облакъ «Нѣколко бѣлѣжки . . . », стр. 12 (отд. отт.) (Сборн. болг. мин. IX).

ное, подвергался измѣненіемъ, при самомъ переходѣ на югославянскую почву¹⁾; этотъ процессъ не прекращался и послѣ, результатомъ чего и были тѣ новыя чтенія, замѣнявшія постепенно старыя, которыя въ концѣ концовъ могутъ быть сочтены характерными для отдѣльныхъ группъ текстовъ, указывая или на время или на мѣстность той редакціонной работы, которая постепенно приспособляла старый текстъ къ новымъ или вновь возникающимъ условіямъ: это и есть жизнь, исторія евангельскаго текста. Изъ такого представленія исторіи евангельскаго текста, конечно, не вытекаетъ слѣдствіе, что редакцій въ немъ различать нельзя; но отсюда видимо иное пониманіе термина «редакція», иное его содержаніе: группы намѣчаемыя Г. А. Воскресенскимъ, могутъ оставаться, но мы не будемъ соединять съ ними представленія, какъ о чемъ либо рѣзко опредѣленномъ, рѣзко отличномъ въ одной группѣ отъ другой, и будемъ помнить, что между 1-й и 2-й редакціей есть цѣлый рядъ промежуточныхъ редакцій, или группъ. Этой стороны въ исторіи евангельскаго текста г. Воскресенскій не видѣлъ ясно, хотя и чувствовалъ ее, присоединяя особенности «2-й редакціи въ списокѣ Галичскомъ въ согласіи съ иными» и отмѣчая въ описаніи уклоненія въ спискахъ отъ принятаго имъ дѣленія. Принявши же такой ходъ въ исторіи евангельскаго текста (хоть этотъ, какъ мы увидимъ, правильный), мы поймемъ, почему списки 1-й группы даютъ иногда аналогію къ спискамъ 2-й редакціи и обратно; а присмотрѣвшись къ тому, какъ въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ группируются списки, мы, можетъ быть, будемъ въ состояніи, хотя предположительно, намѣтить хотя бы нѣкоторыя изъ тѣхъ группъ, которыя были вѣхами между конечными результатами отдѣльнаго періода въ исторіи текста, напр. между 1-й и 2-ой редакціями, т. е. намѣтимъ нѣсколько фактовъ въ исторіи текста, подвинемся къ болѣе точной характеристикѣ того «тихаго движенія, которое имѣло значеніе не маловажныхъ реформъ, хотя не отмѣчено громкими словами на страницахъ культурной исторіи славянъ»²⁾. Что именно такъ, т. е. въ видѣ постепеннаго, а не происшедшаго сразу, измѣненія текста, путемъ постепенной справы надо представлять себѣ исторію евангельскаго текста, показываетъ и исторія древнѣйшаго до насъ дошедшаго текста славянскаго перевода и тѣ данныя, которыя мы можемъ извлечь изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Воскресенскимъ, только взглянувъ на нихъ нѣсколько иначе, нежели онъ.

Я не имѣю въ виду излагать полную исторію древнѣйшаго перевода евангелія: на это въ настоящее время еще у науки нѣтъ достаточно силъ и

1) Ср. И. В. Ягичъ, Маріин. Ев., стр. 466, и особ. 474—475; ср. Срезневскаго «Древніе глаголич. пам.» (Спб. 1866), стр. 162; еще рѣшительнѣе арх. Амфилохій: «Галичское Евангеліе» III (1883), 369.

2) И. В. Ягичъ, у. с. 474.

матеріала, да къ тому же я не имѣю въ силу обстоятельствъ возможности собрать все, что создано до сихъ поръ наукой, а сверхъ того не считаю себя для рѣшенія такихъ крупныхъ вопросовъ достаточно компетентнымъ. Все-таки, я постараюсь намѣтить хотя бы немногіе факты, мнѣ доступные по трудамъ специалистовъ. Это въ интересахъ высказаннаго только что предположенія, въ интересахъ оцѣнки труда г. Воскресенскаго. Древнѣйшіе тексты, кирилловскіе и глаголическіе, четвероевангелія и апракосы, не смотря на замѣчательное сходство въ общемъ (почему они и отнесены Г. А. въ одну группу — 1-ю редакцію), не представляютъ, однако, полнаго тождества и такого разительнаго сходства въ частности: на этихъ частностяхъ, обуславливавшихся не только временемъ написанія той или другой рукописи, но и мѣстностью и условіями возникновенія списка, мы видимъ отраженіе фактовъ исторіи евангельскаго текста. Для примѣра приведу одинъ случай, оставшійся въ тѣни, хотя и обратившій на себя вниманіе г. Воскресенскаго: въ средѣ древнѣйшихъ славянскихъ текстовъ намѣчается отдѣльная группа сербскихъ рукописей, отличающихся отъ другихъ той же рецензіи по письму¹⁾ и отчасти по языку: это — такъ называемые боснійскіе тексты, которые, помимо отличій въ графикѣ и ряда формъ, рѣже встрѣчающихся въ текстахъ иного происхожденія, отличаются необычнымъ архаизмомъ въ чтеніяхъ, а иногда и въ формахъ, уживающихся рядомъ съ новыми, возникшими подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ (напр. формы съ *а* вм. древняго *ъ* и рядомъ с-аористы); таковы: знаменитое Никольское евангеліе (изд. Ю. Даничичемъ, 1864), Бѣлградское 2-е (варьянты у Ю. Даничича; у Воскр. А. 10, 11), Гильфердингово № 6 (Воскр. 30), Хвалово-болонское (1404 г. — Воскр. А. 38), ев. П. С. Сречковича (XIV—XV в.)²⁾. — Всѣ эти евангелія — четвероевангелія, всѣ они по изслѣдованіямъ (Даничича, Ягича) восходятъ къ глаголическимъ оригиналамъ, почему, вѣроятно, и въ графикѣ и даже въ форматѣ, даютъ такую аналогію къ нимъ; писаны эти тексты, какъ можно относительно всѣхъ ихъ полагать, а относительно Хвалова утверждать, сербско-боснійскими бого-

1) Къ числу характерныхъ чертъ этого рода рукописей я отнесъ-бы: а) всѣ онѣ писаны въ небольшой листъ (подобно глаголическимъ) и всегда въ одинъ столбецъ; б) начертанія *ѣ* и *оу* (иногда слитно) употребляютъ обратно обычному, т. е. первое исключительно въ началѣ слова, второе въ срединѣ; *ѣ* въ срединѣ слова крайне рѣдко; в) не знаютъ (подобно глаголическимъ) *ю*, употребляя почти исключительно *е*; г) предпочитаютъ, даже иногда исключительно употребляютъ *ъ* вм. *ы* (опять подобно глаголическому), напр. *ъко*, *ълесниче*, *окаъни*; д) самое письмо очень узкое, убогое, тонкое часто, въ сокращеніяхъ есть свои особенности, рѣдко встрѣчаемыя въ другихъ кирилловскихъ рукописяхъ. Нѣсколько подробнѣе см. въ моей статьѣ «Замѣтки о рукописяхъ . . .», стр. 36—40. (Изв. И.-Ф. Инст. кн. Безбородка, т. XVI (1898)).

2) Изслѣдовано мною въ бытность въ Бѣлградѣ; нѣсколько листовъ этого евангелія теперь въ Тверскомъ музеѣ.

милами, этими «старовѣрами» югославянства, въ XIV—XV в. сохранявшими традиціи текстовъ X—XI в.. Къ такимъ же богомильскимъ съ нѣкоторой вѣроятностью надо отнести и Карпинское ев. (Хлудова № 28; Воскр. А. 9); оно также архаично, также идетъ отъ глаголич. оригинала, но было писано болгаринномъ (т. е. болгарскимъ богомиломъ)¹⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою группу юго-западныхъ текстовъ, продолжающихъ традицію древнѣйшихъ тогда, когда у православныхъ славянъ, какъ сербскихъ, такъ и болгарскихъ съ русскими, давно уже выработались другія позднія версіи. Эта особенность «богомильскихъ» текстовъ должна быть поставлена въ связь съ исторіей богомильства, его литературой, а также въ связь съ жизнью западной окраины сербскаго племени, гдѣ вліяніе Византіи и Болгаріи чувствовалось слабѣе, почему и тѣ реформы, которыя преобразовывали евангельскій текстъ въ Болгаріи, въ Россіи и восточной Сербіи, не коснулись Босніи, у Адриатичаго побережья съ его богомилами²⁾. А такого же характера и въ той же мѣстности возникло и глаголическое Маринское евангеліе (А 6), являющееся, если не прямо старшимъ богомильскимъ текстомъ, то старшимъ представителемъ тѣхъ текстовъ, отъ которыхъ пошли богомильскіе, и въ то же время старымъ представителемъ первоначальнаго славянскаго перевода, представляемаго Зографскимъ, Ассемановымъ, Остромировымъ и др. Съ другой стороны хорватско-глаголическіе (католическіе) тексты даютъ рядъ совпаденій именно съ этими западными балканскими текстами, какъ мы то видѣли выше, а не съ восточными, въ родѣ Остромирова. Такимъ образомъ при помощи боснійско-богомильскихъ текстовъ устанавливается связь между древнѣйшими текстами православнаго, восточнаго вообще христіанства славянскаго и западнаго³⁾. Съ помощію боснійскихъ текстовъ мы можемъ набросать картину жизни евангельскаго текста отъ глаголическихъ памятниковъ X—XI в. до его перехода въ католическіе миссалы XIV—XV в. Съ другой стороны, приведенный примѣръ даетъ намъ ключъ къ пониманію, а стало быть и къ оцѣнкѣ, въ исторіи евангельскаго текста текстовъ сербско-боснійскихъ и вообще богомильскихъ. Этой оцѣнки напрасно мы будемъ искать у г. Воскресенскаго: просмотрѣвши хорватскіе тексты, просмотрѣлъ онъ и босанскіе, замѣтивъ, но не объяснивъ ихъ архаичность.

Но не только такой фактъ намѣчаетъ изслѣдованіе частныхъ древнѣйшихъ текстовъ. Самый крупный фактъ, который установило изслѣдо-

1) И. В. Ягичъ. Мар. Ев., стр. 476. Ср. В. Облакъ, Бѣлѣжки... (Сборн. болг. мин. IX), 15. Имъ-же отмѣченъ богомильско-боснійскимъ и еще одинъ текстъ — «Мостарскій», (стр. 14).

2) И. В. Ягичъ, у. с. 476.

3) Ср. Облакъ, «Бѣлѣжки . . . », стр. 14—15.

ваніе текстовъ съ этой стороны, фактъ общеизвѣстный давно и отмѣченный въ общихъ чертахъ уже и Воскресенскимъ¹⁾, это то, что «ни одинъ изъ древнихъ списковъ евангелія не заключаетъ въ себѣ первоначальный славянскій переводъ во всей чистотѣ», т. е. всѣ тексты евангелія, даже древнѣйшіе XI в. уже прошли черезъ руки редакторовъ, сознательно и безсознательно правившихъ текстъ²⁾. Такимъ образомъ, славянскій текстъ прожилъ уже чуть не 2 столѣтія, пока дошелъ до того состоянія, въ которомъ мы впервые можемъ непосредственно съ нимъ ознакомиться; за это время происходили въ немъ измѣненія; и только критика упомянутыхъ выше частей можетъ заставить эти сравнительно поздніе тексты, хотя немногое, рассказать изъ своей жизни за періодъ отъ IX вѣка до XI³⁾. И дѣйствительно, теперь эти тексты уже кое-что намъ рассказали, именно, разъяснили отчасти ту постепенную справу, которую они испытали. Такимъ образомъ, первая редакція, устанавливаемая Г. А. Воскресенскимъ, можетъ быть, окажется не первой, а, можетъ быть, завершеніемъ цѣлаго ряда другихъ справъ. Вотъ въ немногихъ словахъ то, что теперь намѣчается, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, въ исторіи евангельскаго текста до того времени, когда мы получаемъ въ руки древнѣйшую рукопись. Присматриваясь къ древнѣйшимъ текстамъ евангелія (Мар., Зогра., Остр., Сав., Ассем., отчасти Ник.), можно, при всемъ ихъ сходствѣ въ общемъ, отмѣтить совпаденіе въ частностяхъ по группамъ: Мар. и Зогра. составляютъ по чтеніямъ одну группу, Остр., Ассем., иногда Ник. — другую, Сав. же стоитъ пока одиноко, представляетъ иногда какъ бы переходную ступень между обѣими группами⁴⁾. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

1) Мѡ. VI, 12, и отпоусти... отпоущаемъ (Мар. Зогра.)	остави.... оставимъ (Остр. Асс.)
2) Мѡ. VII, 29, бѣ бо оуча ѣко	оуча ѣа (διδάσκων αὐτοῦς)
3) » XIX, 4, 8, искони	испрѣва
4) » XXVI, 62, ничьсоже ли не отъвѣщаваеши	ничьсоже ли отъвѣщаваши
5) Мѡ. XXVI, 73, по мноугоу (также Остр.)	по мноозѣ (Асс. Сав.)
6) Мѡ. XXVII, 5, възвѣсиса (также Ник.)	оудависа

1) Стр. 4.

2) Ср. Ягичъ, Мар. Ев., 474. Ср. Assemanov Evangelistar (1865), стр. LXXXVIII.

3) Ягичъ, у. с. 475.

4) V. Vondrák, Altaloven. Studien. (Ueber das gegenseitige Verhältniss der ältesten Evangelientexte), S. 53 fg. Отсюда заимствую и примѣры.

7) Мр. VI, 25, да даси ми отъ него на блюдѣ главѣ (Мар.) = да ми даси оустѣченѣжж на блюдѣ главѣ (Зогр.) = <i>ἵνα μοι δῶς ἐξαυτῆς ἐπὶ πίνακι τὴν κεφαλὴν.</i>	да ми даси сицеи (Ник. сицѣ) на блюдѣ главѣ (въ Сав. этого мѣста нѣтъ)
8) Io. XIX, 12, от того	оттоли (Сав. отъ толѣ)
9) Мѳ. XVII, 5, еще же емоу глаголѣщюу (<i>ἐτι αὐτοῦ λαλοῦντος</i>)	единаче же е. гл.
10) Мѳ. VII, 14, въ животъ	жизнь.
11) » VI, 11, хлѣбъ нашъ наставляшааго (настоѣщааго — въ Зогр.) дъне	хлѣбъ нашъ насѣщный ¹⁾
12) Мѳ. X, 30, вамъ же и власи (<i>ὑμῶν δὲ καὶ οἱ τρίχες</i>)	ваши ше и власи.
13) Мѳ. XI, 4, — опущено	еже слышите и видите ²⁾ = <i>ἀκούετε καὶ βλέπετε.</i>
14) » XIII, 41, отъ цѣсарствиѣ	отъ конецъ земла.
15) » XVI, 13, кого глѣжтъ ма сѣща (<i>τίνα μὲ λέγουσιν εἶναι;</i>)	кого глѣжтъ ма быти (также и Ник.)
16) Мр. II, 12, ѣко дивлѣбахѣса вси	ѣко дивитиса всѣмъ
17) » III, 5, рѣка его цѣла	рѣка его съдрава
18) » VIII, 31, и трети день	по трехъ дънехъ
19) Лук. X, 39, именемъ (<i>καλοῦμένην</i>)	нарицаемаа
20) Io. XIX, 9, отъвѣта не створи (<i>ἔδωκεν</i>)	отъвѣта не дастъ

Приведенные примѣры³⁾ показываютъ, что уже въ древнѣйшихъ текстахъ, обнимаемыхъ 1-й ред. проф. Воскресенскаго, мы можемъ различать, по крайней мѣрѣ, двѣ группы. Гадательно можемъ мы и нѣсколько дополнить ихъ характеристику, именно: не имѣя данныхъ для опредѣленія ихъ хронологическихъ отношеній, т. е. указаній, которая изъ намѣчающихся группъ старше, или же, можно ли считать ихъ современными, мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью указать на мѣстность, гдѣ та и другая группа, если не возникли, то, по крайней мѣрѣ, могли пользоваться распространениемъ: Зографское евангеліе и особенно Маріинское ука-

1) Въ Галицкомъ совершенно особое чтеніе: достоинъ иєгъствоу (Амфилохій, Гал. Ев., I, 54. — *τὸν ἐπιούσιον*).

2) По Ассем. Ев., изд. Црнчича, стр. 160.

3) Еще нѣсколько примѣровъ см. у В. Облака, «Бѣлѣжки...», стр. 19.

зываютъ на западную часть Балканскаго полуострова (Македонію, Сербію), Остромирово же ев. и, можетъ быть, оригиналъ Ассеманова — на восточную Болгарію. Подтверженіемъ этого предположенія можетъ служить Супрасльская рукопись, которая отражаетъ въ своихъ цитатахъ чаще текстъ Остром. ев., частью Саввина (также, можетъ быть, восточно-болгарскаго) и Ассем., нежели Зогр. и Марьинскаго¹⁾: а Супрасльская рук., какъ по составу, такъ по происхожденію, съ большой вѣроятностью, можетъ быть отнесена къ восточной половинѣ юго-славянскои письменности, къ дѣятельности той школы, традиціи которой были въ ходу на сѣверъ отъ Дуная, ближе къ Россіи (юго-западной), т. е. скорѣе къ восточно-болгарской письменности, нежели западной²⁾.

На основаніи лексикографіи, далеко, впрочемъ, не твердо установившейся для старославянскихъ памятниковъ, можно, пожалуй, сдѣлать предположеніе и относительно старшинства группы представляемой Мар. и Зогр. еванг. передъ Остром. и Ассеман.: эти послѣдніе тексты въ подборѣ словъ, повидимому, представляютъ уже рядъ подновленій, напр. врачъ — вм. бални, оставить — отпоустити, врьтоградъ (Остр.) — врьтъ, испръва — искони, братъ — братръ, небесьнъ — небесьскъ, часть — година, люгѣ (Остр.) — горе, заключити — закленити, блюдо — миса, власфини — хоула и т. д.³⁾. Остромирово, кромѣ того, утратило цѣлыя категоріи грамматич. формъ, бывшихъ въ его оригиналѣ, каковы простые и сигмат. аористы; это, впрочемъ, можетъ быть новымъ подтвержденіемъ происхожденія его оригинала изъ мѣстности, гдѣ эти формы были уже лишними.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что полнаго единства въ древнихъ текстахъ мы уже не застаемъ: тексты уже разбиваются на группы по чтеніямъ, хотя и сохраняютъ общность въ основѣ (оно иначе и быть не могло); между отдѣльными группами, хотя бы тѣми двумя, которыя мы можемъ теперь намѣчать, конечно, могли быть и промежуточныя (на это намекаетъ Сав. ев., частью Никольское), что и понятно, если мы припомнимъ, что видоизмѣненія происходили не сразу, а постепенно. Тѣмъ не менѣе существованіе отдѣльныхъ группъ уже въ древнѣйшее время теперь не подлежитъ сомнѣнію; мы знаемъ по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ. Въ виду этого не безынтересно опредѣлить, въ какомъ отношеніи къ этимъ группамъ стоитъ тотъ текстъ, который сочтенъ проф. Воскресенскимъ типичнымъ для 1-й его редакціи? Это отношеніе знать не излишне: этимъ опредѣлится мѣстность откуда пришелъ Галичскій текстъ въ Россію, а можетъ быть и опредѣлится его хронологическое отношеніе къ намѣченнымъ группамъ.

1) V. Vondrák, о. с., р. 35.

2) V. Oblak. Archiv f. slav. Phil. XIII, 246; ср. его же, «Бѣлѣжки...», стр. 17.

3) Ср. выше списокъ словъ (стр. 42—48).

Конечно, пока, какъ мѣстность, такъ и хронологія группъ не установлена, выводъ полученный изъ сравненія Галичскаго ев. съ намѣченными группами будетъ предположеніемъ. Но много ли мы можемъ указать фактовъ въ древнѣйшей исторіи Св. Писанія въ славянскомъ переводѣ? Попробуемъ уяснить это отношеніе: оно до извѣстной степени подтверждаетъ и предположеніе о дѣленіи на группы древнѣйшихъ текстовъ. Въ этомъ случаѣ мы прежде всего должны отмѣтить, что Галичское ев. значительно должно сократить число случаевъ, характерныхъ для группировки древнихъ текстовъ, приведенныхъ выше, по указ. В. Вондрака, но за то оно выдвигаетъ новые случаи (и ихъ масса) для этой характеристики: изъ 20-ти указанныхъ случаевъ Галичское ев. идетъ съ группой Ассем.-Остр. только въ 4-хъ случаяхъ¹⁾; но это не можетъ служить поводомъ отнести Гал. ев. къ группѣ Мар.-Зогр.: оно въ массѣ, подавляющей массѣ случаевъ совпадаетъ съ Остром. ев. и притомъ тамъ, гдѣ это послѣднее отступаетъ отъ Мар.-Зогр. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ²⁾:

Зогр.ф. Маринское (и рядъ другихъ) ³⁾	Остром. Галичское (и рядъ другихъ)
1) I, 27, ꙗко (Зогр.) ꙗсѣазахажа (ὡστε συνζητεῖν)	ꙗко съвъпрашахоуса
2) — покажи са архiereови	покажи са ꙗереови (σεαυτὸν δεῖξον τῷ ἱερεῖ)
3) — 45, пропосити слово	прославляти слово (διαφημίζειν τὸν λόγον)
4) II, 7, что съ тако глаголетъ власѣимнѣа (λαλεῖ βλασφημίας)	что съ безаконнѣ разоумѣвактъ о бжскыхъ (что съ тако глаголетъ хоулж — Остр.) ⁴⁾
5) — 21, възьметъ конецъ отъ неѣа новое (αἴρει τὸ πλήρωμα αὐτοῦ τὸ καινὸν τοῦ παλαιοῦ), Зогр. доб. отъ ветъхаего.	възметъ послѣдкъ ꙗего новон ветъхаго.
6) III, 25, не можетъ стати домотъ (Зогр. домотъ ть — οὐ δύναται σταθῆ- ναι ἡ οἰκία ἐκεῖνη)	не можетъ стати домотъ.

1) Именно у насъ: 2, 6, 13 и 16.

2) Беру всё изъ еванг. Марка, руководясь вариантами въ изд. Воскресенскаго. Текстъ группы Мар.-Зогр. привожу по Маринскому ев. Ограничиваюсь только первыми 7-ю главами.

3) См. у Воскресенскаго въ вариантахъ.

4) Галичское чтеніе — иписиш, Остромировское — обычное. См. изданіе стр. 116; изслѣдованіе, стр. 182.

- 7) — 28—29, власфиминѣ. елико
еще власфимисажтъ. а иже власфи-
мисаетъ на стѣи дхѣ.
- 8) IV, 12, отъпустатъ са имъ
грѣси (ἀφεθῆ αὐτοῖς τὰ ἀμαρτήματα)
- 9) — 21, подѣ спждомѣ положенъ
бждетъ (ὑπὸ τὸ μῶδιον τεθῆ)
- 10) — 37, вълны же вълывахжсж
въ ладнж (— εἰς τὸ πλοῖον)
- 11) V, 3, жилиште имѣаше (τὴν
κατοίκησιν εἶχεν)
- 12) — 15, видѣша бѣсьновавъ-
шаагоса (θεωροῦσι τὸν δαιμονιζόμενον)
- 13) — 34, дъшти вѣра твоѣ сѣс
та. (Θύγατερ, ἡ πίστις σου σέσωκέ σε)
- 14) — 38, і приде въ домѣ (καὶ
ἔρχεται εἰς τὸν οἶκον)
- 15) VI, 3, не съ ли естѣ тектонъ
снѣ мариннѣ (οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τέχ-
των, ὁ υἱὸς Μαρίας;)
- 16) — 4, тѣкъмо въ своемъ отъ-
чествни (εἰ μὴ ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ)
- 17) — 6, обѣхождаше градъца
оуча (περιῆγε τὰς κῶμας κύκλω διδά-
σκων)
- 18) — 34, мии емоу бѣша (ἔσ-
πλαγχνίσθη ἐπ' αὐτοῖς)
- 19) — 43, възаса оукроухъ дѣва
на десате (ἦραν κλασμάτων δώδεκα)
- 20) — 44, ѣдъшихъ же бѣ хлѣ-
бы (ἦσαν οἱ φαγόντες τοὺς ἄρτους)
- 21) — 45, самъ отъпуститъ
(αὐτὸς ἀπολύσει)
- 22) — 49, непъшеваша при-
зракъ быти (ἔδοξαν φάντασμα εἶναι)
- безаконнѣ разоумѣ. кдѣко аще
безаконнѣ разоумѣють, а иже бе-
законнѣ разоумѣтъ о бжскыхъ въ
стѣи дхѣ¹⁾
- оставатъса имъ грѣси²⁾
- да подѣ сподѣмъ бывають.
- вълны же вълывахоуса въ корабль.
- обитѣль имаше.
- видѣша бѣсоющагоса.
- дързай дъщи. вѣра твоѣ сѣс та
(также и Ассем.)
- и придоша въ домѣ.
- не съ ли ксть древодѣлиннѣ снѣ
мариннѣ.
- нѣ въ своимъ очѣси.
- обѣхожаше всѣи окръсть оуча.
- мѣсрдова о нихъ.
- възаша избѣгитъкъ оукроухъ два
надесате³⁾.
- бѣша же ѣдъшен.
- Ѱпуститъ.
- миѣша бестѣлесныи призоръ
быти.

1) См. выше примѣчаніе 3, стр. 90.

2) Ср. выше группу примѣровъ: № 1.

3) Мстиславово ев. (2-я ред.) согласно съ *Мар. Зоур.* Въ изслѣдованіи Г. А. Воскресенскаго это разночтеніе не отмѣчено.

23) — 51, ουχ ασααχ жса (ἐξε-
πλήσσοντο)	чюжахоуса.
24) — 54, нѣтъ (нѣтъ и въ греч.)	моужі мѣста того
25) — 55, прѣтѣша въсж стра-
нж (περιέδραμον ἔλην τήν χώραν)	обидоша всю страну
26) — 56, съпасени бываахж
(ἐσώζοντο)	спѣсахоуса.
27) VII, 4, и отъ коупла аште не
пожжлѣжтъ са не ѣдагъ (καὶ ἀπὸ
ἀγορᾶς, εἰ μὴ βαπτίσωνται, οὐκ
ἐσθίουσι)	нѣтъ ¹⁾ .
28) — 6, лицемѣри. ѣко же естъ
псно (τῶν ὑποκριτῶν, ὡς γέγραπται)	лицедѣи. гл҃га.
29) — 10, чѣти (τίμα)	чѣсти.
30) — 22, лжкавѣство. лѣсть
стоудодѣаніе. око лжкавѣно. власфи-
миѣ. грѣдыни. безоумѣ (πονηρία,
δόλος, ἀσέλγεια, ὀφθαλμὸς πονηρός,
βλασφημία, ὑπερηφανία, ἀφροσύνη.)	око лоукаво. лѣсть. стоудодѣ-
нык. безаконніи разоумі о бѣжскыхъ.
прѣзоръ безоумык.

Приведенные примѣры²⁾ доказываютъ, кажется, довольно наглядно (особенно изъ VI гл.), куда надо относить Галичское ев., Остромирово и имѣ подобныя тексты: къ группѣ восточныхъ текстовъ, что и вполне понятно, если принять во вниманіе простое соображеніе, что Россія стояла по географическому положенію ближе къ восточной Болгаріи, нежели къ западной и западу Балканскаго полуострова. Но въ то-же время сравненіе Остр. ев. съ Галичскимъ показываетъ, что Остр. ев. не можетъ быть сочтено полнымъ выразителемъ этой восточной редакціи — группы евангелій; нѣкоторыя чтенія Галицкаго ев. показываютъ, что Остр. ев. уже кое-что утратило изъ первоначальныхъ чтеній, сохранныхъ группою Зогр.-Мар. съ одной стороны и Галичскимъ текстомъ съ другой. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Галичское, Зогр. Мар.

- а) I, 35, иде въ поусто мѣсто
б) — 38, пойдѣмъ въ блѣжнѣгѣ

Остромирово.

- изиде гѣсъ въ поусто мѣсто³⁾
идѣмъ въ б. градъы и вси

вси и градъы.

1) Г. А. Воскресенскій цитируетъ (изслѣд., стр. 170) еванг. Зограф., гдѣ (изд. Ягича, стр. 58) стоятъ ошибкой: κλῆβλι.

2) Аналогичные случаи см. также: VIII, 12, 22, 24; IX, 3, 14, 16 и т. д.

3) Это мѣсто отличается въ Остр. отъ прочихъ, какъ въ *апракосъ* (тоже и въ другихъ *апракосахъ*), гдѣ этимъ мѣстомъ начинается чтеніе въ суб. 2-ую поста; почему въ началѣ находимъ обычное: Въ врѣма оно.

в) — 39, на сънмищѣхъ	на съборищѣхъ
г) — 44, ꙗже повелѣ мози	ꙗкоже повелѣ мои си
д) II, 1, вѣниде пакы въ капер- наоумъ по днѣхъ.	вѣниде же (?) въ каперѣнаоумъ.
е) — 3, ослабленъ (паралитикѣн)	ослабленъ жилами
ж) — 4, не могуще пристоупити	не могуще прити
з) — 12, ꙗко дивитиса всѣмъ. и славѣлаху ба.	ꙗко дивитиса всѣмъ и славити ба.
и) III, 1, въ снмище	въ съборище
и) — 2, въ сѣботоу	въ сѣботы ¹⁾

Такимъ образомъ текстъ въ этихъ мѣстахъ, а затѣмъ и всю рукопись, мы должны по состоянію текста считать моложе по редакціи группы Зогр.-Мар. и также Гал., насколько этотъ послѣдній совпадаетъ съ группой Мар.-Зогр. Конечно, и Гал. текстъ не вездѣ можетъ считаться представителемъ болѣе древняго вида группы Остр.-Ассем.: въ иныхъ мѣстахъ, подобно Остр., онъ даетъ измѣненія, не оправдываемыя ни гр. Зогр.-Мар., ни Остр., который совпадаетъ съ группой Зогр.-Мар. Это мы видимъ, напр., въ такихъ случаяхъ:

Мар. Зогр. Остр.	Галицкое.
I, 5, крышаахъса.... отъ него	хрыщахоуса.... оу ѿ него
VI, 11, ни послушають васъ	и не послушають словесъ вашихъ
— — отъраднѣк бѣдетъ	нераднѣе боудеть.
— 14, иоанъ кръстан	иоанъ хртль.
— 25, абие съ гыштаниемъ (εὐθὺς μετὰ σπουδῆς)	съ гыщанькмъ.
— 26, прискръбень бысть	прискръбньнъ бивъ.
VIII, 35, ꙗже бо аште хощеть	иже бо хощеть.
IX, 19, ω роде невѣрънь	ω роде невѣрънь и развращенъ.
— 29, тко молитвоуѣ.	нъ молитвою.
X, 42, оустоуають ими (κατακυ- ριεύουσιν αὐτῶν)	совладоуть ими

Въ частности то-же положеніе обнаруживаетъ Галицкое ев. сравнительно съ Остром. и Мар.-Зогр. по отношенію къ группамъ случаевъ, коими характеризуются тексты по сохранности первоначальнаго текста, — въ отношеніи къ грецизмамъ и старымъ словамъ, замѣнявшимся при дальнѣйшемъ развитіи текста. Для этой характеристики воспользуемся списками

2) У Воскресенскаго въ изслѣдованіи (стр. 166) ошибочно указано, что Остр. совпадаетъ здѣсь со всѣми; ср. въ изданіи ев. Марка, стр. 130 (разночтенія 1-й ред.).

этихъ словъ въ разбираемомъ же изслѣдованіи¹⁾, дополнивъ ихъ изъ другихъ изслѣдованій по этому вопросу²⁾. Часть подобныхъ случаевъ уже приведена нами выше (стр. 42, 44), часть же найдемъ въ примѣрахъ только что приведенныхъ (стр. 91—93). Въ слѣдующихъ ниже примѣрахъ кстати приведемъ и чтенія Тръновскаго евангелія: оно, какъ увидимъ, даетъ весьма важныя указанія для исторіи евангелійскаго текста, тѣмъ болѣе, что проф. Воскресенскій, познакомившійся съ нимъ уже во время изслѣдованія, не оцѣнилъ его по достоинству³⁾. Начнемъ съ грецизмовъ:

- 1) ἀκρίδες въ Зогр. Мар. Остр. акриды—въ Гал. Трън. проугы (I, 6)
- 2) ἀλάβαστρον въ З. М. О. алавастръ—въ Г. Т. стькланію (XIV, 8)⁴⁾
- 3) ἀρώματα въ З. М. О. ароматы—въ Г. благовонна масть, Трън. вона⁵⁾ (XVI, 1)
- 4) ἀρχιερεὺς — архиереи З. М. Остр. — архирей Г. — жрецъ Трън. (VIII, 31)⁶⁾
- 5) ἀρχισυναγωγός — архисунагогъ З. М. — архисюнагогъ Г. — старшина съньмищюу (V, 22)⁷⁾
- 6) ἀφεδρών — афедронъ З. М. — проходъ Г. Трън. (VII, 19)
- 6) βλασφημία — власфимия З. М. — хоула О. — беззаконно разуумѣниѣ о бжѣскихъ Г. — вредно слово Тр.⁸⁾ (VII, 22)
- 7) γαζοφυλάκιον — газофилакнъ З. М. Г. — кровище имѣни Тр. (XII, 41)⁹⁾
- 8) γναφεὺς — гнафеи З. М. О. — бѣлиникъ Гал. Трън. (IX, 3)
- 9) γέεννα — г(ѣ)еона З. М. О. Г. — иззеро огненно Трън. (IX, 43, 45)¹⁰⁾
- 10) Δεκάπολις — декаполи З. М. Г. — Трънов. также грецизмъ (V, 20)
- 11) ἔλαιον — елен З. М. О. — масть Г. — масло дрѣвѣнок Трън. (VI, 13)¹¹⁾
- 12) ἱερεὺς — иереи З. М. О. Г. — жрецъ Трън. (II, 26)¹²⁾
- 13) δηνάριον — динарь З. М. О. Г. — серебряникъ Трън. (Луки VII, 41)

1) Стр. 179 и 182.

2) Именно: изслѣдованіями М. Валявца о Тръновскомъ ев. (Stagine, XX, XXI), В. Облака о трудѣ Валявца (Archiv für sl. Phil. XIII, (1890), 241—248), В. И. Ягича въ изданіи Маринскаго ев. (463—474 стр.), арх. Амфилохія (Галичск. ев.).

3) Ср. стр. 216, 251.

4) Но ниже въ томъ-же стихѣ Гал. — алавастръ.

5) Лк. XXIII, 56 — грецизмъ.

6) То же и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ I, 44, гдѣ Гал. дастъ-имѣемъ, а Трън. грецизмъ.

7) Но V, 38 — грецизмъ въ Трън.

8) См. выше, стр. 42; подробнѣе — въ изслѣд. Г. А. Воскресенскаго, стр. 182.

9) Рядомъ (Лк. XXI, 1; Иоан. VIII, 20) въ Трън. остался грецизмъ.

10) Другіе переводы Трън. см. у Валявца, стр. 38 (отд. от.).

11) Трън. въ другихъ мѣстахъ (Мк. XXV, 8, 4, 8) оставило грецизмъ.

12) Но Лк. XVII, 14 — въ Трън. архиерешъ.

- 14) ἐγκαινία — енкѣниѣ З. М. — сщенига О. обновленига Г. — поновленига Трън. (Іо. X, 22)
- 15) ἐφημερία — ефимерига З. М. О. — чрѣда Трън. Гал. (Луки I, 6)
- 16) οἰκόνομος — икономъ З. М. — приставникъ Г.¹⁾ — строитель (дому) Трън.²⁾ (Луки XVI, 1)
- 17) κάμηλος — вельбждъ З. М. Г. Трън. (X, 25; но въ Лук. XVIII, 25 — Трън. камелю, какъ въ Никольск. ев.)
- 18) καταπέτασμα — катапетазма З. М. О. — опона Г. Трън. (XV, 38)³⁾
- 19) κεντούριων — кентурионъ З. М. Г. — сътъникъ О. Трън. (XV, 45) сотникъ З. М. Г. Трън. (XV, 39)
- 20) κρανίου τόπος — краниево мѣсто З. М. О. Трън. Г. (XV, 22); но въ Мѣ. XXVII, 33. — главное въ Трън.
- 21) κρίνη — кринъ М. Г. — цвѣтъ сельныйи З. — цвѣтъць Трън. (Лук. XII, 27)
- 22) λεπτά — лепта З. М. — мѣдници Г. Трън. (XII, 42)⁴⁾
- 23) μύρον — муро З. М. О. — хризма Г. — масть (благовоньяна) Трън. (Луки XXIII, 56; Іо. XII, 5; Луки VII, 37); вона (Іо. XI, 2)⁵⁾
- 24) ὀλοκαύτωμα — олокавтоматъ З. М. — трѣбы Гал. — жеженныхъ жрътвъ (XII, 33) Трън.
- 25) παρασκευή — параскевѣ(ѣ)ни З. М. — паткъ Г. Трън. (XV, 42)⁶⁾
- 26) πῆρα — пирѣ М.⁷⁾ З. О. — мѣха Г. Трън. (VI, 8)⁸⁾
- 27) παρόψις — паропсѣда М. З. О. — блюдо Г. Трън. (Мѣ. XXIII, 25, 26)
- 28) πραιτώριον — прѣторъ М. З. О. — соудище Г. — сждильница Трън. (XV, 16); но Іо. XVIII, 28, 33; XIX, 9 — преторъ и въ Трън., и въ Галичск., и въ Остр.
- 29) ῥάββι — равъви М. З. Г. Трън. (IX, 5); но въ Мѣ. XXIII, 7, 8, гдѣ Гал. оставило грецизмъ, Трън. имѣеть: оучитель, въ Остр. — грецизмъ.
- 30) σίκερα — сикера М. О. — творена кваса З. — олоу (?) Г. — всѣкого кваса Трън. (Лук. I, 15)

1) Но XVI, 8 — осталось: иконома.

2) Но въ XII, 42 — приставникъ.

3) Но въ Лк. XXIII, 45 — остался грецизмъ въ Трън., какъ и въ Галичскомъ; но въ Мѣ. XXVII, 51 — понавица.

4) Но Лук. XXI, 2, въ Г. и Трън. остался грецизмъ; Остр. то же.

5) Галичское во всѣхъ мѣстахъ имѣеть хризма. Но тамъ, гдѣ Трън. имѣеть грецизмъ (Мѣ. XXVI, 7, 9, 12), вездѣ масть въ Галичскомъ.

6) То же Мѣ. XXVII, 62; но тамъ, гдѣ Трън. сохранило грецизмъ (Лк. XXIII, 54; Іоан. XIX, 14, 31, 42), тамъ и Гал. сохранило также параскев'гин. То же и въ Остр.

7) Но Лк. X, 4 — врѣтища; Трън. и Гал. сохранили грецизмъ; Зогр. = Мар.

8) Но Лк. IX, 8 — въ Гал. грецизмъ, въ Трън. переводъ. Лук. XXII, 35 — оба еванг. сохранили грецизмъ.

- 31) *σκάνδαλον* — скандалъ М. З. — съблазнъ Г. Трън. (Мө. XVIII, 7)
 32) *σκηνή* — скиния М. — кровъ З. — сѣнь Г. — кжца Трън. (IX, 5)¹⁾
 33) *σπεῖρα* — спира М. З. О. — множество народа Г. — народъ Трън. (XV, 16); Ио. XVIII, 3, 12 въ Г. остался грецизмъ, но Мө. XXVII, 27, гдѣ Трън. сохранило грецизмъ, Гал. читаетъ согл. съ Мр. XV, 16.
 34) *σταδῖον* — стадионъ М. З. О. Г. — пѣприщъ. Трън. (Ио. VI, 19; XI, 18)²⁾
 35) *συκάμινος* — сукамина М. З. О. Г. — агодичина Трън. (Лук. XVII, 6)
 36) *τέκτων* — тектонъ М. З. — дрѣводѣльнъ Г. Трън. (VI, 3); но Мө. XIII, 55 Трън. сохранило грецизмъ; Гал. имѣеть переводъ³⁾.
 37) *τέτραρχος* — тетрархъ М. Г. — четверътовластець Трън. (Мө. XIV, 1)
 38) *χιτών* — хитонъ М. З. Г. — котыга Трън. (Ио. XIX, 23).
 39) *χλαμύς* — хламида М. З. О. — окрилъ Г. — окронница Трън. (Мө. XXVII, 31); въ Мө. XXVII, 28 Трън. сохранило грецизмъ; Г. — переводъ — окрилъ.
 40) *τρύβλιον* — солило М. З. Г. Трън. — тривлии въ Никол. ев. (XIV, 20).
 41) *χρίσμα* — хризма М. З., — муро О., — масть Г., помазаникъ Трън. (XIV, 3, 5)⁴⁾
 42) *ὑπεκρίτης* — упокрытъ М. З. О. — лицедѣи Г. — лицемѣри Трън. (Мө. VI, 2; XXII, 18; XXIII, 13, 15, 27, 29); въ Гал. въ двухъ мѣстахъ остался грецизмъ (Мө. VI, 16; Лк. XII, 56)⁵⁾
 43) *ἑλληνίς* — погапъни М. З. — еллинъска О. Г. Трън.⁶⁾ (VII, 26)
 44) *ἔσμυρτισμένος* — оцътънъ М. З. О. — огорчено Г. Трън. (XV, 23)⁷⁾ — осмырено въ Никольск. и Ассем.

Пересматривая перечисленные грецизмы, мы видимъ по отношенію къ Галичскому ев. слѣдующее: а) во многихъ случаяхъ, гдѣ М. З., часто О., сохранили еще грецизмы, Гал. уже имѣеть переводъ, при чемъ оно весьма часто сходится въ этомъ случаѣ съ Трън.⁸⁾; иногда же и Гал., и Трън., оба имѣя переводъ, однако даютъ различный⁹⁾; б) часто Гал. сохра-

1) Въ Трън. кромѣ того (Мө. XVII, 4; Лк. XVI, 10) есть переводъ сѣни, храмы; согл. съ Трън. въ этихъ мѣстахъ читаетъ и Гал. Мар. читаетъ здѣсь — кровы. = Остр.

2) Во второмъ случаѣ О. уже — попрыщъ.

3) См. выше.

4) Ср. выше № 23.

5) Ср. И. В. Ягичъ. Мар. Ев., словарь, 523; его-же ст. въ 33 т. Сборы. Акад., стр. 82.

6) См. Валявца, стр. 106.

7) См. Валявца, стр. 112.

8) Таковы у насъ №№ 1, 2, 3, 8, 14, 15, 18, 22, 25, 26, 27, 28, 31, 33, 36, 41, 43, 44.

9) У насъ: 6, 8, 11, 16, 19, 24, 30, 32, 39, 42.

няеть грецизмъ (т. е. болѣе древнее чтеніе) тамъ, гдѣ Трън. даетъ уже переводъ¹⁾, въ этихъ случаяхъ оно совпадаетъ съ М. З., давая къ нимъ аналогію и тамъ, гдѣ эти древніе тексты уже имѣютъ переводъ²⁾. Изъ этихъ наблюденій мы выводимъ, что Галичское ев. уже въ значительной степени подновило старую основу, но все еще сохраняетъ ее въ болѣе высокой степени, нежели Трън., проводящее это подновленіе уже далѣе; въ то-же время цѣлый рядъ совпаденій Галичскаго ев. съ Трънов. въ отклоненіяхъ отъ М. З. позволяетъ поставить въ связь оба текста, т. е. видѣть въ Галицкомъ болѣе древнюю эпоху текста, а въ Трън. болѣе новую версію³⁾ того же текста, который представляетъ Галичское ев.; съ другой стороны Галичское ев. представляетъ болѣе молодой текстъ въ свою очередь въ сравненіи съ М. З.. Опредѣляя же отношеніе Остр. и Гал. къ М. З. и Остр. и Гал. другъ къ другу, находимъ: а) Остр. удержало древнюю основу тамъ, гдѣ Гал. ее уже утратило, т. е. Остромирово по редакціи чтеній старше Галицкаго (см. выше случаи а); б) въ немногихъ случаяхъ Галицкое древнѣе по чтеніямъ, нежели Остр.⁴⁾; в) Остр. даетъ иногда чтенія младшія, нежели М. З., при чемъ въ большинствѣ случаевъ Гал. и Остр. совпадаютъ⁵⁾; когда же оба текста, Гал. и Остр., не совпадаютъ другъ съ другомъ въ чтеніяхъ, отклоняясь вмѣстѣ отъ М. З., въ такомъ случаѣ Гал. даетъ чтеніе младшее⁶⁾. Такимъ образомъ, въ общемъ находимъ подтвержденіе выводу, сдѣланному раньше: М. З. представляютъ одну версію текста, старшую, какъ мы теперь видимъ, О. Г. другую версію — младшую, при чемъ Гал. чаще даетъ чтенія младшія, нежели Остр. Еще болѣе молодую, принадлежащую къ группѣ О. Г., представляетъ текстъ Трън. ев., въ которомъ мы видимъ продолженіе развитія текста въ томъ направленіи, которое началось въ О. Г., выразившееся въ постепенномъ ослабленіи стараго текста. Такимъ образомъ, если бы мы желали наглядно представить себѣ развитіе текста по разсматриваемымъ рукописямъ, то мы бы могли предположить такую послѣдовательность: М. З. — О. Г. (или О — Г) — Трън.. Такимъ образомъ, устанавливается связь между древнѣйшими текстами и болѣе поздними по чтеніямъ: то-есть путемъ постепеннаго измѣненія текстъ типа М. З. переходилъ въ типъ О. и Г., а затѣмъ въ типъ Трън., за которымъ слѣдуетъ, какъ мы увидимъ, боль-

1) У насъ: 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 20, 21, 29, 34, 35, 37, 38.

2) Случаи 17 и 40; здѣсь оба раза Никольское Ев. имѣетъ болѣе древнее чтеніе — грецизмъ.

3) Различный переводъ грецизмовъ въ Галиц. и Трън. показываетъ, что чтенія Галицкаго въ этихъ случаяхъ старше Тръновскаго.

4) Случаи: 19, 21.

5) Случаи: 18, 36.

6) Случаи: 6, 14, 41, 42.

шинство списковъ 2-й редакціи Г. А. Воскресенскаго. Между этими типами, разумѣется, могутъ быть еще переходы, напр. представляемый, быть можетъ, Саввиновой книгой, которая считается по чтеніямъ какъ бы промежуточной между ЗМ. и О. (Вондракъ), можетъ быть между Сав. книгой и О. еще придется помѣстить и Ассем. ев., равно какъ и между З. и М. окажутся посредствующіе члены. Но важно то, что уже въ группѣ древнѣйшихъ текстовъ мы можемъ, хотя приблизительно, намѣтить градацію, рядъ группъ, постепенно переходящихъ отъ одной въ другую, можемъ намѣтить хронологическій распорядокъ между этими группами. Такимъ образомъ, то, что проф. Воскресенскому представляется одной группой, намъ, сообразно тому, какъ мы понимаемъ исторію текста, ясны болѣе или менѣе нѣсколько группъ, уясняется и ходъ развитія текста, постепеннаго его развитія: изъ книги Воскресенскаго мы не увидимъ этой исторіи, не поймемъ, какъ текстъ типа М. З. принялъ тотъ видъ, какой мы имѣемъ въ Гал., не поймемъ особенностей этого послѣдняго. Для насъ ясно, что Гал. ев. есть текстъ первоначальнаго перевода, но уже въ версіи, прожившей нѣсколько измѣненій и носящей въ себѣ задатки перехода къ новому типу—Трън. ев.

Проф. Воскресенскій эту особенность замѣтилъ, но не далъ ей надлежащаго объясненія, указавши только то, что обратило его вниманіе: сличая Гал. текстъ совершенно неудачно съ нынѣшнимъ, онъ отмѣтилъ случаи, гдѣ Галичскій текстъ даетъ переводъ соотвѣтственно нынѣшнему грецизму (стр. 183—184): грецизмъ теперешняго текста, вѣдь, не есть грецизмъ перевода, а правленія! Этого намъ г. Воскресенскій не указалъ, потому что, понималъ «редакцію» не точно, не видѣлъ движенія, исторіи въ группѣ текстовъ объединенныхъ имъ подъ названіемъ первой редакціи. Изъ этого же неправильнаго представленія редакціи, недостаточнаго вниманія къ взаимному отношенію текстовъ, вытекаетъ у г. Воскресенскаго и то, что онъ не далъ достаточнаго (лучше сказать никакого) объясненія «личнымъ» особенностямъ Галичскаго списка и другихъ, соединивъ ихъ въ одну группу, и коротко объяснивъ эти особенности «позднѣйшими исправленіями первоначальнаго перевода» (стр. 190—195) и совершенно не объяснивъ точки соприкосновенія между Галичскимъ ев. и списками 2-й ред. (стр. 195—204). Тутъ мало разъясняетъ, осмысливаетъ исторію текста, хотя бы переходъ изъ одной редакціи въ другую (останемся пока при терминологіи автора), заявленіе, что «списки первой редакціи имѣютъ также свои частныя, личныя особенности текста, происшедшія частью отъ исправленій по греческимъ спискамъ¹⁾, частью отъ самовольныхъ попра-

1) Въ своихъ примѣрахъ, за неимѣніемъ въ распоряженіи ни одного критическаго изданія греческаго евангелія, прослѣдить и осмыслить варианты славянск. текста по греческимъ спискамъ я не могъ.

вокъ, ошибокъ писца и т. п. причинъ» (стр. 205). Поэтому совершенно необъясненнымъ осталось у автора заявленіе, не разъ повторяемое при описаніи рукописей, что тотъ или другой списокъ 1-й редакціи склоняется ко 2-й ред., а тотъ или другой списокъ 2-й ред. склоняется къ 1-й²⁾. Всѣ эти недочеты, на мой взглядъ, произошли отъ неправильнаго представленія содержанія термина «редакція евангелія», а въ связи съ этимъ и неправильнаго представленія, что такое исторія евангельскаго текста. А исторію эту авторъ могъ бы найти въ общихъ чертахъ въ трудахъ ему извѣстныхъ, въ тѣхъ, изъ которыхъ извлекли мы то, что сейчасъ было сообщено. Изъ этой исторіи болѣе правильно объяснялась бы и такъ называемая вторая редакція, а также и болѣе правильное распредѣленіе рукописей по редакціямъ, нашлось бы связующее звено между редакціями, первой и второй, и не было бы надобности придумывать довольно искусственныя и ни на чемъ не основанныя (развѣ, на ошибочномъ методѣ «большинства» списковъ) предположенія о русскомъ происхожденіи второй редакціи, пользовавшейся (неизвѣстно, почему) «подходящимъ матеріаломъ изъ юго-славянской письменности» (стр. 254), о чемъ уже было упомянуто выше.

И такъ: списокъ, поставленный проф. Воскресенскимъ во главѣ всѣхъ списковъ евангелія, какъ болѣе близкій къ первоначальному переводу, есть представитель болѣе поздняго состоянія текста, нежели списки, принятые имъ въ варианты: Маріинское, Зографское, Остромирово, Саввино и др.: Галичскій списокъ принадлежитъ къ группѣ списковъ восточныхъ по происхожденію, а эта восточная группа въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, утратила уже кое-что изъ первоначальнаго текста, кое-что измѣнила изъ того, что въ спискахъ западныхъ-глаголическихъ и кирилловскихъ, богомилскихъ, православныхъ, — уцѣлѣло. Это мы видѣли изъ обзора гречизмовъ перевода, извлеченныхъ нами не только изъ ев. Марка, но и изъ остальныхъ евангелистовъ. Затѣмъ тотъ же обзоръ указалъ намъ на связь между восточной группой древней и восточной же группой болѣе новой; въ Гал. ев. есть уже зачатки того, что мы видимъ развитымъ въ Трън. ев. Къ тѣмъ же выводамъ приводитъ насъ и изслѣдованіе другой стороны лексикологіи — передачи разными словами славянскими одного греческаго: и здѣсь вы увидимъ, что Гал. списокъ даетъ аналогію къ восточной группѣ, какъ старшей, такъ и младшей, т. е. въ общемъ младшей, нежели группа западная, поэтому чтенія Гал. ев. моложе, нежели соответствующія Зогр. и Мар., частью Саввина и Ассем. текстовъ, а въ отличіяхъ Гал. отъ Остр., гдѣ оба отклоняются отъ Зогр. Мар., чтенія Галиц. ев. моложе Остромировскихъ и совпадаютъ съ Тръновскими. Это выяснено въ

1) См. 21—47: т. е. А 14, 19, 20, 39, 40; Б 1, 3, 12, 51; сюда же относитъ авторъ и Трънов. ев. (стр. 216, прим.).

упомянутой уже статьѣ (Archiv, XIII) В. Облака, почему ограничусь только выводами покойнаго слависта. Въ его оцѣнкѣ труда Валявца (Trnovsko tetrajevandjelije, Starine XX—XXI) обращаетъ на себя рядъ словъ изъ Трън. ев., указывающихъ на подновленіе въ немъ текста: а) это болѣе позднія слова, появившіяся рядомъ съ старыми, но еще окончательно ихъ не отгѣснившія: часъ (рядомъ — година), съборъ, съборище (сънъмъ, сънмище), лѣвъ (шюв), врътъпъ (врътъ), блюдо (миса), сребръникъ (пѣназь), покровъ (скждѣло), благодать (благодѣтъ), единочадъ (иночадъ), врачъ (бални), нѣкыи (етеръ) и т. д.. Остром. ев. и за нимъ Гал. въ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ Трънов. даютъ чтенія болѣе позднія, хотя въ меньшемъ количествѣ, нежели это послѣднее; б) иные переводы греческихъ словъ, нежели въ Мар. Зогра., указывающіе на болѣе позднюю замѣну стараго слова и выгѣснившіе старину: часть этихъ словъ въ Галичскомъ совпадаетъ съ Трън., съ русск. Ев. XII в. (Юрьевское, Добрилово, Мстиславово), съ Чудовской псалт. и вообще съ новой редакціей свящ. писанія (эта связь второй ред. ев. съ Чуд. псалт. и 2-й ред. Апостола не разъ отмѣчается проф. Воскресенскимъ, см. стр. 251)¹⁾; вотъ нѣсколько такихъ случаевъ: григъ (древн. врѣтище), прѣзоръ (грѣдыни), посокъ (дрьколь), корити (поосити)²⁾ и т. п. Эта редакція, по словамъ В. Облака, шла изъ восточной Болгаріи въ Россію, чрезъ старую Дакію (т. е. Молдавію, Седмиградіе, Буковину); различіе ея отъ Остр. ев. объясняется тѣмъ, что это послѣднее шло инымъ путемъ, можетъ быть чрезъ Константинополь, и, прибавимъ отъ себя, ушло раньше развитія текста въ томъ видѣ, какъ мы ее видимъ въ Трън. ев. Примѣнительно къ Галичскому отсюда можно вывести, что оно (его оригиналь) шло тѣмъ же путемъ, что ред. Тръновскаго Ев., но ушло изъ Болгаріи тогда, когда еще не выяснился типъ ев. Тръновскаго; отсюда его сходство съ Тръновскимъ только частію и близость его къ Остромирову, т. е. къ тому старшему типу, изъ котораго выработалась версія Трънов. ев.: оригиналь Галичск. ев. относится къ началу этой выработки.

Такимъ образомъ, получаемъ два момента въ исторіи восточно-болгарскаго текста евангелія: начало переработки текста уже въ Галицкомъ текстѣ, продолженіе этой переработки въ Тръновскомъ; эти оба момента, черезъ Остромировскій текстъ, становятся въ связь съ первоначальнымъ переводомъ, но не непосредственно, а черезъ рядъ текстовъ въ типѣ Саввиной книги съ одной стороны и черезъ «западные» тексты въ типѣ Маринскаго и Зографскаго евангелій. Такая постановка вопроса объ исторіи

1) Превосходная характеристика съ этой стороны именно Галичскаго текста дана И. В. Ягичемъ въ 33 т. Сборн. А. Н., стр. 79 и слѣд.

2) Остальные случаи см. въ обзорѣ гречизмовъ и въ отмѣченной статьѣ И. В. Ягича.

такъ называемой второй редакціи значительно измѣняетъ самый взглядъ на значеніе не только Галичскаго текста, но и другихъ текстовъ отнесенныхъ къ первой редакціи; именно: между ними найдутся такіе, которые съ одной стороны продолжаютъ традицію Остромирова ев. на русской почвѣ, и такіе, которые съ другой стороны будутъ продолжать традицію Галичскаго ев., и такіе, наконецъ, которые будутъ служить продолженіемъ той версіи, которой старшими представителями, намъ извѣстными, будутъ Тръновское и Вуканово ев., представляющее много совпаденій именно съ Тръновскимъ¹⁾. Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на тексты евангельскіе съ этой стороны, то получимъ возможность предположить, что въ первой ред., такъ опредѣляемой, мы будемъ на основаніи наличныхъ списковъ различать группы: древнѣйшую юго-западную славянскую, восточно-болгарскую, получившую съ Остромировскимъ спискомъ во главѣ распространеніе на Руси, восточно-болгарскую вторую, съ Галичскимъ ев. во главѣ, распространенную на Руси же. Одновременно съ этими двумя группами, еще сохранившими свое значеніе на Руси, начинаетъ пробиваться новая восточно-болгарская (стало быть третья) группа, тѣсно связанная на родинѣ (въ Болгаріи) съ второй восточно-болгарской; эта новая группа постепенно занимаетъ господствующее положеніе, быстро развивается, такъ какъ подготовлена была уже второй группой: это такъ называемая у проф. Воскресенскаго вторая редакція: старшимъ по чтеніямъ (а не по списку) этой новой редакціи является Тръновское ев., которое еще сохраняетъ болѣе связей съ Галичскимъ ев., нежели списки такъ называемой второй редакціи русскіе, которые представляютъ уже слѣдующія ступени въ развитіи этого типа. Такимъ образомъ и вторая редакція восходитъ къ юго-славянской письменности, гдѣ она началась и развивалась: перейдя на Русь она продолжала это свое развитіе въ спискахъ уже русскихъ. Предположить, что она создавалась въ Россіи, какъ думаетъ Г. А. Воскресенскій, нельзя: иначе бы пришлось допустить невѣроятное уже à priori вліяніе юной (XI в., какъ полагаетъ г. Воскресенскій, время для существованія воображаемой имъ школы, создавшей его вторую редакцію, стр. 253) русской литературы на развитую, только что пышнымъ цвѣтомъ распустившуюся въ эпоху Симеона-книголюбца литературу болгарскую; иначе, вѣдь, нельзя бы объяснить появленіе юго-славянскихъ списковъ, Тръновскаго и Вуканова, «русской» редакціи; кромѣ того, списки Тръновскій и Вукановъ не даютъ въ языкѣ и формахъ права видѣть въ нихъ русскій, хотя бы отдаленный, оригиналъ²⁾. Съ другой стороны, эти тексты связаны по языку и словарю

1) Я пользовался точной копіей послѣдняго, сдѣланной съ рукописи проф. П. А. Лавровымъ и мной.

2) Заподозрѣнные въ качествѣ руссизмовъ Валявцемъ infinitivы на *тъ* и *тъ* оказались по изслѣдованію Облака средне-болгаризмами (см. Archiv XIII, 248).

не съ русскими памятниками, а съ юго-славянскими: это сравненіе не только укажетъ намъ употребленіе того или другого слова въ древней славянской письменности, объясняя мѣста «замѣчательныя въ филологич. и другихъ (какихъ?) отношеніяхъ»¹⁾, но и укрѣпить за юго-славянствомъ созданіе такъ называемой второй редакціи и даже укажетъ приблизительно время, когда этотъ процессъ претворенія первой редакціи во вторую сталъ намѣчаться въ исторіи евангельскаго текста. Сравненіе чтеній евангельскихъ въ отдѣльныхъ спискахъ съ чтеніями у писателей приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: Константинъ пресвитеръ, авторъ извѣстнаго «Учительнаго Евангелія», «редактировалъ свой трудъ по отношенію къ евангельскому тексту въ смыслѣ юго-восточнаго словоупотребленія»; тамъ, «гдѣ у Константина разница съ Остр. ев. и Сав. кн., у него сходство есть съ другими кирилловскими списками, напр. съ Галичскимъ и Карпинскимъ»; въ цѣломъ рядѣ случаевъ Константинъ даетъ аналогію къ глаголическимъ спискамъ, т. е. къ древнѣйшему типу, намъ извѣстному, евангельскаго текста²⁾. Такимъ образомъ, уже у Константина, писателя конца IX, начала X в.³⁾, мы встрѣчаемъ тѣ чтенія (напр. № 6а, № 27с у Михайлова), которыя совпадаютъ съ Гал. ев., тогда какъ въ большинствѣ случаевъ Константинъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ не переводитъ вновь евангельскій текстъ катены (Михайловъ, 99), слѣдуетъ еще древнѣйшей версіи, хотя уже и въ ея юго-восточной окраскѣ. Этотъ фактъ указываетъ на то, что въ концѣ IX в. — началѣ X-го мы еще едва-ли можемъ считать созданіе типа Гал. ев. замѣтнымъ въ литературѣ: рѣдкость совпаденій чтеній Константина съ Гал. ев. не даетъ на это права; можно, наоборотъ, предположить, что чтенія Гал. ев., сходныя съ Константиновымъ чтеніемъ, и возникли впервые у Константина, передававшего текстъ евангелій по памяти, хотя и знавшего превосходно принятый текстъ (Михайловъ, 105); можно предположить, что Константиново «Учит. ев.» было, между прочими, источникомъ для чтеній того типа, который мы видимъ въ Гал. ев. Конечно, это одно предположеніе, очень вѣроятное, но все-таки только предположеніе. На этомъ толкованіи отношенія Константина къ Гал. ев. настаивать, разумѣется, нельзя. Но то отношеніе, которое намѣчается для Константина къ древнѣйшей версіи евангельскаго текста, показываетъ, что новая версія

1) Стр. 7. Всѣ сопоставленія приводимыя г. Воскресенскимъ изъ другихъ памятниковъ сводятся только къ доказательству, что то или другое выраженіе Евангелія *существовало* въ древнихъ памятникахъ. Далѣе оправданія, вовсе излишняго, появленія того или другого слова дѣло не идетъ; см. стр. 183, 181 и т. д.

2) А. В. Михайловъ. «Къ вопросу объ учительномъ Евангеліи» (Древности, Труды Слав. Ком. И. М. А. О. I, 109—110).

3) «Учительное Ев.» составлено Константиномъ въ 894 г. (Михайловъ ук. соч., 76), переводъ Слова Аванасія алекс. на аріаны сдѣланъ въ 906 г. (Šafařík P. J. — Roskvět slov. lit. — въ Sebr. sp. III, 180).

евангельскаго текста, начало которой мы видимъ въ Гал. ев. и продолженіе въ Трънов. и русскихъ спискахъ, моложе Константина; это едва-ли подлежитъ сомнѣнію: незначительность случаевъ соприкосновенія Конст. съ Галичск. ев. косвенно подтверждаетъ это, подтверждая и высказанное предположеніе о трудѣ Константина, какъ о возможномъ источникѣ начавшейся послѣ него передѣлки евангельскаго текста.

Иныя, болѣе ясныя указанія даетъ для исторіи евангельскаго текста, въ частности для исторіи разбираемой нами восточной его вѣтви, сопоставленіе его съ Супрасльскою минеей. Это сопоставленіе указываетъ на замѣчательное совпаденіе въ передачѣ греческихъ словъ въ Супр. мин. и Гал. ев. съ одной стороны и спискахъ такъ называемой второй редакціи (Мстисл., Добрил., Юрьевск.) и въ Трън. ев. съ другой вѣтвяхъ мѣстахъ, гдѣ всѣ перечисленные тексты отклоняются отъ типа М. З.; иногда къ нимъ примыкаютъ то Остр., то Сав. ев.; вотъ нѣсколько такихъ случаевъ¹⁾:

1) *κράσπεδον* (Мө. XXIII, 5; Мр. VI, 56; Лк. VIII, 44) — вѣскрилие (Гал. и древн. тексты) — подолькъ (Трън. Мст. Добр.); но въ Мө. XIV, 36 и IX, 20 Галицк. совпадаетъ съ Трън. и ост.; подолькъ — читаетъ и Супр.

2) *ἀλάβαστρον* — алавастръ (др. тексты) — стьклѣница (Гал. Трън., Мст. Юр. Добр. и Супр.)²⁾

3) *ἀκριδες* — акриды — пржгы (Сав. Галиц. Трън.)³⁾

4) *ἄρωμα* — ароматы — вонга (Юрьев. Трън.)⁴⁾

5) *παρασκευή* — параскевгии — патъкъ (Остр. Гал. Трън. Супр.)⁵⁾

6) *τέκτων* — тектопъ — дрѣводѣлинъ (Трън., Мст., Юрьев.)⁶⁾

7) *χιτών* — хитонъ — когыга (Трън. Мст. Добр. Супр.)⁷⁾

8) *νόμισμα* (Мө. XXII, 19) — склазь — златица (Трън. Юр. Супр.)

9) *θυσία* (Мр. IX, 49) — жрътва — трѣба (Трън. Юр. Супр.)

10) *διά* — ради — дѣлѣ, дѣльма (Трън. Супр. Григ. Наз. Шест.)⁸⁾

11) *μωρδς* (Мө. XXIII, 17, 19) — боуи — жродивъ (Гал. Трън. Юр. Мст. Добр. Супр.)

12) *ἐγκύβητος* — егкѣинѣ — поповленига (Юрьев. Трън. Супр.)⁹⁾

1) Беру ихъ изъ статьи В. Облака въ Архивѣ Ягича XIII, (241—248), частію-же изъ его-же статьи «Бѣлѣжки вѣрху старословѣнскихѣ пометниці» (Сборн. болг. мин. IX, 1 и слѣд.).

2) См. выше, грецизмы № 2.

3) См. тамъ-же, № 1.

4) См. тамъ-же, № 3.

5) См. тамъ-же, № 25.

6) См. № 36.

7) См. № 38.

8) Т. е. XIII сл. Григорія Наз. по сп. XI в. и Шестодневъ Іоанна Экзарха.

9) См. грецизмы, № 14.

13) *παρφύρα* — прапрѣдѣ (Мр. XV, 17, 20) — багрѣница (Трън. Юр. Супр. Остр.)

14) *τὸ πλεῖον* — ваще (Лук. VII, 43) — множае (Трън. Остр. Супр.)

15) *ἐπαχύνθη* — оутлѣстѣ (Мѡ. XIII, 15) — оудебелѣ (Трън. Юр. Мст. Добр. Супр.)

16) *σπήλαιον* — пещера (Io. XI. 38) — пещть (Трън. Супр.)

Такимъ образомъ, судя по этимъ сопоставленіямъ, надо полагать, что начало претворенія древнѣйшаго текста, чрезъ типъ, можетъ быть, Саввиной книги и Остр. ев., въ типъ Трън. и рус. Ев. XII в., надо считать не позже возникновенія Супр. Миней (т. е. ея оригинала). Такой эпохой скорѣе всего была эпоха царя Симеона болгарскаго († 927). Косвенно на ту-же эпоху указываетъ случай совпаденія чтенія Трън. съ чтеніемъ Іоанна Экзарха (№ 10)¹⁾. Это вполне понятно, если мы припомнимъ литературную дѣятельность этого времени; къ этому времени относятся и развитіе евангельскаго текста, какое мы видимъ въ Тръновскомъ евангеліи (Облакъ); хотя этотъ послѣдній текстъ уже XIII в., и въ немъ, конечно, есть уже позднѣйшія наслоенія, но многія его отклоненія отъ древнѣйшаго типа, несомнѣнно, не моложе X—XI вв., такъ какъ они оправдываются текстами Остр., Сав. и отчасти Галицскимъ.

Такимъ образомъ въ Галицкомъ ев. мы видимъ одну изъ старшихъ стадій текста, на основаніи которой уже развивалась въ Болгаріи въ X или началѣ XI в. новая версія текста, перешедшая въ Россію и сохраненная въ русскихъ спискахъ XII—XIII в.²⁾

Въ чемъ же состояли эти видоизмѣненія стараго текста, постепенно выработавшія новый текстъ, на столько отличный, что мы получаемъ право говорить о немъ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ стараго? Эти видоизмѣненія совершенно вѣрно намѣчены и г. Воскресенскимъ; это, во 1-хъ, измѣненіе текста вслѣдствіе частыхъ (прибавимъ, постепенныхъ) справъ его съ греческими списками иного характера, нежели оригиналъ Кирилла и Меѡодія; во 2-хъ, текстъ измѣнялся вслѣдствіе замѣны старыхъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, болѣе понятными, т. е. (примѣнительно къ восточно-болгарскимъ текстамъ, давшимъ оригиналъ русскимъ) слова такъ называемыя панно-моравскія и старыя юго-славянскія³⁾ замѣнялись совре-

1) Къ сожалѣнію изслѣдованія Вондрака о языкѣ Іоанна экзарха, изданнаго имъ въ Чешской Академіи Наукъ, у меня нѣтъ подъ рукой. Ср., впрочемъ, Древности, труды Славянск. Ком. И. М. А. О., II (1898), 19—20 (протоколы).

2) На юго-славянское происхожденіе второй редакціи и на время ея появленія, совпадающее съ вѣкомъ Симеона указано было аргюг'но уже и рецензентомъ книги г. Воскресенскаго — въ Христ. Чтеніи, 1897 г., № 1, стр. 191.

3) Списокъ ихъ, правда, немного устарѣвшій, приведенъ давно, для характеристики древнѣйшей (первоначальной отчасти) лексики св. писанія, еще П. Шафарикомъ: *Ueber den Ursprung u. die Heimath des Glagolitismus* (Prag 1858), 9; *Prager Fragmente* (Prag 1857), 56.

менными восточно-болгарскими и русскими (списокъ этихъ словъ, очень неполный, см. у Г. А. Воскресенскаго, стр. 233—238); въ 3-хъ, наконецъ, измѣненіе выражалось въ замѣнѣ формъ грамматическихъ старыхъ и иныхъ мѣстностей болѣе новыми и употребительными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возникалъ списокъ. Все это совершенно правильно указано г. Воскресенскимъ, за исключеніемъ того, что имъ мало обращено вниманія на мѣстность формъ и словъ, и не отмѣчена постепенность этой тихой, но грандіозной работы. Поэтому я бы рѣшительно протестовалъ противъ его взгляда, будто Мстиславова ев. и сходныя съ нимъ (надо полагать: списки второй редакціи) въ отличіяхъ отъ вариантовъ до тонкостей словообразованія представляютъ измѣненія, проходящія послѣдовательно черезъ весь текстъ (стр. 250). Правда, «нѣтъ главы, пѣтъ почти стиха, который бы не представлялъ собою какое-либо отступленіе отъ первоначальнаго текста» (ibid.); но это наблюденіе даетъ иные результаты, нежели у г. Воскресенскаго, если мы попристальнѣе всмотримся въ эти отступленія отъ первоначальнаго текста: 1) эти отклоненія относятся къ разнымъ эпохамъ и разнымъ мѣстностямъ, т. е. не могутъ быть сведены въ одно и сопоставлены съ древнѣйшимъ текстомъ; 2) «первоначальной» редакціи мы не знаемъ теперь: уже М. З. А. представляютъ отклоненія, больше даетъ ихъ Сав. кн., еще больше находимъ ихъ въ Остр., наконецъ Галич. текстъ, умножившій съ своей стороны эти измѣненія, даетъ рядъ чтеній, вошедшихъ въ позднѣйшіе списки, которые, въ свою очередь (Трън., рус. XII в.), увеличили число отклоненій. Такимъ образомъ нельзя такъ сопоставлять первоначальную редакцію и вторую, а тѣмъ ошибочнѣе считать Гал. ев., правда, кое-гдѣ подправляемое авторомъ на основаніи М. З. А. О. С., основнымъ текстомъ первоначальной редакціи. Вся эта неточность объясняется извѣстнымъ намъ желаніемъ автора разсѣчь исторію славянскаго перевода евангелія на рѣзкія группы; изъ этого объясняется постоянное желаніе его намѣчать противоположность списковъ (а не отдѣльныхъ чтеній) его группы А съ группой Б. Такого рѣзкаго раздѣленія проводить было нельзя, если имѣть въ виду исторію текста даже въ томъ видѣ, какъ она выясняется до сихъ поръ.

Случаи промежуточныхъ группъ, то-есть объединявшихъ чтенія группы А и группы Б, уже отмѣчены нами со словъ самого автора. А приведенный примѣръ покажетъ еще нагляднѣе, насколько слабы устои, на которыхъ зиждется у автора дѣленіе текстовъ на двѣ редакціи; я имѣю въ виду текстъ евангелія 1401 года, отнесенный къ первой редакціи (А 18)¹⁾.

1) Рукоп. Моск. Публ. и Рум. Муз. № 118. Описаніе ея см. на стр. 22—23. Не имѣя въ рукахъ этого текста, я пользуюсь для его оцѣнки вариантами въ изданіи св. Марка у проф. Воскресенскаго и отрывками изъ этого текста у Калайдовича (Іоаннъ экзархъ, стр. 28, 33 и 112).

Присматриваясь къ грецизмамъ этой рукописи, мы видимъ ихъ въ значительномъ числѣ случаевъ уже переведенными; это понятно: текстъ — сравнительно поздній, а уже Галичское ев. въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, сдѣлало большой шагъ впередъ; поэтому неудивительно, что и А 18 (Зарайское, Аверинское ев., какъ его называютъ) утратило грецизмы и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и Галич.. Но замѣчательно здѣсь то, что въ передачѣ грецизмовъ А 18 сходится не съ Галичскимъ, а съ Трънов. ев., гдѣ это отклоняется отъ Галичскаго. Такъ, согласно съ Гал. и Трън. Зарайское передаетъ: *ἀκρίδες, ἀλαβάστρον, γναφεύς, καταπέτασμα, κεντούριων*¹⁾, *κρανίου τόπος* (безъ перевода), *λεπτόν, παρασκευή, πῆρα, ραββί* (безъ перевода), *τέχτων*; согласно съ Трън. и отлично отъ Галичск. въ Зарайскомъ передаются: *ἀρώματα* — воня (Гал. благовонья масть), *γαζοφυλαχία* — скровище имѣнью (— газофилакия), *βλασφημία* — вредная словеса²⁾ (— хоула, незаконно разоумѣник о бжкыхъ), *ὀλοκαύτωμα* — всесожьженыхъ жертвъ (— трѣбы), *σκηνή* — кжща (— сѣнь, кровля), *σπεῖρα* — народъ (— множество народа), *χρίσμα* — помазание (— масть, муро), *πραιτώριον* — соудильница (— соудище). То-же отношеніе между Трън. и Зар. съ одной стороны и Гал. съ другой и въ передачѣ отдѣльныхъ мѣстъ текста, напр. въ отрывкѣ Мѡ. XXV, 16—30³⁾. (Притча о талантахъ).

1) шедъ же иже ϵ талантъ взя (Зар. Трън. Б. Б 2. 20. 24. Io. Э.)	шдъ же приемы δ (5) талантъ (Мар. А 6). А. А 1. Б 4. 25)
2) а иже единъ прия (тѣ-же тексты; Io. Экз. взя вм. прия)	а приемы единъ (тѣ-же, что въ предыд. случаѣ)
3) по времени же мнозѣ (Зар. Трън. Б 6. 2. 20. 24. 42). I. Экз.: по лѣгѣ вм. времени (но единств. число и порядокъ словъ сохранены)	по мнозѣхъ же врѣменехъ (А. А 1. 6. Б 4. 25)
4) приобрѣтохъ къ нима (Зар. Трън. Б. Б 2. 20)	приобрѣтъ ими (А. А 1. А 6. Б 24. 25. 42 Io. Экз.)
5) надъ многими (Трън. Зар. Б 1. 2. 20. 24. 25. 42)	надъ многы (А 1. А 6). Io. Экз. и Б: надъ мнозѣмъ.
6) дасться (Зар. Трън. Б. Б 2. 24. Io. Экз.)	дано бждеть (А 1. А 6. А и Б 20. 25. 42)
7) непотребнаго (Трън. Зар. Б. Б 24) Io. Экз. — непотребованаго	неключамаго (остальные, кромѣ Б 2, гдѣ этого мѣста нѣтъ)

1) Во второмъ случаѣ; въ первомъ оно согласно съ Тръновскимъ.

2) Это же чтеніе и въ Б 1. (Юрьевское ев.).

3) Онъ напечатанъ у Калайдовича параллельно съ А 1. А. Б. Б 2. Б. 4. Б 20. Б 24. Б 42. Для сравненія дополняю изъ А 6, и изъ Иоанна экзарха.

Эти сравненія показываютъ: 1) текстъ Трън. далеко не былъ единственнымъ: его типичныя особенности раздѣлялъ русскій текстъ 1401 г. — доказательство того, что источникъ этого послѣдняго юго-славянскій; но не одинъ текстъ А 18 былъ такого рода: нѣкоторыя чтенія, общія у Зарайскаго съ Трън., раздѣляютъ и списки: А 31. 13 (ἀρώματα), Б 1 (βλασφημία), А 32. 39 (γαζοφυλακία), Б (σκηνή), А 15. Б 48 (σπέτρα), А 32 (χρίσμα); 2) группировка текстовъ по отношенію къ передачѣ отдѣльныхъ мѣстъ нѣсколько иная, нежели мы ожидали бы по дѣленію на гр. А и Б.; Б. Б 2, частью Б 20. 24. отходятъ къ одной группѣ, остальные къ другой; 3) текстъ А 18 долженъ быть отнесенъ, если держаться дѣленія автора изслѣдованія, не къ гр. А., а къ одной группѣ съ Б. Б 2. (Б 20. 24., можетъ быть 42), т. е. къ его второй редакціи, или же долженъ быть отнесенъ къ числу рукописей первой редакціи, склоняющихся ко второй. Но, разъ мы не принимаемъ классификаціи Г. А. Воскресенскаго въ томъ видѣ, какъ онъ ее предлагаетъ, а признаемъ постепенность въ переходѣ отъ одного типа къ другому, подобное приуроченіе А 18 къ какой либо изъ его группъ лишнее. Этотъ примѣръ указываетъ только на шаткость критерія при оцѣнкѣ рукописей у г. Воскресенскаго. Всѣ остальные данныя, представляемыя А 18, согласны съ нашимъ о ней мнѣніемъ, какъ о рукописи держащейся той традиціи, которая отмѣчена нами временемъ конца X или начала XI в.: не даромъ въ А 18, русскомъ спискѣ XV в., нѣтъ русскихъ святыхъ (Воскресенскій, стр. 22), не даромъ онъ стоитъ въ связи съ «второй» редакціей г. Воскресенскаго; наконецъ, не случайно чтенія его, совпадая съ Трън., совпадаютъ и съ чтеніями писателя X в. Іоанна Экзарха — новое свидѣтельство въ пользу юго-славянскаго происхожденія такъ называемой второй редакціи и X—XI в., какъ времени, когда она стала замѣтна, получила пріемъ въ литературѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ то странно звучитъ опредѣленіе А 18 «сплавомъ всѣхъ рукописныхъ редакцій евангелія», какъ характеризовалъ рукопись проф. Воскресенскій (стр. 23): такимъ же «сплавомъ», въ такомъ случаѣ, можно назвать любую изъ его редакцій, исключая первоначальный переводъ (котораго мы теперь уже не имѣемъ) и кончая современнымъ нашимъ текстомъ; само Галичское евангеліе есть «сплавъ» первоначальнаго перевода съ первой восточно-болгарской, второй восточно-болгарской, а можетъ быть и еще какими нибудь версиями, какъ легко можно видѣть изъ приведеннаго выше обзора (сравнительнаго) особенностей этого текста! Въ результатѣ — все то же, много разъ уже отмѣченное, пониманіе «редакціи» внѣ связи съ дѣйствительнымъ теченіемъ исторіи текста св. писанія. Отсюда же то распредѣленіе рукописей на редакціи, которое, какъ мы видѣли, далеко не вездѣ устойчиво въ основахъ. Проверить нашъ взглядъ можно, просмо-

трѣвши рукописи по отношенію къ отдѣльнымъ особенностямъ (см. варианты первой редакціи и добавочные второй, стр. 141—162, 215—223): группировка по этимъ особеннымъ чтеніямъ даетъ иную картину распределенія списковъ. Не находя нужнымъ входить въ подробности (мой взглядъ я высказалъ уже достаточно ясно), приведу результаты этого сопоставленія. Въ почти ста¹⁾ случаяхъ мы находимъ, что списки, отнесенные къ группѣ А, даютъ отклоненія отъ этой группы въ пользу группы Б, при чемъ нѣкоторые списки даютъ въ значительномъ числѣ случаевъ, иные въ рѣдкихъ случаяхъ; при этомъ замѣчается, что списки группы А, отклоняющіеся отъ «нормальнаго» чтенія, идутъ часто кучками при отдѣльныхъ случаяхъ отклоненія. Такъ напр. А 9 (Карпинское ев. XIII в., замѣчательное своими архаизмами, можетъ быть богомилское, о чемъ см. выше, стр. 87) изъ 87 случаевъ²⁾ въ 36 случаяхъ отклоняется отъ «нормы». А 7 (Типографское № 1—54. — XII в.) — въ 20 случаяхъ, А 11 (Бѣлградское-богомилское № 92, XIV в.) — 36, А 10 (Никольское) — 14, А 8 (Волоколамское № 1, XIII—XIV в.) — 11 и т. д.; въ этихъ отклоненіяхъ группами идутъ А 9. 10. 11 (16 разъ), А 9. 11; А 6. 7. 8, А 6. 7, часто А 7—11 и т. д. Едва ли это случайность: не намѣчаютъ ли эти совпаденія въ отклоненіяхъ отдѣльныхъ группъ, въ родѣ тѣхъ, что мы отмѣтили выше? Не заставляютъ ли эти наблюденія выдѣлить изъ 1-й группы нѣсколько текстовъ, которые будутъ переходными группами къ группѣ Б? Конечно, на основаніи однихъ вариантовъ это сказать трудно, не имѣя подъ рукой рукописей. Но, повидимому, простой случайностью, «личными» особенностями списковъ эти отклоненія считать нельзя. То же наблюденіе можно и продолжить по отношенію къ группѣ Б: и въ ней есть рядъ списковъ, совпадающихъ съ группой А тамъ, гдѣ другіе отячуются отъ нея: это — списки, удержавшіе въ большемъ количествѣ случаевъ старую основу, нежели другіе; стало быть, опять — градаціи внутри одной группы. Оно иначе и быть не могло, если мы представимъ себѣ исторію текста и для группы Б такъ, какъ это мы сдѣлали для группы А. Если же мы на основаніи этого принципа будемъ группировать рукописи, то, несомнѣнно, мы получимъ рядъ группъ (конечно уже не 2, а гораздо больше), которыми намѣтится постепенное измѣненіе текста, намѣтится внутренняя связь между этими группами. Сколько такихъ группъ будетъ, сказать конечно трудно, а для второй редакціи и опредѣлять не берусь, имѣя только варианты проф. Воскресенскаго; но съ увѣренностью можно сказать, что ихъ не будетъ столько, сколько списковъ: мы основываемся не на отдѣльныхъ разночтеніяхъ, а на группахъ этихъ разночтеній, только группы эти не будутъ такъ численны

1) Я подсчиталъ 91 случай, всѣ по ев. Марка.

2) 4 случая, интересныхъ только для группы Б, оставляю пока въ сторонѣ.

по отдѣльнымъ случаямъ, какъ въ «редакціяхъ» г. Воскресенскаго, за то укажутъ внутреннюю связь, возстановятъ непревынность въ исторіи текста¹⁾. При этомъ, разумѣется, «личныя» особенности, т. е. ошибки и самовольныя поправки и домыслы писца, разъ мы такъ оцѣнимъ иныя различія, въ расчетъ не будутъ приниматься, если эти особенности свойственны только одному списку. Иная ошибка, особенно домыселъ писца, если они не случайная небрежность его, могутъ имѣть значеніе, напр., въ томъ случаѣ, когда поправка писца по домыслу признана была удачною и проходить въ рядѣ списковъ; напр. переводъ — толкованіе греч. *βλασφημία* — «безаконныи разоуми о божескихъ», данное въ Галичскомъ и могшее перейти въ другіе списки. Это — такой же актъ разумнаго, сознательнаго стремленія сдѣлать удобопонятнѣе текстъ, какъ и переводъ этого слова словомъ «хоуленикъ» въ Остр. и «врѣдна словеса» въ Трънов. и Зарайскомъ; проходя черезъ весь текстъ, это выраженіе не лишено, вмѣстѣ съ другими подобными, значенія.

Въ результатѣ этого, довольно длиннаго, разсужденія о «редакціяхъ» текста, мы могли бы, на основаніи нашего пониманія исторіи текста въ связи съ исторіей чтеній, предложить: не устанавливая прямо крупныхъ группъ, въ родѣ первой и второй редакціи, постараться прежде намѣтить болѣе скромныя группы, затѣмъ опредѣлить ихъ взаимную связь и отношенія. Послѣ этого, можетъ быть, намъ удастся соединить нѣсколько группъ въ одну, болѣе крупную, и тогда, можетъ быть, эти крупныя группы окажутся не тѣми по составу, что у проф. Воскресенскаго. Но до этого можно дойти только тщательнымъ, мелочнымъ анализомъ отдѣльныхъ списковъ сравнительно съ другими, а эта работа только начата проф. Воскресенскимъ, собравшимъ, но поспѣшившимъ объединить матеріалъ безъ справокъ съ исторіей текста. Не даромъ еще большинство работъ по исторіи текста у осторожныхъ филологовъ-славистовъ направлено на детальное изученіе отдѣльныхъ списковъ, гдѣ дѣло пока ограничивается накопленіемъ взвѣшенныхъ филологически фактовъ. Время для объединенія еще не наступило.... Слабая сторона проф. Воскресенскаго — недостаточная, а потому поспѣшная, оцѣнка матеріала; къ тому же, какъ мы видѣли, и филологическая работа надъ текстомъ, какая необходима при этомъ, у него слаба, какъ слаба самая филологическая подготовка автора, не стоящаго на высотѣ современныхъ требованій. Но спасибо ему и за то, что онъ сдѣлалъ: его трудъ вноситъ массу свѣжаго матеріала, который онъ или самъ обрабо-

1) Имѣю въ виду слова проф. В-аго: «отдѣльныя-же различія свойственны каждому списку, такъ что можно-бы насчитать столько редакцій, сколько списковъ» (стр. 1). Это, какъ видимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

таеть точнѣе, или дать другимъ эту возможность, особенно своимъ тщательнымъ изданіемъ ев. Марка.

Прежде чѣмъ кончить съ трудомъ автора о первыхъ двухъ его редакціяхъ и перейти къ краткому (самъ авторъ уже значительно сократилъ объемъ второй половины труда) обзору того, что сдѣлалъ авторъ для третьей и четвертой редакціи, коснемся нѣкоторыхъ частныхъ осмотровъ ной части труда: это подтвердитъ отчасти нашъ взглядъ, а также оправдаетъ насъ въ нашемъ, можетъ быть, нѣсколько рѣзкомъ и придиричивомъ отзывѣ о методѣ и филологической подготовкѣ автора.

Обращаюсь къ болѣе или менѣе специально филологической сторонѣ разбора списковъ первой и второй редакціи, именно къ лексикологіи евангелія: къ списку словъ евангелія первой редакціи и отличіямъ въ «переводѣ» разныхъ списковъ. Здѣсь дѣло затрудняется тѣмъ же неудачнымъ приемомъ сравненія съ нынѣшнимъ текстомъ, о чемъ уже не разъ было говорено, и что особенно неудобно въ такомъ случаѣ, какъ настоящій: замѣна однихъ словъ другими есть результатъ исторіи или одного и того же языка и нѣсколькихъ (въ послѣднемъ случаѣ разумѣемъ переходъ памятника изъ одной мѣстности въ другую, напр. изъ Панноніи въ Болгарію, изъ Болгаріи въ Россію); тутъ сопоставленіе текста XI в. и текста XIX в. даетъ только крайніе предѣлы исторіи извѣстнаго выраженія, не объясняя этой исторіи; сравненіе древняго текста съ греческимъ имѣетъ объясненіе въ однихъ данныхъ, напр., въ желаніи сдѣлать текстъ болѣе понятнымъ, не жертвуя характеромъ и законами того языка, на которомъ читается текстъ; сравненіе же нынѣшняго текста съ греческимъ показываетъ, что на первомъ мѣстѣ стояла ложно понимаемая точность въ смыслѣ буквальности, при чемъ ей приносился въ жертву уже не живой, а условный для читателя, чужой языкъ съ его законами. Такіе два факта непосредственно стоятъ рядомъ одинъ съ другимъ не могутъ, а тѣмъ болѣе не могутъ обуславливать подборъ, выборъ матеріала, какъ это однако мы видимъ у проф. Воскресенскаго (стр. 185—186): напр., что даетъ намъ для разумѣнія текста (VIII, 2): «ми ми ксть народъ съ» (*σπλαγγίζομαι ἐπὶ τὸν ὄχλον τοῦτον*) стараго текста въ сопоставленіи съ: «миосѣрдѣю ѿ народѣ» теперешняго текста? Ничего, если мы не обратимъ вниманія на то, что уже въ ев. 1383 г. читаемъ «мѣрдѣю ѿ народѣ» (изд. стр. 233), т. е. что уже въ XIV в. это выраженіе «миль ми есть» не выражало въ сознаніи читателя понятія, соответствующаго *σπλαγγίζομαι*, и въ этомъ смыслѣ уже устарѣло, а потому и замѣчено болѣе понятнымъ и точнымъ по представленію чемовѣка XIV в. — «миосердую»; тогда только намъ станетъ понятнымъ, почему и позднѣе осталось «миосердую» и дошло въ нынѣшнемъ текстѣ. Этотъ списокъ словъ только тогда могъ бы имѣть цѣнность, если бы въ немъ были

хотя бы матеріалы для исторіи выраженной евангелія, а не формальное, чисто внѣшнее сопоставленіе двухъ пунктовъ исторіи, начальнаго и конечнаго; указаніе, чѣмъ отличается «болѣе или менѣе первоначальный» текстъ евангелія отъ читаемаго въ нашихъ церквахъ и нами теперь, не даетъ намъ понятія объ исторіи текста, а это имѣетъ въ виду авторъ изслѣдованія о «характеристическихъ особенностяхъ четырехъ редакцій евангелія отъ Марка въ славянскомъ переводѣ отъ XI до XVI вѣка» (даже не до XIX). Принявши во вниманіе исторію языка, авторъ нашелъ бы въ ней объясненіе многихъ случаевъ разницы въ «переводѣ»: тутъ дѣло иногда было вовсе не въ «переводѣ», а въ замѣнѣ славянскаго стараго, областного иногда, слова инымъ, болѣе новымъ, иной области, славянскимъ же; таковъ напр. общеизвѣстный случай замѣны иноземныхъ словъ туземными. Такихъ случаевъ уже намѣчено не мало въ исторіи евангельскаго текста: часть ихъ приведена нами выше, вотъ еще: ктеръ — нѣкый, мытарь — мьздоимецъ, неродити — небрещи, понавица — плащаница, чрѣвикъ — сапогъ и т. д.

Такъ, совершенно иной смѣсль и значеніе пріобрѣтаетъ для насъ списокъ словъ изъ «Мстиславова и другихъ списковъ евангелія этой группы» сравнительно «съ Галичскимъ и другими первой редакціи» (стр. 238—240). Намъ отмѣчаетъ авторъ въ Мст. ев. и другихъ рядъ словъ того же корня, но иного образованія, нежели въ Галичскомъ, и обращаетъ вниманіе наше на то, что «важно то, что это явленіе проходитъ послѣдовательно черезъ все евангеліе отъ Марка». Этимъ для насъ и кончаются объясненія: какой смѣсль, значеніе имѣетъ эта замѣна одного слова другимъ того же корня, но иного образованія, почему это явленіе важно, только ли потому, что оно проходитъ чрезъ весь текстъ св. Марка (что, кстати сказать, не правда)¹⁾ или потому, что эти чтенія моложе, чѣмъ чтенія Галичскаго и 1-й редакціи? На это мы отвѣта не находимъ. Считать ли ихъ типичными для 2-й редакціи, когда мы знаемъ, да и самъ авторъ сообщаетъ, что Гал. ев. — списокъ 1-ой редакціи — имѣетъ совпаденія и въ «варьянтахъ», и въ «переводѣ» съ списками второй редакціи (стр. 195 и слѣд.), мы не можемъ рѣшить. А иначе подобранный параллельный списокъ словъ древнѣйшей, «болѣе или менѣе первоначальной» редакціи и послѣдующей (X—XI в., какъ теперь мы знаемъ) былъ бы весьма кстати даже для автора, очевидно съ разныхъ сторонъ желавшаго охарактеризовать усмотрѣнную имъ вторую редакцію, отличая ее отъ первой: подборъ обуславливаться долженъ былъ исторіей языка; только исторія языка могла бы объяснить, подтвердить его вторую редакцію, доказавши, что въ спискахъ 2-й редакціи (младшей,

1) Юрьевское ев. даетъ рядъ архаизмовъ находимыхъ въ спискахъ Остр. и древнѣйшихъ 1-й ред., тогда какъ Мст. уже подновляетъ.

нежели первая) и языкъ моложе, чѣмъ въ первой. Вѣдь, началъ же онъ съ совершенно вѣрнаго взгляда, приводя списокъ (хотя не полный и не точный, если статья на точку зрѣнія дѣленія списковъ на редакціи, какъ это дѣленіе понимаетъ авторъ) грецизмовъ старшаго текста, переданныхъ уже славянскими словами въ младшихъ по редакціи текстахъ, даже далъ списокъ различнаго «перевода» (я сказалъ бы, и замѣны) одного греческаго слова въ двухъ редакціяхъ (стр. 233, 236), гдѣ *tacito consensu* мы должны видѣть старшую и младшую передачу слова на славянской! Такъ толковать списокъ словъ «отъ того же корня, но иного образованія» мы не можемъ: во первыхъ, въ него внесены слова, не выражающія двухъ стадій въ исторіи языка, т. е. такіа, которыя не могутъ показывать, что одно слово старше другого (они стоятъ рядомъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ), каково напр. слово *зачало* (Mr. I, 1), которое находимъ въ спискахъ первой редакціи такъ же, какъ и второй, и *начало*, которое читается въ массѣ списковъ второй же редакціи и въ спискахъ первой (A 21); во вторыхъ, въ списокѣ есть такіа слова, которыя мы должны счесть древнѣе, нежели въ первой редакціи, не смотря на то, что они встрѣчаются и приведены изъ второй, напр. *бл̑словеси* второй ред. и *бл̑гви* (т. е. *благослови*) первой (VI, 41)¹⁾, *ц̑сарь* и *царь* (XIII, 9)²⁾; въ третьихъ, находимъ слова можетъ быть различныхъ мѣстностей, проникшія еще въ первую редакцію, каковы *книжникъ* и *книгъчи* (I, 22), *пастырь* — *пастоухъ* (VI, 34)³⁾; наконецъ есть рядъ словъ, дѣйствительно, отражающихъ на себѣ исторію текста въ связи съ исторіей языка, напр. *ктеръ* — *н̑къги* (II, 6), *испл̑ниса* — *напл̑ниса* (I, 15), *животъ* — *житикъ*, *жизнь* (IX, 45) и т. д.; сюда же почему то въ списокъ отнесенъ переводъ *βλασφημειν* — *хоулити* (III, 28), которому скорѣе мѣсто въ списокѣ грецизмовъ (стр. 236), или еще скорѣе въ списокѣ словъ не второй редакціи, а первой, такъ какъ *βλασφημια* = *хоула* читаемъ уже въ Остр. ев. Такимъ образомъ, списокъ построенъ неизвѣстно на какомъ принципѣ. Даже нельзя полагать, что авторъ имѣетъ въ виду типичныя слова для каждой редакціи: указанные имъ слова встрѣчаются и въ той и въ другой редакціи, напр. *напл̑ниса* во второй ред., *испл̑ниса* — во 1-й, но также въ B 30, B 51 (Вуканово ев.), царство не только во второй, но и въ первой (A 38), книжница, не только въ первой, но и въ массѣ списковъ второй (см. изд. стр. 101), власть не только во второй, но и въ первой (A 21), а область не только въ первой, но и во второй (B 12) *ктеръ*, кромѣ первой редакціи, есть и въ B 21, 30,

1) См. И. В. Ягичъ, Мар. Ев., стр. 468.

2) Правда, это произошло отъ того, что авторъ цитируетъ для первой редакціи Галицкое ев., уже подновившее текстъ, а не болѣе древній по чтеніямъ списокъ 1-й ред., напр. Марьянскій. Но это ничуть не мѣняетъ для насъ характеръ его перечня.

3) Ср. Ягичъ, ук. с. 467, 466.

а нѣкоторый, кромѣ второй, и въ А 17. 36. 39 и т. д. Очевидно, что таблица сдѣлана изъ сопоставленія только Галичскаго и Мстиславова ев., а не пробѣрена тщательно по варьянтамъ, извлеченнымъ самимъ же авторомъ изъ массы рукописей, имъ трудолюбиво прочитанныхъ. Вопросъ теперь: возможенъ ли вообще такой списокъ, какой даетъ авторъ или по крайней мѣрѣ желалъ дать? т. е. можно ли найти критерій для распредѣленія рукописей на редакціи, основываясь на словообразованіи? Сомнѣваюсь, по крайней мѣрѣ при настоящихъ филологическихъ данныхъ. Мнѣ кажется, что формы одного корня, но различныя по образованію существуютъ одновременно въ языкѣ славянскомъ уже въ тѣ времена, какъ мы его стали знать, т. е.: въ историческую эпоху рядомъ существуютъ формы, можетъ быть, различной древности, но доисторической: появленіе новой формы не сразу убиваетъ старую; этимъ можно объяснить себѣ, почему уже въ древнѣйшихъ текстахъ рядомъ существуетъ пастоухъ и пастыръ, велии и великъ, чловѣчь и чловѣчьскъ, роспяти и пропяти, хотя можемъ гадать о старшинствѣ одной формы передъ другой; но это гаданіе, во первыхъ, примѣнимо къ очень немногимъ случаямъ, какъ это сдѣлалъ въ свое время И. В. Ягичъ (Мар. Ев., стр. 466—467), во вторыхъ оно едва ли возможно для такой поздней эпохи, какъ XII в., когда мы узнаемъ старшіе списки второй редакціи.

Второе и самое главное, пожалуй, основаніе для моего сомнѣнія то, что взаимодѣйствіе между списками отдѣльныхъ группъ несомнѣнно; отсюда возможно, что поздній списокъ 1-й ред. несомнѣнно внесетъ въ свой составъ данныя 2-й редакціи, какъ это мы видѣли на только что приведенныхъ примѣрахъ; списокъ одной мѣстности можетъ принять при перепискѣ въ другой мѣстности, особенности другой, напр. такія діалектическія различія, которыя существуютъ между Остр. ев. и любымъ глаголическимъ (напр. ть и тѣ въ окончаніяхъ). Такимъ образомъ, въ Юрьевскомъ списокѣ XII в. можетъ оказаться больше общаго съ древнѣйшими текстами первой редакціи въ словообразованіи, нежели въ списокѣ редакціи первой, но XIV в. (А 36 напр.). Вообще едва ли можно установить, имѣя въ виду исторію евангельскаго текста (напр. фактъ совмѣстнаго существованія въ XIV в. напр. двухъ и можетъ быть трехъ редакцій) такую тѣсную зависимость въ подборѣ словъ по образованію отъ одного корня съ самыми редакціями. Иное дѣло такіе устойчивые факты, какъ переводъ грецизмовъ, замѣна одного слова другимъ, вслѣдствіе его непониманія или устарѣлости: здѣсь, повѣряя факты одного памятника, данными изъ другихъ памятниковъ, исторіей языка, насколько она теперь разработана, мы получимъ болѣе твердыя основанія, и то цѣлый рядъ случаевъ остается для насъ неяснымъ, какъ это можно видѣть изъ того же труда И. В. Ягича (Мар. Ев., стр. 467—468).

До такого точнаго опредѣленія различія и характера синонимическихъ выраженій, образованныхъ отъ одного корня съ разными префіксами и suffix'ами, какое одно только можетъ дать твердую основу разсматриваемой таблицѣ проф. Воскресенскаго, славянская филологія еще не дошла: ей въ большинствѣ случаевъ еще не извѣстно даже самое значеніе, роль, которую играютъ въ опредѣленіи значенія слова различныя служебныя части слова; напр. какая разница въ значеніи между: кланяхуся и покланяхуся, лицемѣрье — лицемѣрство, не вѣдь — не вѣдѣ, велии — великъ, оужась — оужасть и т. п.? Объясняется ли эта разница различіемъ времени, или различіемъ мѣстностей, или различіемъ смысла, отгѣнкомъ? Случаевъ, когда мы можемъ отвѣтить на эти вопросы, не много, особенно, если отвѣтъ желаемъ получить точный, а не предположительный.

Обращаюсь, наконецъ, къ тѣмъ общимъ соображеніямъ, которыми авторъ объясняетъ намъ исторію созданія славянскаго перевода (о его соображеніяхъ относительно «второй» редакціи, ея возникновенія мы уже говорили; я высказалъ свое о томъ сужденіе). Авторъ, рассказывая въ довольно приподнятомъ, почти патетическомъ¹⁾, тонѣ, связываетъ исторію перевода съ дѣятельностью св. Братевъ, беря изъ источниковъ о дѣятельности Кирилла и Меодія то, что лучшимъ образомъ возвыситъ значеніе и великость подвига славянскихъ первоучителей. Въ общемъ получается нѣчто въ родѣ апологіи — панегирика первоучителямъ и ихъ дѣлу²⁾. Если именно съ этой стороны авторъ достигаетъ цѣли, то во многомъ, строго научномъ, его воодушевленная рѣчь насъ не удовлетворяетъ: цѣлый рядъ объясненій автора построенъ на фактахъ, произвольно, безъ связи съ остальными, выхваченными изъ обширной литературы о Кириллѣ и Меодіи, при чемъ эти факты истолкованы часто произвольно; спорные вопросы, толкованія фактовъ, на которыхъ заждутся эти вопросы, совершенно устранены.... молчаніемъ о нихъ; многія гипотезы автора сообщаются намъ, какъ общеизвѣстные факты, безъ всякихъ доказательствъ. Конечно, авторъ не имѣлъ въ виду излагать въ подробностяхъ исторію, до сихъ поръ полную разногласій, исторію проповѣднической и литературной дѣятельности первоучителей, да и мудрено бы изложить ее на 8 страницъ, (206—213) удѣленныхъ проф. Воскресенскимъ вопросу о переводѣ св. писанія, «первоначальную болѣе или менѣе» редакцію котораго онъ только что разобралъ. Все же мы не ожидали бы отъ него такого эскизнаго изложенія этой дѣятельности, какъ объясненія всего того, что онъ только что изложилъ: рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей,

1) См. стр. 208, съ начала ея.

2) Конечно, другой вопросъ нуждается ли дѣло славянскихъ первоучителей, значеніе котораго всѣми признано, въ подобной апологіи? Этотъ вопросъ рѣшать считаю лишнимъ.

съ началомъ славянской письменности, древнѣйшій памятникъ которой изучаетъ авторъ, остался въ сторонѣ; а вопросы эти существенны. Его взгляда на многіе жгучіе вопросы первыхъ шаговъ славянской христіанской литературы мы не видимъ, или же мы должны сами добираться до этихъ взглядовъ по тѣмъ сужденіямъ автора, которыя онъ высказываетъ по иному или инымъ поводамъ. Это мы и попробуемъ сдѣлать въ немногихъ словахъ, слѣдуя шагъ за шагомъ за изложеніемъ самого автора. Прежде всего авторъ сообщаетъ намъ о замѣчательной чистотѣ христіанскихъ понятій въ евангельскомъ переводѣ — фактъ давнымъ давно всѣмъ, мало мальски интересующимся свящ. писаніемъ, хорошо извѣстный; это авторъ считаетъ нужнымъ подтвердить примѣромъ, взятымъ изъ труда Ѳ. И. Буслаева «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» (М. 1848). Эта ссылка нужна ему затѣмъ, чтобы напомнить намъ, что это качество славянскаго перевода «должно быть поставлено тѣмъ въ большую заслугу свв. славянскихъ первоучителей, что до нихъ языкъ славянскій не имѣлъ ни литературы, ни даже настоящаго письма» (стр. 206). Эта заслуга заключалась въ томъ, что переводчики старались передать христіанскія понятія во всевозможной чистотѣ: все, что напоминало обрядъ или обычай языческій и противный христіанству, они считали недостойнымъ евангельской чистоты» (ibid.; взято буквально изъ книги Буслаева, стр. 90). Ниже нѣсколько (послѣ примѣра взятаго изъ Буслаева же о переводѣ *δαίμων* и *μοστήριον*) эта мысль дополняется: «не одними общими, отвлеченными понятіями славянскіе переводчики передавали христіанскія идеи, но и уже готовыми словами христіанскаго значенія, можетъ быть, задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ» (стр. 207). Стало быть, въ чемъ же заключается заслуга переводчиковъ св. писанія? Изъ словъ проф. Воскресенскаго это не ясно, разъ онъ даже прибавляетъ: «они (т. е. слова христіанскаго значенія) были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, ранѣе перевода св. писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соотвѣтствующія. Такія слова тѣмъ охотѣе заимствовались(?) первыми переводчиками, чѣмъ мѣнѣе напоминали они славянамъ старину и ихъ прежнія языческія вѣрованія» (ibid.). Можетъ быть, заслуга переводчиковъ заключалась въ выборѣ между словомъ «христіанскаго значенія» и словомъ «не христіанскаго (языческаго) значенія»? Это странно было бы вибнать въ заслугу переводчикамъ - миссіонерамъ, проповѣдывавшимъ именно христіанство, а не что либо иное! Въ чемъ же виновать тутъ Ульфила, на счетъ котораго восхваляетъ проф. Воскресенскій св. Братъевъ? Виновать ли онъ въ томъ, что, живя въ IV в., онъ не имѣлъ въ готскомъ языкѣ словъ «христіанскаго значенія», такъ какъ Готы не могли испытать на себѣ такого продолжительнаго и сильнаго вліянія христіанства,

какъ славяне Солуни и ея области, давно уже жившіе чуть не подъ бокомъ у христіанскаго культурнаго центра — Византіи? Ульфила былъ въ гораздо худшемъ положеніи, нежели Кириллъ съ Мееодіемъ, которымъ самое состояніе языка славянскаго облегчило дѣло. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ ихъ заслуга? Конечно, не въ томъ, что они избѣгали языческихъ понятій, уже вытѣсненныхъ, по словамъ автора, изъ употребленія, а въ самой идеѣ, дать на туземномъ языкѣ св. писаніе христіанамъ, недавно ставшимъ такими, и въ выполненіи этой идеи блестящимъ, безпримѣрнымъ образомъ: точность перевода (конечно, не только въ передачѣ христіанскихъ понятій, уже бывшихъ въ ходу и передававшихся или уже славянскими словами, или чужими, но понятными славянамъ) и въ то же время соотвѣтствіе его духу и строю славянскаго языка, созданіе переводомъ св. писанія прочнаго начала для христіанской литературы на славянскомъ языкѣ — вотъ въ чѣмъ заслуга славянскихъ первоучителей. Какъ же объяснить у автора такую неточность мысли, подкрѣпленной ссылкой на авторитетное имя *Θ. И. Бу-слаева*? Подъ вліяніемъ лирическаго настроенія (которое я назвалъ бы панегирическимъ, которое болѣе, на мой взглядъ, уместно, въ иномъ мѣстѣ или иного рода трудѣ, нежели настоящій) авторъ увлеченъ былъ желаніемъ сильными, рельефными штрихами набросать грандіозную картину зарожденія христіанскаго просвѣщенія у славянъ¹⁾; поэтому и мысль *Θ. И. Бу-слаева* онъ примѣнилъ неточно, воспользовавшись отрывками изъ изслѣдованія *Θ. И. Бу-слаева* для той цѣли, какой они не имѣли у почтеннаго ученаго. Вотъ, что говоритъ *Θ. И.* въ своемъ трудѣ: «Въ славянскомъ переводѣ мы видимъ, что переводчики старались передать христіанскія понятія во всевозможной чистотѣ: все, что напоминало обрядъ или обычай языческій и противный христіанству, они считали недостойнымъ евангельской чистоты». Это, какъ мы видимъ, и взято г. Воскресенскимъ; но у *Θ. И. Бу-слаева* эта мысль продолжена: «нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что славянскій языкъ уже задолго до Кирилла и Мееодія служилъ органомъ христіанскихъ понятій: въ противномъ случаѣ никакъ не возможно было бы избѣжать словъ и выраженій, намекающихъ на языческій бытъ, при первой попыткѣ переложить св. писаніе. Благочестивые переводчики, греки по преданію, твердо и основательно знали славянскій языкъ; и слѣдовательно, какъ ревностные христіане, могли почерпнуть свое знаніе славянскаго языка только изъ источника христіанскаго» (стр. 90—91)²⁾. Какъ видимъ, здѣсь дѣло иное: осторожный

1) Иначе, какъ такъ, я не могу себѣ объяснить весь отрывокъ, завершающій собою длинную научную и спеціальную работу автора, на стр. 1—205.

2) Далѣе — доказательства, что «во время перевода св. писанія христіанъ между славянами было много», со ссылками на *Anast. Bibl.*, *Мацѣевскаго* (*Исторія первоб. церкви у славянъ*), *Шафарика* (*Древности*).

ученый объясняетъ намъ свойства славянскаго перевода, свойства эти выводитъ изъ исторіи языка, какъ необходимое и естественное слѣдствіе, изъ исторіи славянъ, какъ тѣхъ обуславливающихъ обстоятельствъ, которыя подтверждаютъ этотъ выводъ. Ульфила нуженъ *Θ. И. Буслаеву*, какъ средство изъ сравненія уяснить различное состояніе двухъ языковъ при переводѣ на нихъ свящ. писанія, объяснить сравнительныя преимущества славянскаго языка для передачи христіанскихъ понятій. Тутъ ни слова нѣтъ у *Буслаева* о достоинствахъ и недостаткахъ самихъ переводчиковъ, какъ индивидуальныхъ личностей... Проф. *Воскресенскій*, не вооруженный здѣсь объективностью *Буслаева*, не вникъ въ аргументацію послѣдняго, а схвативши мысль *Буслаева*, далъ ей смыслъ примѣнительно къ личнымъ качествамъ *Кирилла* и *Меодія*, смыслъ, какого она не имѣетъ и не могла имѣть у осторожнаго *Θ. И. Буслаева*. Такого смысла, смѣю думать, она не имѣетъ и сама по себѣ, въ строго научномъ трудѣ въ особенности.

То же не достаточно объективное отношеніе къ своей темѣ, имѣвшее слѣдствіемъ и упомянутую мною эскизность очерка, привело автора и къ другимъ неточностямъ и недомолвкамъ, которыя со стороны могутъ быть сочтены недостаточнымъ вниманіемъ автора къ столь капитальному вопросу, каковъ *кирилло-меодіевскій*, а подчасъ даже и незнакомствомъ автора съ состояніемъ этого вопроса въ наукѣ. Какъ я уже говорилъ, авторъ опускаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, гораздо тѣснѣ связанныхъ съ предметомъ его изслѣдованія, нежели то, что мы находимъ въ разсматриваемомъ очеркѣ, иные вопросы рѣшаетъ категорично или предположительно, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не находя нужнымъ дать хотя бы какую-нибудь мотивировку такихъ рѣшеній. Поводъ замѣтить это даетъ чуть ли не каждая страница «эскиза». Не находя умѣстнымъ въ предѣлахъ рецензіи заниматься спеціальнымъ вопросомъ о дѣятельности *Кирилла* и *Меодія*, не могу все-таки не отмѣтить нѣсколько чертъ изъ этого капитальнаго вопроса: къ этому даетъ поводъ и самъ авторъ изслѣдованія, и свойство избранной имъ темы. Сказавши (стр. 208) о томъ, какъ «Промыслъ Божій издѣтства приготавлилъ *Кирилла* и *Меодія* къ высокому сему служенію», авторъ сообщаетъ намъ кое-какія нужныя для него свѣдѣнія изъ біографіи просвѣтителей. Такъ, на основаніи «Исторіи церкви» *Е. Е. Голубинскаго* намъ сообщается не о происхожденіи братьевъ (греческомъ или славянскомъ) и ихъ родинѣ, а подчеркивается то, что *Меодій* довольно долгое время былъ начальникомъ славянской области, по всей вѣроятности близъ *Солуня*¹⁾. Эта

1) Это подтверждается совершенно неидущей сюда ссылкой о *Львѣ*, отцѣ братьевъ, бывшемъ друнгаріемъ, «что значить помощникъ стратега, т. е. по нашему должностъ по»

подробность нужна была проф. Воскресенскому не только затѣмъ, чтобы, согласно съ его источникомъ (Е. Е. Голубинскимъ), отмѣтить, что Меѳодій могъ хорошо изучить не только языкъ, но и нравы и обычаи подвластныхъ ему славянъ, но и затѣмъ, чтобы истолковать свидѣтельство краткаго житія¹⁾ Кирилла, открытаго въ 1857 г. А. Ф. Гильфердингомъ, о томъ, что Кириллъ въ Брѣгальницѣ крестилъ 4050 славянъ. Онъ толкуеть это глухое извѣстiе такъ, дѣлая предположенiе, совершенно ничѣмъ не мотивированное: во 1-хъ, Брѣгальница есть, «по всей вѣроятности, область, которою правилъ его братъ Меѳодій»; во 2-хъ, «возможно, что Константинъ, по возвращенiи изъ сарацинской мисси (851 г.), отправился къ Меѳодiю въ его славянское княженiе²⁾ и здѣсь, ближе познакомившись съ славянами, съ помощiю брата, составилъ славянскую азбуку» (стр. 208). Такъ просто разрѣшилъ профессоръ Воскресенскiй сложный вопросъ о возникновенiи славянской азбуки: для него совершенно остался въ сторонѣ даже вопросъ о глаголической и кирилловской азбукѣ, не мало заставившiй потрудиться и еще окончательно не рѣшенный въ исторiи кирилло-меѳодiевскаго вопроса, вопросъ, связанный не только съ исторiей просвѣтителей славянъ, но, какъ извѣстно, съ вопросомъ о древнѣйшемъ видѣ славянскаго языка и текста свящ. писанiя и на первомъ мѣстѣ евангелiя. Въ виду общаго во всей работѣ невниманiя къ этому вопросу и изъ кое-какихъ упоминанiй³⁾ можно предположить, что подъ азбукой, которую сочинилъ Кириллъ для славянъ Брѣгальницы, онъ подразумѣваетъ кириллицу, хотя порой и чувствуетъ важность глаголицы, какъ чего-то древняго, отмѣчая «глаголическимъ изводомъ» рядъ рукописей, при чемъ на этомъ основанiи считаетъ ихъ «замѣчательными»⁴⁾. Такое рѣшенiе вопроса о времени [между 851 и 855 (или точнѣе только въ 855), какъ надо выводить изъ послѣдующихъ словъ автора] и мѣстѣ изобрѣтенiя письма должно для насъ рѣшать и крупнѣйшiй въ филологiи славянской вопросъ о языкѣ перевода св. писанiя и о путяхъ и направленiяхъ, по которымъ распространялось оно въ начальную эпоху славянской письменности: изъ приведенныхъ словъ автора мы должны выводить, какъ вѣроят-

мошника или товарища генералъ-губернатора». Объясненiе, и по подробностямъ лишнее и неумѣстное, взято изъ Голубинскаго, гдѣ оно подтверждаетъ мнѣнiе Е. Е. о солунской роднѣ братьевъ.

1) Такъ называемое «Успенiе св. Кирилла Философа».

2) Въ примѣчанiи пояснено: «въ то время, когда Меѳодiй еще не удался для иноческихъ подвиговъ въ монастырь, находившiйся на малоазiйскомъ Олимпѣ». Откуда почерпнуть такой фактъ?

3) «Древнѣйшiе списки, говоритъ, напр., авторъ, ев. восходятъ къ XI в. Но между ними нѣтъ ни одного четвероевангелiя, по крайнiй мѣръ писаннаго кириллицей» (стр. 4). Далѣе объясняется, какъ слѣдствiе, почему имъ взяты въ основу Галичскiй текстъ 1144 г.

4) См. стр. 19, 20, 29.

ные, факты: 1) переводъ свящ. писанія совершенно безъ связи съ возникновеніемъ славянскаго богослуженія въ Моравіи и Панноніи; 2) совершено оное въ предѣлахъ болгарской народности (Брѣгальница)¹⁾, на болгарскій языкъ²⁾; 3) отсюда болгарскій текстъ перешелъ въ Моравію и Паннонію, откуда, вслѣдствіе извѣстныхъ преслѣдованій учениковъ Мееодія, вернулся опять въ Болгарію, или, общѣе, на Балканскій полуостровъ. Источникомъ такого взгляда у автора, заставившаго его обратиться за указаніями не къ такъ называемымъ «паннонскимъ» житіямъ, а къ краткому «успенію» св. Кирилла, было мнѣніе акад. А. А. Куника, высказанное имъ въ 1864 году по поводу труда Цахаріе-фонъ-Лингенталя по исторіи болгарской церкви; высказано же оно было въ такой формѣ: «первоначальное назначеніе славянскаго письма для славянъ на Брѣгальницѣ, можетъ быть, удивить знатоковъ дѣла своею смѣлостію, но я смѣю увѣрить, что этотъ фактъ основывается на славянскихъ источникахъ, которые пополняютъ и подтверждаютъ другъ друга»³⁾. Не смотря на мнѣніе акад. Куника, выраженное такъ категорично, съ этимъ мнѣніемъ, однако, не согласились специалисты, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, А. А. Куникъ нигдѣ не высказался подробнѣе объ этомъ фактѣ. Наоборотъ, если новое открытіе — текстъ «успенія» — сперва подкупилъ именно новостью мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ (А. Куника, А. Гильфердинга, Бильбасова), которымъ, однако, не пришлось свое мнѣніе обосновать на «близкомъ знакомствѣ съ памятниками»⁴⁾, то другіе ученые, провѣривши новооткрытый памятникъ сравнительнымъ анализомъ его съ такъ называемыми паннонскими житіями, пришли къ инымъ выводамъ, лишаящимъ «успеніе» того важнаго, рѣшающаго значенія, которое ему сперва приписали: А. Вороновъ, одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей источниковъ для изученія кирилло-мееодіевскаго вопроса, именно подробнымъ анализомъ доказалъ, что «успеніе» есть сокращеніе, а не источникъ (какъ полагалъ à priori, повидимому, Бильбасовъ) паннонскаго житія, а эпизодъ о Брѣгальницѣ, не нашедшійся въ паннонскомъ житіи, заимствованъ изъ греческаго сказанія (такъ называемаго Теофилакта Болгарскаго) о Климентѣ и есть легенда собственно приуроченная только къ личности Кирилла⁵⁾. Мало помогаетъ тутъ и свидѣтельство упомянутаго житія Климента: оно составлено грекомъ и притомъ тенденціозно стремится исказить истинное положе-

1) Ср. Вороновъ, А. Кириллъ и Мееодій (Кіевъ, 1877 г.), стр. 198.

2) Это однако не помѣшало автору признать южно-славянскую письменность отличной отъ той первоначальной паннономоравской и вообще западно-славянской (стр. 254). Гдѣ же правда, по мнѣнію автора?

3) Зап. И. А. Н., V, 255, примѣч.

4) См. Воронова, ук. соч., 192.

5) Ук. соч., стр. 201. Ср. Archiv für sl. Phil. IV, 117—118, 304 (мнѣніе И. В. Ягича).

ніе дѣла о просвѣщеніи болгаръ¹⁾. Такимъ образомъ и мѣста этого житія: ἐπει δὲ τὸ τῶν Σθλοβενῶν γένος εἶτ' οὖν βουλγάρων ἀσυνέτως εἶχον τῶν ἐλλάδι γλώσση συντεθειμένων γραφῶν, ζημίαν ἠγοῦντο τοῦτο μεγίστην οἱ ἄγιοι..... τυχόντες οὖν τοῦ εὐχταίου τούτου χαρίσματος ἐξεύρισκousи μὲν τὰ Σθλοβενικά γράμματα, ἐρμηνεύουσι δὲ τὰς θεοπνεύστους γραφὰς ἐκ τῆς ἐλλάδος γλώσσης εἰς τὴν βουλγαρικὴν...²⁾ мѣста, которыя могли бы оправдать это толкованіе и поддержать значеніе приведеннаго эпизода изъ «успенія», не могутъ въ силу характера житія Климента оказать этой услуги проф. Воскресенскому. Если же онъ имѣлъ какіе-нибудь иные доводы въ пользу своего мнѣнія, то остается пожалѣть, что онъ ими не подѣлился съ нами: капитальность вопроса этого требуетъ; тѣмъ болѣе это необходимо, что мнѣніе А. Воронова до сихъ поръ оставалось принятымъ, повторялось многими, а въ томъ числѣ и Е. Е. Голубинскимъ, рѣшительно высказавшимся, что «Константинъ перевелъ книги на моравскій языкъ, съ моравскаго онѣ переведены на болгарскій...»³⁾. Если филологія, идя къ рѣшенію этого вопроса, какъ будто и склоняется къ мнѣнію, высказанному проф. Воскресенскимъ (напр. Облакъ въ своихъ письмахъ изъ Македоніи къ И. В. Ягичу⁴⁾, А. И. Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ, стр. 10), то она имѣетъ на это свои доводы и далеко еще не дошла до сколько-нибудь опредѣленнаго рѣшенія вопроса⁵⁾. Данныя же историческія, на которыхъ строить свое предположеніе Г. А. Воскресенскій, до сихъ поръ говорятъ иное, до сихъ поръ не соглашены съ данными филологіи, которая до сихъ поръ еще не высказалась опредѣленно, только приближаясь и, можетъ быть, пока очень нетвердыми шагами къ апіорному мнѣнію А. Х. Востокова. Такимъ образомъ, если мнѣніе проф. Воскресенскаго когда-нибудь и подтвердится, то оно подтвердится не цитатой изъ «успенія св. Кирилла», которая не можетъ служить доказательствомъ: мнѣніе Воскресенскаго, въ результатѣ, не доказано, случайно, можетъ быть, предрѣшаетъ вопросъ: иначе мы ждали бы отъ него прежде всего филологическаго довода. Наконецъ, въ приведенномъ выше мнѣніи проф. Воскресенскаго опереодѣ евангелія, или точнѣе, объ изобрѣтеніи азбуки, останавливаетъ на себѣ вниманіе хронологическое опредѣленіе этого событія: онъ устанавливаетъ двѣ даты: 1) азбука изо-

1) Уж. соч., стр. 115, 124—125. Ср. Е. Е. Голубинскій «Исторія русской церкви», I, 2, стр. 289.

2) Матеріалы для исторіи письменъ (юбилейное изданіе Моск. Ун.), р. 2. Ср. мнѣніе Ф. Миклошича (въ кн. Воронова, стр. 101, прим. 3).

3) Исторія русской церкви, I, 2, стр. 295.

4) Напечатаны при его посмертномъ трудѣ «Macedonische Studien» (въ Sitzungsber. der Akad. zu Wien, B. 134, S. 135).

5) Ср. V. Oblak, Zur Würdigung des Altslovenischen въ Archiv für sl. Ph. XV, 369.

брѣтена въ 855 году и 2) примѣнена была тотчасъ же послѣ этого, т. е. въ промежутокъ между 855 и 863 (годъ миссіи въ Моравію). Источникомъ для этихъ заключеній для автора былъ И. И. Срезневскій, на «Славяно-русскую палеографію»¹⁾ котораго и ссылается онъ. Но И. И. Срезневскій не говоритъ такъ категорично, какъ это изъ словъ проф. Воскресенскаго можно бы заключить. Вотъ что сказано у Срезневскаго о годѣ изобрѣтенія письменъ: «Къ 855 году относится время изобрѣтенія славянскихъ письменъ Константиномъ Философомъ по сказанію монаха Храбра, если только годъ 6363 считать соотвѣтствующимъ обыкновенному византійскому счету (5508 лѣтъ отъ сотворенія міра до Р. Х.)....²⁾ Можно, впрочемъ, думать еще и такъ, что Конст. Философъ, за нѣсколько лѣтъ до призыва Ростислава задумалъ славянское дѣло свое въ 855 году.... это (т. е. занятіе славянскими буквами) могло быть и въ 855 году. Если, впрочемъ, принять, что въ 855 г. Константинъ Философъ изобрѣлъ славянскія письмена, а въ 863—864 былъ въ Моравіи, то гдѣ же провелъ онъ лѣтъ 8 или 9 до этого?.. По отношенію къ участию Константина и Меѳодія въ обращеніи болгаръ, едва-ли можно сказать что-нибудь опредѣлительное... вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ первоначальныхъ показаніяхъ К. и М. при совершеніи своего подвига имѣли въ виду славянъ, называвшихся этимъ именемъ, а не называвшихся именемъ болгаръ»³⁾. Какъ видимъ, изъ приведенныхъ словъ акад. Срезневскаго нельзя выводить факта, что «по свидѣтельству черноризца Храбра, славянскія письмена изобрѣтены въ 855 году», хотя такъ думалъ и П. Калайдовичъ (въ 1824 г. въ Іоаннѣ Экз., стр. 189, на которую также ссылается г. Воскресенскій). Излагая положеніе вопроса о годѣ изобрѣтенія письменъ, И. И. Срезневскій, какъ и слѣдовало ожидать, уклонился отъ категорическаго вывода, почему въ обобщеніяхъ и выразился осторожно: «Подвигомъ Константина Философа было изобрѣтеніе славянской азбуки, бывшее въ 855 году, или позже до 863 года» (стр. 71). Ясно, что Г. А. Воскресенскій поспѣшилъ превратить предположеніе въ фактъ, не обративши вниманія на современное состояніе вопроса въ наукѣ. Такимъ образомъ, весь эпизодъ о

1) Посмертное изданіе. С.-Петербургъ, 1885 г.

2) Т. е. имѣется въ виду другой счетъ, т. н. александрійскій, бывший въ употребленіи и въ Византіи, т. е. 5500 лѣтъ. Ср. P. J. Šafařík. *Gesch. d. südslaw. Litteratur* (Prag, 1865) III, 1, 5, 188.

3) Стр. 69 и 71, на которыя ссылается г. Воскресенскій (стр. 209, примѣчан. 2). Кстати: о эпизодѣ въ Брѣгальницѣ И. И. Срезневскій отозвался: «краткое житіе есть извлеченіе изъ Панноскаго житія, но съ нѣкоторыми добавленіями по другому источнику, по какому именно — не извѣстно» (стр. 60).

крещенія болгарь¹⁾ въ Брѣгальницѣ, какъ построенный на источникѣ сомнительнаго достоинства, связанный съ изобрѣтеніемъ письма въ 855 г., (съ чѣмъ также не легко согласиться въ той формѣ, какъ этотъ послѣдній фактъ передается проф. Воскресенскимъ) весь эпизодъ этотъ, хотя и представляетъ гипотезу, едва-ли можетъ быть принятъ за основаніе для рѣшенія такого крупнаго вопроса, какъ начало нашей письменности: для приуроченія этого эпизода, мало того, потребовалось отождествленіе Брѣгальницы съ славянскимъ княженіемъ (или его частью) Мееодія и поясненіе, что около 855 г. Мееодій еще не былъ на Олимпѣ. Для такихъ дополненій въ извѣстной намъ исторіи Кирилла и Мееодія намъ не даетъ фактовъ кирилло-мееодіевская литература.

Далѣе авторъ рассказываетъ коротко намъ исторію возникновенія перевода св. писанія, отмѣтивши безъ всякихъ доказательствъ, что Мееодій могъ быть лицомъ, превратившимъ апракосъ въ тетръ. Надо полагать, что это мнѣніе его основывается, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его словъ (стр. 209, прим. 3), на единствѣ въ основѣ апракоса и тетра: иначе не зачѣмъ было бы здѣсь (въ разсужденіи о первоначальномъ видѣ св. писанія и послѣ гипотезы о Мееодіи) разсуждать объ этомъ; очевидно, и евангеліе тетръ восходитъ ко времени Мееодія, какъ полагаетъ авторъ, принимая мнѣніе И. В. Ягича и отвергая взглядъ К. И. Невоструева. Но ни Ягичъ, ни Невоструевъ ничего не говорили объ участіи Мееодія въ образованіи тетра: первый призналъ единство въ основѣ текста тетровъ и апракосовъ, второй (при томъ 30 лѣтъ тому назадъ) отрицалъ эту общность, находя въ тетрахъ подновленія²⁾. Это единство, разумѣется, не подлежитъ теперь сомнѣнію, но, разумѣется, тамъ, гдѣ болѣе полный тетръ покрывается по составу апракосомъ; т. е. этотъ выводъ И. В. Ягича указываетъ, что тетръ явился еще въ то время, когда апракосъ существовалъ еще въ первоначальномъ видѣ. Далѣе этого выводы Ягича не идутъ; наоборотъ, онъ самъ, какъ мы то видѣли выше (стр. 59), склоненъ видѣть въ мѣстахъ тетра, недостающихъ въ апракосѣ, руку иного лица, нежели переводчикъ апракоса. Опять, какъ видимъ, гипотеза г. Воскресенскаго совершенно ничѣмъ не обоснована; а, если и считать основаніемъ единство текста, то придется признать, что Г. А. Воскресенскій невѣрно понимаетъ мысль В. И. Ягича. Кромѣ того, не смотря на эскизность очерка нами разбираемаго, мы въ правѣ требовать отъ него связности въ изложеніи и послѣдовательности: мы узнали, что евангеліе переведено для болгарь, узнали, что тетръ есть твореніе рукъ Мееодія, который принималъ участіе

1) Объ этомъ фактѣ, какъ мы видѣли, Срезневскій не рѣшился сказать что либо опредѣленное (1879 г., когда имъ читаны лекціи по палеографіи). Едва-ли опредѣленіе мы можемъ говорить и теперь, если не принять мнѣнія проф. Воронова.

2) Сборн. отд. русск. яз. 33, стр. 78.

и въ другихъ переводческихъ трудахъ брата. Далѣе мы ждемъ, въ виду того, что авторъ отклоняется въ своемъ сужденіи отъ принятаго, хотя бы нѣсколькихъ словъ о переходѣ св. писанія въ Моравію, чѣмъ бы объяснились тѣ панно-моравскіе слова, о которыхъ упоминаетъ не разъ авторъ (см. стр. 206). Но онъ ни слова не говоритъ объ этомъ (не говоря уже о томъ, что не мѣшало бы, даже съ его точки зрѣнія, «напомнить» про моравизмы и паннонизмы перевода). Въмѣсто этого находимъ извѣстіе, что «послѣ трехлѣтней дѣятельности въ Моравіи, скончался Кириллъ, только начавъ переводъ св. писанія». Рядъ недоговорокъ опять: пришелъ ли Кириллъ съ готовымъ переводомъ евангелія, а на долю Меодія осталось закончить переводъ Библии (развѣ Макавіи), или онъ въ Моравіи закончилъ переводъ евангелія, псалтири и избранныхъ службъ? Отличался ли языкъ того болгарскаго перевода, который совершенъ (можетъ быть не вполне?) для болгаръ въ Брѣгальницѣ, отъ языка моравской паствы Меодія, разъ авторъ различаетъ моравизмы-паннонизмы отъ южно-славянскихъ? и т. д. Въмѣсто всего этого находимъ краткое извѣстіе о переводѣ остальныхъ книгъ по смерти Кирилла Меодиѣмъ, а затѣмъ страстно-патетическое изложеніе тѣхъ козней и преслѣдованій, которыя пришлось испытать Меодию отъ враговъ. Дальше — отрывочное изложеніе судьбы св. писанія въ Болгаріи, Сербіи и въ Россіи (всего на полутора страницахъ).

Вообще весь очеркъ, нѣсколько примѣровъ изъ котораго мы привели, показываетъ высказанное нами выше сужденіе о методахъ, критическомъ отношеніи и филологической подготовкѣ автора. Этотъ очеркъ, не внося рѣшительно ничего новаго, является слабо связаннымъ съ трудомъ автора, неубѣдителенъ по нежеланію автора объяснять такое свое произвольное отношеніе къ научнымъ фактамъ; по своей отрывочности онъ не объединяетъ въ нашемъ представленіи дѣятельности Кирилла и Меодія съ переводомъ св. писанія, рассмотрѣннымъ авторомъ; наконецъ, по лирическому тону, отсутствію объективности мало вяжется со строгимъ филологическимъ трудомъ, каковымъ долженъ быть настоящій. Широкіе мазки автора не создали картины начала христіанства у славянъ...

Оставляя теперь въ сторонѣ разобранную нервую и — надо сказать — лучшую часть труда проф. Воскресенскаго, обращаюсь къ 3-й и 4-й редакціямъ евангелія, рассмотрѣннымъ г. Воскресенскимъ (стр. 258—300). Порядокъ рассмотрѣнія нахожу нужнымъ измѣнить нѣсколько: не упрекая автора, принявшаго хронологическое расположеніе редакцій (сообразно хронологіи редакцій, какъ онъ ее себѣ представлялъ), не рекомендую ему считать четвертую редакцію третьей и наоборотъ, какъ это предложилъ И. В. Ягичъ¹⁾, я обращаюсь сперва къ четвертой редакціи

1) Archiv f. sl. Ph. XVII, 298.

евангелія: эта редакція составляет дальнѣйшее развитіе 1-й и 2-й, тогда какъ третья, въ томъ видѣ, какъ ея исторію рисуетъ авторъ, является въ сторонѣ отъ общей исторіи первоначальнаго текста и примыкаетъ къ ней только въ нынѣ употребительномъ текстѣ, который при правленіи получилъ кое-что и изъ такъ называемой третьей редакціи¹⁾. Четвертой редакціи удѣлено авторомъ мѣста не много — всего пять страницъ. Въ этой редакціи представителемъ является списокъ 1383 года, писанный русскимъ въ Царѣградѣ; рядомъ съ нимъ поставленъ текстъ 1499 г. (Геннадіевской библіи). Это показываетъ, что авторъ въ послѣдніе годы своего труда нѣсколько измѣнилъ свои взгляды: три года назадъ авторъ находилъ въ спискахъ Ев. XI—XVI в. не четыре, какъ теперь, а пять редакцій: первыя три тѣ-же, что въ настоящемъ трудѣ, четвертая же теперешняя у него распадалась на двѣ: въ четвертую тогдашнюю онъ относилъ ев. 1383 г., а въ пятую ев. 1499 года²⁾, представляя эту пятую редакцію новой переработкой четвертой, можетъ быть, русской³⁾. Въ виду краткости въ разработкѣ этой редакціи, обращаемся къ другимъ частямъ настоящаго труда, гдѣ можно найти кое-какія свѣдѣнія, дополняющія сказанное въ специальной главѣ. Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что по принятому приему, съ которымъ мы, какъ не разъ было упомянуто, не согласны, авторъ даетъ характеристику четвертой своей редакціи примѣнительно къ нынѣшнему тексту: «списки четвертой редакціи, говоритъ онъ, несравненно ближе къ нынѣшнему печатному, чѣмъ въ спискахъ предшествующихъ редакцій. Правда, въ немъ (т. е. переводѣ ев. по четвертой ред.) удерживаются иногда древнія чтенія, но по большей части они исправлены и читаются согласно съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ» (стр. 292). Сравненіе четвертой редакціи съ предшествующими дано авторомъ раньше, при характеристикѣ первой и второй редакціи. Это отношеніе отмѣчено и нами тамъ, гдѣ мы приводили примѣры соответствія греческихъ текстовъ со славянскими. Поэтому здѣсь авторъ ограничивается перечнемъ немногихъ особенныхъ мѣстъ, читающихся въ четвертой редакціи отлично и отъ предыдущихъ, и отъ нынѣшняго текста. Изъ этихъ сопоставленій авторъ получаетъ любопытное наблюденіе: Константинопольское ев. 1383 и такъ называемое Никоновское академическое (Г и Г 1) удерживаютъ древнія чтенія тамъ, гдѣ Геннадіевскій текстъ 1499 г. и всѣ прочіе (Г 2—11) употребленные авторомъ списки этой группы даютъ чтенія уже подновленные, близкія къ современному печатному тексту (296 стр.); иначе: въ группѣ

1) Стр. 291.

2) Богослов. Вѣстникъ, 1893 г., № 1, стр. 197.

3) Тамъ-же, стр. 197.

списковъ 4-ой редакціи различается по крайней мѣрѣ¹⁾ двѣ группы, старшая по чтеніямъ и младшая; это случайно совпадаетъ и съ списками: старшіе списки, Константинопольскій 1383 г. и Никоновскій XIV—XV в. (однако на пергаминахъ) оказались старшими и по чтеніямъ. Въ данномъ случаѣ авторъ, имѣя въ рукахъ только 12 списковъ, успѣлъ замѣтить эту группировку рукописей; по обыкновенію, онъ еѣ отмѣтилъ, не давши никакого объясненія: повидимому, въ его понятіе «характеристики» не входило объясненіе, даже приведеніе въ связь отмѣченныхъ имъ характерныхъ чертъ, хотя необходимость подобнаго осмысленія собраннаго матеріала онъ чувствовалъ: въ послѣднихъ строкахъ своего труда, изложенныхъ на этотъ разъ сдержаннѣе, нежели разобранный нами «эскизъ», онъ указываетъ на юго-славянское происхожденіе четвертой редакціи, полагаетъ временемъ возникновенія ея конецъ XIV в. (?), связываетъ еѣ съ изводами такъ называемыми тръновскими и ресавскими, дѣлаетъ предположеніе о появленіи этой редакціи въ Россіи при посредствѣ митр. Кипріана (это — со словъ А. В. Горскаго; см. начало нашей рецензіи), наконецъ, отмѣчаетъ закрѣпленіе текста четвертой редакціи печатнымъ его изданіемъ 1581 г. (Острожская библ.), его значеніе, какъ переходнаго къ нынѣшнему нашему тексту; т. е. хоть коротенько, но излагаетъ авторъ намъ исторію текста. Тѣмъ болѣе жаль, что онъ не далъ объясненія намѣченной имъ группировкѣ текстовъ, а это объясненіе было имъ уже почти сдѣлано: въ отмѣченной выше статьѣ самого автора четвертая и пятая редакціи и есть намѣчаемыя имъ теперь группы одной и той-же четвертой редакціи; вмѣсто двухъ редакцій теперь онъ устанавливаетъ одну, найдя, и совершенно основательно, общность въ основѣ, въ поправкахъ своихъ прежнихъ четвертой и пятой редакцій. Ясно, что списки 1-й группы ближе къ своему юго-славянскому первообразу четвертой редакціи, нежели списки 2-ой группы; такимъ образомъ, и здѣсь намѣчается та-же постепенность въ созданіи типовъ списковъ, какую мы не разъ отмѣтили и въ такъ называемой первой и такъ называемой второй редакціи. Предполагаемая связь этой редакціи съ такъ называемыми тръновскими и ресавскими изводами весьма возможна, въ виду юго-славянскаго происхожденія четвертой редакціи; такое ея происхожденіе подтверждается тѣмъ, что всѣ списки, привлеченные къ дѣлу проф. Воскресенскимъ для уясненія четвертой редакціи, хотя и русскіе, но, ясно, списаны съ юго-славянскихъ, именно съ болгарскихъ текстовъ (посредственно или непосредственно); это совершенно опредѣленно и вѣрно заявляетъ авторъ относительно ев. 1383 г. (стр. 297) и съ достаточной вѣроятностью относительно

1) Говорю «по крайней мѣрѣ» потому, что противоположность въ этомъ отношеніи списковъ Г—Г 1 и Г 2—11 не вездѣ можетъ считаться послѣдовательной: иногда къ группѣ Г—Г 1, отходятъ Г 3, Г 9, (напр. V, 10).

другихъ списковъ, пользуясь не совсѣмъ удобнымъ терминомъ: «правописание русско-болгарское», «съ юсами» или «безъ юсовъ» (стр. 57—60). Къ этой-же редакціи отнесенъ авторомъ (впрочемъ, довольно неопредѣленно и общё) рядъ списковъ, разсѣянныхъ по русскимъ и заграничнымъ библіотечамъ (см. стр. 60). Между послѣдними большинство было въ свое время пересмотрѣно самимъ авторомъ и отнесено къ числу юго-славянскихъ. Поэтому нельзя не пожалѣть, что для этой юго-славянской редакціи евангелія авторъ не имѣлъ теперь ни одного юго-славянскаго списка подъ рукою¹⁾; жаль также, что ему остался неизвѣстнымъ трудъ Ю. И. Поливки — *Bugarsko četverojevangelje u biblioteci českog muzeja u Pragu* (см. *Starine* XIX, 193) — описывающій подробно одинъ изъ знакомыхъ и проф. Воскресенскому списковъ, именно юго-славянскій, болгарскій точнѣе, текстъ, и именно четвертой редакціи²⁾. Въ изслѣдованіи проф. Поливки данъ въ видѣ вариантовъ описываемаго ев. сравнительно съ Маріинскимъ обильный матеріалъ, позволяющій довольно точно опредѣлить не только редакцію этого евангелія XV в., но и отношеніе его къ отмѣченнымъ проф. Воскресенскимъ группамъ этой редакціи³⁾; именно: болгарскій текстъ собранія Шафарика (сигн. IX, D. 20) представляетъ собой, повидимому, переходную ступень отъ древней группы типа Г—Г 1 къ болѣе поздней типа Г 2—11, распространившася особенно на Руси; такъ, напр., въ немъ находимъ и древнія чтенія, роднящія его съ Г и Г 1, и болѣе молодыя, связующія его съ Г 2—11:

II, 1. слышано бысть — Шаф. Г 2. 4. 6. 10 — слоухъ бы Г, Г 1.

II, 26. и хлѣбы предложены съѣсть — Г. Г 1. Шаф. — и х. предложены съѣсть Г 2—10.

III, 12. да не явлена его творать — Шаф. Г. Г 1 — сътворать Г 2—10.

IV, 6. и съше — Ш. Г 2—10 — оу съше Г. Г 1.

IV, 10. его — ѿ притчи — Ш. Г. 2. 4. 6.—8. 10. — притча Г. Г 1.

IV, 24. възмѣрится вамъ — Ш. Г 2. 4. 6. 10 — намѣрится Г. Г 1.

VI, 4. въ сѣрдствѣ — Ш. Г 2—10 — въ рожени Г. Г 1.

VI, 35. час много — Ш. Г 2—10 — година многа Г. Г 1.

VII, 2. ржгаахъса — Ш. Г 2—11 — зазирахоу Г. Г 1.

X, 42. владати азыки — Ш. Г 2—4. 6. 10. 11 — власти Г. Г 1. и т. д.

Привлеченіе юго-славянскихъ списковъ къ изслѣдованію дало бы намъ болѣе реальное представленіе о той южно-славянской редакціи, которая легла въ основу русскихъ списковъ; этимъ путемъ, можетъ быть, выясни-

1) См. выше, настоящую рецензію, стр. 38.

2) См. Сборн. отд. русск. яз. и слов., т. 31, стр. 16—18; ср. «Рукописи П. I. Шафарика» (М. 1894), стр. 2.

3) См. *Starine*, XIX, 226 и сл.

лось бы то, что сдѣлано было на русской почвѣ по части дальнѣйшей переработки юго-славянской редакціи. Съ другой стороны болѣе детальное изученіе этой редакціи и особенно ея юго-славянской части по языку и по чтеніямъ сравнительно съ другими памятниками литературной и переводнической дѣятельности тръновской эпохи и частью ресавской¹⁾ выяснило бы связь этой четвертой редакціи съ упомянутымъ движеніемъ въ юго-славянской литературѣ и тѣмъ точнѣе опредѣлилось бы и время и, можетъ быть, самый характеръ новой редакціи. Этихъ тръновскихъ и ресавскихъ «изводовъ» евангелія, если они существовали, скорѣе всего надо искать на югѣ славянства, гдѣ они должны были занять господствующее положеніе. Какъ бы то ни было, будутъ ли тексты юго-славянскіе XV—XVII в. поставлены въ связь съ школой тръновской или ресавской, или нѣтъ, ясно одно, что эти юго-славянскіе тексты, представляя много общаго съ нашими четвертой редакціи, образуютъ довольно опредѣленную группу даже по внѣшнему составу; къ числу такихъ типичныхъ чертъ я отнесъ бы на основаніи извѣстныхъ мнѣ по описаніямъ списковъ: а) отсутствіе въ мѣсяцесловѣ славянскихъ святыхъ, почему и въ русскихъ спискахъ почти не находимъ ни русскихъ, ни славянскихъ святыхъ (см. Г. 2—7, 9. 11), б) присутствіе введеній Θεофилакта Болгарскаго (напр. въ ркп. Шафарика № II, 1²⁾); в) можетъ быть, перечня главъ каждаго евангелиста, встрѣчаемаго въ древнѣйшей редакціи, за тѣмъ какъ то исчезающаго, а въ XV—XVII в. вновь появляющагося. Такимъ образомъ, только совмѣстное изученіе списковъ юго-славянскихъ и русскихъ могло бы дать твердую основу опредѣленію четвертой редакціи, выяснило бы ея исторію и, можетъ быть, даже зарожденіе въ тръновскую эпоху. Но пока вопросъ о тръновской эпохѣ въ славянской литературѣ еще только намѣчается въ трудахъ П. А. Сырку, обѣщающаго намъ весьма многія и весьма важныя разъясненія, до тѣхъ поръ связь съ Евѣиміемъ новой редакціи евангелія будетъ гадательной, хотя и вѣроятной. Во всякомъ случаѣ, изученіе юго-славянскихъ списковъ евангелія, оставленное въ сторонѣ проф. Воскресенскимъ, едва ли было бы лишнимъ трудомъ. Ограничивая этими немногими словами свой отзывъ о четвертой редакціи евангелія, такъ кратко разбираемой и самимъ авторомъ изслѣдованія, обращаю вниманіе на одну мелочь въ его работѣ: текстъ 1383 г. онъ считаетъ не корректнымъ, съ массой ошибокъ (стр. 297), гораздо исправнѣе считаетъ онъ буквально сходную въ чтеніяхъ и право-

1) Напр. съ «Книгой Царствъ», изслѣдованной М. Ю. Попруженкомъ (Одесса 1894 г.). Здѣсь-же есть указаніе на весьма важный текстъ евангелія XIV в., болгарской рецензій, вѣроятно, «одинъ изъ крупныхъ памятниковъ для уясненія «тръновскаго» извода (см. стр. 8, прим.).

2) См. описаніе рукоп. Шафарика (М. 1894), стр. 2—3, 16—17. Ср. разбираемую книгу, стр. 300.

писаніи съ текстомъ 1383 г. рукопись XIV—XV в. Моск. Дух. Акад. № 138 (такъ называемое Никоновское академическое ев.) (стр. 57): почему, въ такомъ случаѣ, авторъ предпочелъ выбрать основнымъ текстъ Константинопольскій, менѣе исправный? Можетъ быть, потому, что онъ древнѣе? или потому, что онъ съ годомъ? Ни то, ни другое не оправдываетъ выбора въ данномъ случаѣ. Наконецъ, въ числѣ рукописей четвертой редакціи мы видимъ два апракоса (Г 8, 11): это явленіе невольно обращаетъ на себя вниманіе. Тогда какъ исторія ев. текста показываетъ постепенное исчезновеніе изъ практики апракосовъ и замѣну ихъ четвероевангеліями, мы въ четвертой редакціи находимъ, всетаки, апракосы и при томъ древнѣйшіе (Г 8—1392 г. Г—11—XIV—XV в., оба на пергаминахъ). Чѣмъ это объяснить? Возможно объясненіе такого рода: апракосъ, какъ болѣе практичный видъ текста (именно этимъ объясняется появленіе съ весьма раннихъ поръ апракосовъ «сокращенныхъ», каково напр. уже Остр. ев.), долго отстаиваетъ свои права: не даромъ такъ называемая вторая редакція, проявляющаяся въ тръновскомъ четвероевангеліи, въ Россіи представлена преимущественно апракосами (изъ 55 списковъ этой редакціи у г. Воскресенскаго нашелся только одинъ текстъ четвероевангелія — Б 18). Затѣмъ въ XIV в. начинаетъ входить у насъ въ практику редакція четвертая, которая представлена уже въ четвероевангеліяхъ: повидимому, тръновскіе и ресавскіе изводы (если, дѣйствительно, надо поставить въ связь съ ними нашу четвертую редакцію) основаны были на четвероевангеліи. Въ какомъ отношеніи стали къ этимъ правленнымъ четвероевангеліямъ апракосы? Можетъ быть, на русской почвѣ, гдѣ апракосъ долго сохранялъ свою силу, произошло примѣненіе апракоса такъ называемой второй (а частью и первой) редакціи къ новому юго-славянскому тексту. Вопросъ не безъинтересный, но безъ детальнаго изученія списковъ такъ называемой четвертой редакціи не рѣшимый. Обработка же списковъ этой редакціи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, у проф. Воскресенскаго детально не отличается: можетъ быть, это составитъ продолженіе его труда, гдѣ онъ также подробно дастъ намъ исторію текстовъ 4-й редакціи и послѣдующихъ вплоть до современнаго намъ текста, какъ это онъ попытался (и не вездѣ неудачно) относительно старшаго періода исторіи нашего евангельскаго текста?

Намъ остается коснуться такъ называемой третьей редакціи перевода евангелія. По изученію ея автору слѣдуетъ приписать большую заслугу въ томъ отношеніи, что до него списокъ, такъ называемый митр. Алексѣя (Чудовской), считался единственнымъ представителемъ этого типа евангельскаго текста: ему же удалось намѣтить и изслѣдовать еще два аналогичныхъ Чудовскому списка: такъ назыв. ев. Никоновское Лаврское и Толстовское (ИПБ.), оба XIV же вѣка. Характеризуется эта редакція у автора такъ: «въ

исторіи славянскаго перевода Новаго Заѣта сей Чудовской списокъ имѣть весьма важное значеніе. Онъ содержитъ новую, третью редакцію или точнѣе новый переводъ Евангелія и Апостола» (стр. 54)... Этотъ текстъ «по инымъ греческимъ чтеніямъ, а также по подбору словъ и выражений совпадаетъ часто съ славянскимъ переводомъ толкованія Теофилакта Болгарскаго на Евангелія» (стр. 276)... «Во второй половинѣ XIV вѣка вызванное, вѣроятно, чрезвычайнымъ разнообразіемъ евангельскихъ списковъ первой и второй редакціи, явилось новое исправленіе или новый переводъ какъ Евангелія, такъ и всего Новаго Заѣта по греческимъ спискамъ¹⁾.... Переводъ этотъ представляетъ нѣчто самостоятельное, своеобразное, далекое отъ списковъ первой и второй редакціи.... Отличительный характеръ сего новаго перевода — крайняя букввальность... Трудъ сего новаго перевода совершался неизвѣстнымъ лицомъ (если то не былъ святой Алексѣй) келейно, для себя лино, и не предназначался для широкаго церковнаго употребленія.... Эта третья редакція славянскаго перевода Евангелія совсѣмъ почти не имѣла распространенія...» (стр. 299). Изъ приведенной характеристики обратимъ вниманіе на оцѣнку перевода: въ чемъ важность этой редакціи? Для насъ не ясно: во всякомъ случаѣ важнаго значенія для исторіи славянскаго перевода Чудовской текстъ имѣть не можетъ: это, судя по словамъ проф. Воскресенскаго, единичная попытка, келейно исполненная, не назначавшая текстъ для общества, церкви, попытка неудачная, такъ какъ текстъ Чудовскаго типа распространенія не имѣлъ и только подъ конецъ исторіи евангельскаго текста принялъ участіе, и то въ ограниченныхъ размѣрахъ, въ созданіи нынѣшняго печатнаго текста: до конца XVII в. или до нач. XVIII в. онъ былъ чуждъ исторіи нашего св. писанія, и только въ 1751 году онъ сталъ въ кое-какихъ чтеніяхъ общимъ достояніемъ. Не вижу, почему его назвать важнымъ въ исторіи св. писанія; скорѣе бы я назвалъ его интереснымъ фактомъ, показывающимъ, что и на Руси (если этотъ «переводъ» можно назвать русскимъ) одновременно съ юго-славянствомъ (можетъ быть, и немногими годами раньше) сознавалась необходимость болѣе прочнаго установленія евангельскаго текста; можетъ быть, это сознаніе и возникло не на Руси, а въ Константинополѣ у русскаго человѣка: въ XIV в. Константинополь, какъ извѣстно, сталъ на время небольшимъ центромъ, изъ котораго выходили на Русь и новыя переводы, и новые изводы старыхъ сочиненій; можетъ быть, и это сознаніе въ необходимости исправить текстъ св. писанія, явившееся у русскаго грамотника, стоитъ въ связи съ тѣмъ же движеніемъ, которое выразилось въ дѣятельности патр. Евѣимія. Чудовской текстъ не

1) Ср. Описаніе рукописи Синод. библ., I, 1, стр. 290.

даромъ считался писаннымъ въ Константинополѣ, тамъ же, гдѣ и тотъ текстъ 1383 г., отмѣтившій собой старшую группу четвертой редакціи. Во всякомъ случаѣ, тѣ объясненія важнаго значенія Чудовскаго текста въ исторіи перевода евангелія, которыя приводитъ Г. А. Воскресенскій, не убѣдительно для его же воззрѣнія. Второй и болѣе важный пунктъ характеристики Чудовскаго текста, даваемый проф. Воскресенскимъ, это то, что въ Чуд. текстѣ мы имѣемъ «новое исправленіе или точнѣе новый переводъ», совершенно самостоятельный, своеобразный, далекий отъ первой и второй редакціи. По видимому, со словъ проф. Воскресенскаго мы должны представлять себѣ дѣло такъ: русскій человекъ, знающій отлично греческій языкъ, взялъ греческій текстъ и вновь перевелъ его на славянскій¹⁾. Имѣемъ ли мы право такъ смотрѣть на Чудовской текстъ? Разсуждая а ргіогі, мы бы удивились такому поступку русскаго человека, знавшаго, разумѣется, и очень хорошо и старые тексты: неужели текстъ 1-й и 2-й редакціи былъ такъ искаженъ, что оставалось только взять и переводить вновь, оставивъ текстъ прежнихъ редакцій безъ вниманія? Въ такомъ же положеніи были и труженники Евѣиміевской школы. Они имѣли тотъ же текстъ 2-ой (частью первой) редакціи, также стремились, можетъ быть, ввести въ употребленіе четвероевангелія вмѣсто апракосовъ; однако, они нашли возможнымъ остаться при старой основѣ. Четвертая редакція, замѣнившая постепенно старшія двѣ, показываетъ, что старый текстъ ея создателями не былъ признанъ такимъ безнадежно неисправимымъ. Эти соображенія, вполне естественныя, отчасти поддерживаемыя аналогичными фактами, мѣшаютъ видѣть въ Чудовск. текстѣ вновь сдѣланный переводъ; прибавимъ сюда и то обстоятельство, что четвертая редакція, имѣвшая ту-же цѣль, что и третья, сближавшая такъ же, какъ и третья, славянскій текстъ съ греческимъ, получила тогда же радушный приѣмъ, не смотря на то, что въ ней ясно сквозила старая основа. Да и на самомъ дѣлѣ, нельзя ли смотрѣть на Чудовской текстъ, не какъ на переводъ, а на сильное исправленіе стараго текста съ помощью греческаго, иной редакціи (чѣмъ и объясняется самое количество исправленій, весьма значительное)? Не есть ли это радикальная справа, руководимая тенденціозной, хотя, можетъ быть, и неправильной мыслью у лица, уже слабѣе, нежели въ старые вѣка, чувствовавшаго славянскій языкъ, — мыслью добиться правильности, т. е. соответствія греческому тексту, путемъ буквальности? Неужели такъ велика разность между второй или первой редакціей и Чудовскимъ текстомъ, что мы можемъ говорить о самостоятельномъ, своеобразномъ переводѣ? Неужели переводчикъ, знавшій безъ сомнѣнія старые и современные ему

1) Далѣе, какъ мы видимъ, г. Воскресенскій Чудовской текстъ зоветъ вездѣ *переводомъ, новымъ переводомъ!*

тексты евангелія, не воспользовался ими для облегченія перевода, т. е. не пожелалъ тенденціозно, намѣренно имѣть въ виду старый переводъ? На эти два послѣдніе вопроса скорѣе всего надо отвѣтить отрицательно¹⁾. Разница вовсе не такъ велика между старшими текстами и Чудовскимъ, какъ мы можемъ себѣ представлять ее, говоря о двухъ переводахъ: самъ проф. Воскресенскій перечисляетъ (на стр. 258) рядъ старыхъ чтеній первой редакціи, удержавшихся и въ третьей: ихъ много; далѣе, не мало случаевъ, гдѣ Чудовской текстъ удержалъ характерныя свойства второй редакціи (стр. 259)²⁾. Съ другой стороны, разъ согласиться съ проф. Воскресенскимъ, что главной цѣлью лица, отъ котораго идетъ Чудовской списокъ, была буквальность перевода, понятно, почему вышло такъ много отклоненій: а) редакція, или лучше редакціи греческія, лежавшія въ основѣ старыхъ текстовъ, были отличны въ чтеніяхъ отъ имѣвшагося въ рукахъ греческаго текста у создателя Чудовскаго списка; поэтому, старыя чтенія, точно соотвѣтствовавшія своимъ греческимъ текстамъ, оказывались часто несоотвѣтствовавшими тексту редактора Чудовскаго текста, почему и измѣнялись; б) свободный, въ духѣ славянскаго языка точный переводъ (напр., два греческихъ слова = одному славянскому, см. стр. 275) при наблюденіи буквальности у человѣка, которому уже не настолько близокъ былъ славянскій языкъ, для него уже условный (такимъ былъ для русскаго человѣка XIV в. языкъ св. писанія, въ основѣ юго-славянскій), могъ казаться не точнымъ: источникъ новаго ряда исправленій; в) дѣйствительныя отклоненія стараго славянскаго, особенно второй редакціи, текста отъ греческаго, объясняемыя или поправкой по домыслу, или унаслѣдованной ошибкой, давали третій рядъ исправленій редактору Чудовскаго текста. Но отсюда, конечно, нельзя заключать ни о чемъ болѣе, какъ о послѣдовательной, основанной на принципѣ буквальности, справѣ стараго текста: нѣтъ надобности и возможности предполагать новый переводъ всего текста; въ отмѣченныхъ категоріяхъ чтеній стараго текста, дѣйствительно, являлся новый переводъ отдѣльныхъ выраженій; но это естественная и необходимая вещь при всякой справѣ переводнаго текста путемъ новой его свѣрки съ подлинникомъ... Другая особенность Чудовскаго текста, также отмѣчаемая Г. А. Воскре-

1) Ягичъ рѣшительно отрицаетъ *новый* переводъ въ текстѣ Чудов.; ср. Archiv f. vl. Ph. XVII, 297.

2) Для примѣра того, какъ различны могутъ быть въ передачѣ однихъ и тѣхъ-же греческихъ выраженій *два* перевода, я бы могъ указать на *Пчелу* по старо-русскому переводу (около XIV в.) и болгарскому (около того-же времени), напр. αἰσχρόν — зло — скверно; φρονεῖν — мыслити — мудрствовать; εὐπράττειν — добротворити — благотворити; σοφός — мудръ — мудростьнъ; ισχυρός — крѣпкій — сильный; χαλιόν — узда — бразда; μετ' ἀδικίας — безправды — съ неправдою; διάθεσις — нравъ — дѣло; ἀγαπᾶν — лю бити — любовь имѣти и т. д. (Русск. текстъ изд. В. Семеновымъ (Спб., 1893 г.) — болгарскій текстъ въ сербской рецензії въ рукописи мон. Крушедола; всѣ сравненія взяты изъ 1-й и 2-й главы).

сенскимъ (276—278), именно связь Чудовскаго текста съ чтеніями толкованій Теофилакта Болгарскаго, также косвенно указываетъ на рискованность видѣть въ Чудовскомъ текстѣ новый переводъ: очевидно, редакторъ разсматриваемаго текста осторожно относился къ дѣлу, не желалъ дѣйствовать на свой страхъ, опираясь на Теофилакта тамъ, гдѣ не могъ найти самъ подходящаго выраженія; онъ традиціей всетаки не пренебрегалъ. Онъ, иначе сказать, съ помощью перевода Теофилакта думалъ отчасти исправить не удовлетворявшій его старый текстъ. Какъ бы то ни было, Чудовской текстъ новымъ переводомъ считать нельзя, а считать его радикальной справой стараго слѣдуетъ; такимъ образомъ, нельзя въ Чудовск. текстѣ отрицать связи съ общей исторіей евангельскаго текста, нельзя и въ немъ не видѣть старой традиціи. Почему же Чудовской текстъ не былъ принятъ въ церкви и въ обществѣ настолько мало понравился, что Никонов. и Толстов. списки даютъ уже отклоненія отъ него въ пользу старыхъ редакцій и даже четвертой, на этотъ вопросъ отвѣтить пока трудно. Была ли причина этого въ томъ, что трудъ лица, составившаго Чудовской списокъ, былъ трудомъ келейнымъ, можетъ быть, плодомъ ученой мысли, или въ томъ, что онъ по массѣ отклоненій отъ признаваемаго передъ тѣмъ казался подозрительнымъ, на это мы отвѣтить не можемъ за неимѣніемъ для того данныхъ. Домыселъ о келейности труда, связанный съ догадкой объ авторствѣ митр. Алексія, явился плодомъ ученыхъ (Филарета Черниговскаго, А. В. Горскаго) размышлений, желанія за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ какъ нибудь объяснить появленіе Чудовскаго текста. Также мало данныхъ мы имѣемъ и для того, чтобы убѣдиться въ правильности догадки проф. Воскресенскаго, предполагавшаго причину непопулярности Чудовскаго текста въ томъ, что онъ нарушалъ священную, стало быть, сознательно хранимую, традицію «безцѣннаго наслѣдія славянскихъ первоучителей» (стр. 299).

Такимъ образомъ, мы пересмотрѣли весь трудъ проф. Воскресенскаго. Остается только обратить вниманіе на его выводы, сообщенные имъ на послѣднихъ страницахъ труда: это необходимо потому, что въ этихъ выводахъ онъ на дѣло перевода, на исторію его смотритъ правильно, нежели въ самомъ изслѣдованіи; эти выводы, нѣсколько расходясь съ изслѣдованіемъ, сами, какъ болѣе правильные, указываютъ на необходимость кое какихъ исправленій въ его обширной работѣ. Обозрѣвая всю исторію евангельскаго текста съ XI до XVI столѣтія, проф. Воскресенскій представляетъ себѣ, совершенно вѣрно, эту исторію въ видѣ постепеннаго исправленія текста: но эту постепенность онъ допускаетъ только для одной первой редакціи, называетъ исправленія частными, «оставлявшими неприкосновенной основу древняго болѣе или менѣе

первоначального перевода» (стр. 298). Это заключеніе нуждается на мой взглядъ въ исправленіи: какъ могла оставаться неприкосновенной основа, когда, какъ говоритъ авторъ, и какъ онъ самъ показалъ (стр. 191), исправленія дѣлались на основаніи иныхъ греческихъ, нежели основной, оригиналовъ еще въ первой редакціи? Разъ подвергались измѣненію отдѣльные мѣста, основа уже нарушена, первоначальный текстъ измѣненъ. И самъ авторъ, совершенно основательно, отказывается отъ надежды возстановить вполнѣ переводъ евангелія, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера Кирилла и Меѳодія, называя старшій, ему извѣстный текстъ, и опять совершенно правильно и осторожно, только «болѣе или менѣе первоначальнымъ», т. е. уже измѣнившимся до извѣстной степени первоначальную основу. И какая разница въ сущности дѣла между первой и второй редакціей по отношенію къ основѣ: только въ томъ, что во второй редакціи эта основа подверглась болѣе измѣненіямъ, нежели въ первой. Поэтому, если говорить о неприкосновенности основы, понимая подъ этой основой первоначальный переводъ съ греческой рукописи, то эта неприкосновенность одинаковымъ образомъ нарушена и въ первой и во второй редакціи, разъ отступленія отъ греческаго подлинника первоначального перевода обусловлены введеніемъ въ славянскій текстъ иныхъ греческихъ текстовъ иной редакціи; если же имѣть въ виду переводный текстъ, какъ основной, главный источникъ послѣдующихъ измѣненій, то основа эта сохранена то съ большими, то съ меньшими отступленіями въ обѣихъ редакціяхъ. Другое дѣло, если бы вторая редакція представляла иной первоначальный переводъ . . . Такимъ образомъ, «неприкосновенность основы славянскаго перевода» не можетъ служить характернымъ признакомъ (въ числѣ другихъ) для отличія одной редакціи отъ другой (если мы признаемъ вообще такое различеніе редакцій, какое предлагаетъ намъ авторъ, съ которымъ мы, какъ можно было видѣть, не вполнѣ согласны). Становясь же на точку зрѣнія автора, мы должны признать характернымъ признакомъ раздѣленія на редакціи другой изъ указанныхъ имъ признаковъ: степень сохраненія этой основы, т. е. болѣе ея неприкосновенность въ первой редакціи и болѣе ея отдаленность отъ первоначального перевода для второй редакціи. Но мы видѣли, что такой рѣзкой грани между списками, какую проводитъ авторъ между первой и второй редакціями, на дѣлѣ нѣтъ; поэтому, сказанное сейчасъ имѣетъ цѣлью указать только на неточность вывода даже въ томъ видѣ, какъ его предложилъ намъ авторъ. Но въ формулировкѣ второй редакціи, даваемой авторомъ въ концѣ книги, мы видимъ значительную, хотя не вытекающую изъ его предыдущаго разсужденія (стр. 254), поправку: теперь (стр. 299) онъ совершенно правильно отмѣчаетъ: «начало такому (т. е. во второй редакціи) исправленію положено на югѣ славянства, но завер-

шено оно на Руси», т. е. и вторая редакція идетъ съ юга славянства. Раньше же (стр. 253—254) проф. Воскресенскій говорилъ нѣсколько иное: «Опредѣленно указать лицо, которое исправляло евангеліе, нельзя. Скорѣе можно предположить цѣлую школу, которая дѣйствовала на Руси въ XI вѣкѣ...¹⁾. Разсмотрѣнная редакція... русская, но наши исправители могли пользоваться и тѣмъ, что давали имъ подходящія памятники и южно-славянской письменности, отличной отъ той первоначальной мораво-паннонскій или вообще западно-славянской. Что это было дѣйствительно такъ, доказываютъ южно-славянскіе списки евангелія второй редакціи: Волканово и Тръновское; то же доказываетъ и Супрасльская рукопись...»

Я умышленно привелъ оба обобщенія второй редакціи: какъ видимъ, оба, хотя и касаются одной и той же редакціи, однако говорятъ не совсѣмъ одинаково. Гдѣ больше правды, мы старались указать выше. Но разногласіе между ними, во всякомъ случаѣ, ясно какъ относительно происхожденія явленія, такъ и относительно оцѣнки частныхъ (ев. Вуканово и Тръновское). Тутъ же, въ болѣе позднемъ опредѣленіи, находимъ и одну еще подробность, которая не была отмѣчена авторомъ раньше: «исправленіе завершено на Руси». Такъ ли это? Имѣемъ ли мы право сказать, что на югѣ славянства процессъ исправленія закончился въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ Вукановомъ и Тръновскомъ евангеліяхъ? Дать на это отвѣтъ не можемъ по недостатку матеріала: другихъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ евангелій, юго-славянскихъ текстовъ авторъ намъ не далъ. Предполагать же à priori можемъ обратное высказанному проф. Воскресенскимъ, опираясь при этомъ на общій характеръ исторіи евангельскаго текста, выразившейся, какъ мы видѣли, въ постепенномъ измѣненіи текста: въ этомъ заключалось его развитіе. Во всякомъ случаѣ, со стороны автора подобное категорическое заключеніе было рисковано, особенно разъ онъ въ своемъ трудѣ не далъ никакого матеріала для подобнаго заключенія. Здѣсь, вѣроятно, мы опять имѣемъ дѣло съ влияніемъ на выводы автора его односторонне подобраннаго матеріала, что, какъ мы уже видѣли, привело его къ неправильному представленію исторіи второй редакціи въ его болѣе раннемъ выводѣ. Что же касается общаго характера тѣхъ рукописей, которыя авторъ нашелъ нужнымъ выдѣлить въ особую редакцію, какъ результатъ какого-то одновременнаго, совершившагося разомъ факта, мы также высказались раньше. Также коснулись мы и другихъ обобщеній автора относительно 3-й и 4-й его редакцій. Въ своихъ выводахъ въ концѣ труда авторъ новаго ничего по отношенію къ нимъ не прибавилъ.

1) Далѣе даже опредѣляется точнѣе мѣстность, «гдѣ не дорожили стариннымъ текстомъ», именно юго-западная Русь.

Поэтому, теперь время и намъ обобщить тѣ замѣчанія, которыя намъ пришлось сдѣлать на страницахъ настоящей рецензіи: это и будетъ съ нашей стороны оцѣнкой достоинствъ и недостатковъ, какіе мы нашли въ разсмотрѣнномъ трудѣ проф. Воскресенскаго:

1) Слѣдуя завѣту своихъ учителей, А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, авторъ рѣшилъ собрать побольше наблюдений, введя въ кругъ изслѣдованія громадную массу матеріала. Это составляетъ неотъемлемую заслугу автора: ни одинъ трудъ по исторіи свящ. писанія до сихъ поръ не былъ основанъ на такомъ количествѣ текстовъ, по крайней мѣрѣ, что касается славянскаго перевода евангелія. Это дало замѣчательную внѣшнюю полноту его изслѣдованію. Достоинство собраннаго матеріала заключается въ томъ, что значительная часть этого матеріала впервые привлечена проф. Воскресенскимъ въ изслѣдованію. Впервые этотъ матеріалъ имъ описанъ: большая часть рукописей до сихъ поръ или не была описана вовсе, или очень кратко и не научно, или настолько обще, что для спеціальной цѣли, какова настоящаго труда, описанія эти не годились. Внѣшняя полнота, однако, не соотвѣтствуетъ по внутреннимъ достоинствамъ той цѣли, какую имѣлъ авторъ: подборъ матеріала, не смотря на его обширность, не можетъ быть сочтенъ вполне удачнымъ: имѣя въ виду исторію священнаго писанія, развивающуюся не только въ обособленной области восточно-православнаго христіанства, но также, и при томъ въ древнѣйшій періодъ славянской письменности, и у западно-католической части его въ извѣстныхъ предѣлахъ, нельзя не пожалѣть, что эту послѣднюю стадію развитія евангельскаго текста авторъ не имѣлъ въ виду, чѣмъ лишилъ себя одного изъ крупныхъ пособій для оцѣнки древности отдѣльныхъ особенностей того «восточнаго» періода св. писанія, которымъ онъ занимается.

2) Разработка собраннаго матеріала отличается большою тщательностью, показывающею недюжинное трудолюбіе и любовь къ избранному вопросу у автора: изобиліе сопоставленій, возможно полное (сообразно принятымъ авторомъ правиламъ) пользованіе текстами, изданіе цѣликомъ четырехъ текстовъ параллельно, снабженныхъ массой вариантовъ, подобранныхъ по принятой системѣ, доказываютъ это. Разработка этого матеріала, однако, не привела автора къ непреложнымъ результатамъ, какъ это, надѣюсь, хотя отчасти, показала настоящая рецензія: причина этого не въ недостаткѣ серьезности и трудолюбія у автора, а въ непрочности избраннаго имъ метода или, лучше сказать, въ недостаточной разработкѣ метода. Тѣмъ не менѣе, не считая вполне удачными нѣкоторые изъ выводовъ автора, нельзя не отмѣтить, что, не смотря на нѣкоторое несовершенство метода, усердіе автора дало цѣнный выводъ, который одинъ можетъ составить крупное приобрѣтеніе науки: его изслѣдованіе показало, что созданіе новыхъ чте-

ній, придавшихъ весьма рано новый видъ первоначальному тексту, совершалось не только въ области апостола и псалтири; какъ это показаль предшествующій трудъ автора (Древне-славянскій апостолъ, М. 1879), но и въ области евангелія.

3) Выдающуюся сторону труда проф. Воскресенскаго составляетъ также и то, что онъ, по примѣру прежнихъ изслѣдователей, исходилъ въ своихъ сужденіяхъ о переводѣ и его видоизмѣненіяхъ изъ греческаго текста. Это заставило его и въ этой области расширить, хотя болѣе внѣшнимъ образомъ, рамки матеріала: онъ попробоваль разобраться, насколько позволяли средства, и насколько это, по его мнѣнію, требовалось для его главной цѣли, въ массѣ греческихъ текстовъ, ища въ нихъ объясненія особенностямъ славянскихъ текстовъ. Въ такихъ размѣрахъ, съ такой полнотой до сихъ поръ у насъ работа эта не производилась. Авторъ не только воспользовался при этомъ готовымъ, изданнымъ матеріаломъ, не только ввелъ два новыхъ, доселѣ не изслѣдованныхъ текста (Синод. библ.), но, руководимый совершенно вѣрнымъ историческимъ чутьемъ, удачно воспользовался для характеристики греческаго оригинала славянскаго перевода сочиненіями Фотія, патріарха цареградскаго, стоявшаго и по личнымъ отношеніямъ, и по своей роли весьма близко къ авторамъ славянскаго перевода. И въ этомъ случаѣ, если съ выводами автора въ томъ детальномъ ихъ изложеніи, какое онъ далъ намъ, нельзя согласиться, то въ общемъ опредѣленіе имъ греческаго оригинала, какъ лукіано-константинопольской редакціи св. писанія, доказанное съ помощью трудовъ Фотія, является крупнымъ результатомъ, до сихъ поръ никѣмъ такъ опредѣленно не высказаннымъ.

Таковы достоинства труда проф. Воскресенскаго. Но трудъ этотъ не лишень и недостатковъ; такихъ недостатковъ, повліявшихъ на весь трудъ, надо отмѣтить два:

1) Недостаточность у автора, занимающагося работой чисто филологической въ большинствѣ случаевъ, филологической твердой подготовки: филологическіе взгляды автора не измѣнились со времени его послѣдняго крупнаго труда объ апостолѣ; между тѣмъ этотъ уровень филологической подготовки лишилъ автора возможности воспользоваться тѣми результатами, которые добыла въ настоящее время чуткая, вдумчивая филологическая работа надъ славянскими текстами. Относясь къ тысячамъ собранныхъ варіантовъ съ недостаточной вдумчивостью въ ихъ внутреннія качества, а потому отрывая ихъ отъ почвы, авторъ не могъ ихъ заставить достаточно громко говорить; отсюда объясняется часто невѣрное пониманіе смысла того или другого варьянта въ связи съ исторіей текста. Поэтому отъ него ускользнули тѣ «топографическія» указанія матеріала, какія даютъ списки и отдѣльныя

чтенія евангелія; такимъ образомъ, онъ лишенъ былъ возможности получить болѣе точную классификацію текстовъ по мѣстностямъ, связать эту особенность съ историческимъ ходомъ развитія евангельскаго текста. Этотъ недостатокъ чуткости филолога былъ причиной недостаточно отчетливой, а подчасъ сбивчивой и устарѣлой терминологіи, какъ въ описаніяхъ рукописей, такъ и въ характеристикѣ чтеній, а также причиной того, что, изображая начала славянскаго перевода, онъ не удѣлил ни слова вопросу о переходѣ письменности (и евангелія въ частности) съ юга славянства на западъ и вовсе не освѣтилъ обратное перенесеніе св. писанія на югъ. Это же обстоятельство — недостатокъ филологическаго чутья — заслонило отъ него значеніе не-евангельскихъ текстовъ въ исторіи евангелія: Супр. рукоп., Кіевскіе отрывки, Іоаннъ Экз. не дали указаній на исторію евангельскаго текста, а служили оправданіемъ, совершенно ненужнымъ, существованія того или другаго выраженія въ славянскомъ языкѣ вообще. На тотъ же недостатокъ указываютъ и попытки автора отмѣтить «древнія» слова, слова «русскія» и «юго-славянскія»: та характеристика, какую онъ намъ предлагаетъ, въ большинствѣ случаевъ филологической критикой не оправдывается.

2) Вторымъ такимъ же общимъ недостаткомъ, обусловившимъ для автора частные недостатки, повліявшіе въ свою очередь на его выводы, приходится счесть недостатокъ въ примѣненіи метода. Указанный въ общихъ чертахъ, осторожно намѣченный методъ Горскаго и Невоструева, обращенъ авторомъ въ категорическій пріемъ, такъ какъ авторъ недостаточно вдумался въ суть метода своихъ учителей, недостаточно принялъ во вниманіе то, что выработала методологія по св. писанію послѣ знаменитыхъ описаній Синод. библ. Первое — это опредѣленіе редакцій св. писанія: исходя изъ черезчуръ рѣзкаго опредѣленія «редакцій», авторъ заслонилъ себѣ болѣе точное представленіе объ исторіи св. писанія по отношенію къ редакціямъ: поэтому онъ не увидалъ, да при томъ слабо руководимый филологіей, что уже древнѣйшій текстъ представляетъ рядъ градацій, что переходъ отъ одной градаціи къ другой совершается постепенно; что эта постепенность есть характерная черта въ исторіи всего евангельскаго текста, по крайней мѣрѣ, до созданія тръновскихъ и ресавскихъ изводовъ, на сколько мы можемъ судить до сихъ поръ. Изъ этого неточнаго представленія исторіи евангельскаго текста, созданнаго въ авторѣ неправильнымъ сужденіемъ о «редакціи» св. писанія, вытекаетъ желаніе непременно разбить евангельскій текстъ въ его исторіи на опредѣленное число редакцій: это не оправдалось на дѣлѣ, привело автора къ произвольному, насильственному, внесенію рукописей подъ опредѣленныя рубрики, что опять таки не оправдывается даже тѣмъ, что далъ самъ авторъ. Въ результатѣ — не оправды-

ваемое ни исторіей, ни научными данными дѣленіе на редакціи евангельскаго текста. Второе — это принятіе въ качествѣ критерія для уясненія исторіи древняго текста нынѣшняго текста, являющагося продуктомъ измѣненій самого древняго текста и искусственной спайки нѣсколькихъ разновременныхъ редакцій и домысловъ справщиковъ конца XVII в.. Это повело автора къ невѣрному въ частностяхъ выводу о греческомъ оригиналѣ славянскаго перевода, ослабившему и общую цѣнность этого вывода, это же лишило автора возможности дать точную, историческую, характеристику даже тѣхъ редакцій, которыя онъ самъ опредѣлилъ, особенно третьей и четвертой; точно также характеристика древняго перевода и второй редакціи по языку (словарю), благодаря и одной точкѣ изъ нынѣшняго текста, должна быть признана не вполне удавшейся и лишенной отчетливости. Третій методологическій недостатокъ — отсутствіе надлежащаго критическаго отношенія, какъ къ собираемому матеріалу, такъ и мнѣніямъ научнымъ: таковы страницы объ ев., «по преданію усвояемъ св. Алексію», гдѣ приводятся про и contra мнѣнія ученыхъ безъ надлежащаго ихъ освѣщенія со стороны автора, таковы многія детали въ описаніи рукописей, таковы разсужденія автора о Кириллѣ и Меѳодіи и о достоинствахъ слав. перевода сравнительно съ готскимъ. Это все не только не внесло болѣе ясной въ изслѣдованіе, но даже затемнило то, что было ясно, хотя бы съ той стороны, что мы знали свою слабость относительно иныхъ вопросовъ. То же отсутствіе критики заставляло автора обходить молчаніемъ мнѣнія предшествующихъ ученыхъ или брать изъ нихъ только то, что необходимо для аргюмента составившагося, подчасъ устарѣвшаго, мнѣнія самого автора, что мы могли наблюдать на пользованіи у автора трудами Ф. И. Буслаева, Е. Е. Голубинскаго, И. И. Срезневскаго. Этотъ недостатокъ часто объясняется излишнимъ въ пунктуальности слѣдованіемъ за Горскимъ и Невоструевымъ, не считавшими нужнымъ (и совершенно правильно, въ силу характера ихъ работы) удѣлять мѣсто полемикѣ или счетамъ съ мнѣніями предшественниковъ и къ тому же бывшими въ иномъ положеніи: они предшественниковъ почти не имѣли, а мы ихъ имѣемъ, слава Богу, и не мало. Въ четвертыхъ, къ такого же рода недочетамъ, отчасти объясняемымъ указанной не критичностью автора, надо отнести и излишнюю схематичность автора: рѣшивъ возможно полнѣе обобрѣть текстъ евангелія, авторъ обратилъ вниманіе на внѣшнюю полноту текста; поэтому выбралъ заранѣе темой четвероевангеліе; оцѣнивши, какъ всѣ занимающіеся исторіей и рукописями, документъ съ годомъ, авторъ придалъ этой оцѣнкѣ рѣшающее значеніе, не смотря на то, что часто на практикѣ, въ силу внутреннихъ достоинствъ документа, отдаетъ предпочтеніе не только позднѣйшему, но и не датированному документу: это было причиной того, что взявъ на вѣру

слова И. В. Ягича объ апракосахъ и тетраяхъ и не обративъ вниманія на болѣе точную формулировку этого вопроса у того же слависта (Мар. Ев.), онъ не только не подвинулъ рѣшенія вопроса объ взаимномъ отношеніи ихъ, а вовсе оставилъ безъ вниманія этотъ вопросъ, положивъ въ основу изслѣдованія тетръ, не объяснивши причины этого и ограничившись сказаннымъ вскользь, и притомъ совершенно бездоказательно, мнѣніемъ о переработкѣ апракоса въ тетръ Меоводиѣмъ; этому же самому увлеченію мы обязаны тѣмъ, что авторъ не обратилъ вниманія на тексты болѣе древніе по чтеніямъ, положивши въ основу датированный, но уже измѣненный сильно текстъ ев. 1144 года: болѣе древніе по чтеніямъ списки, а потому болѣе важныя, оказались въ служебномъ отношеніи къ младшему и менѣе важному — въ вариантахъ. На это натолкнули его опять-таки слова Горскаго, сказанныя имъ съ достаточной осторожностью, но обращенныя нашимъ авторомъ въ категорическое рѣшеніе. Изъ этого довѣрчиваго отношенія проистекла и болѣе крупная ошибка: въ своей третьей редакціи, характеризованной даже словами А. В. Горскаго, авторъ употребилъ стараніе, чтобы найти подтвержденіе въ Чудовскомъ спискѣ словамъ Горскаго о переводѣ, тогда какъ, взглядысь онъ, попристальнѣе въ Чудовской текстъ и откажись отъ предвзятаго мнѣнія, взятаго на вѣру у Горскаго, онъ бы пришелъ къ иному выводу. Въ результатѣ, опять предположеніе осторожнаго Горскаго, обращенное въ положеніе науки, ввело проф. Воскресенскаго въ односторонность. Въ пятыхъ, наконецъ, невѣрность метода, осложненная здѣсь и случайностью, благодаря которой Тръновское евангеліе и его литература поздно стали извѣстны (и то не вполне) автору, повела автора къ установленію невѣрнаго взгляда на его вторую редакцію: слѣдуя неточному въ данномъ случаѣ статистическому методу, онъ не угадалъ связи между первой и второй редакціей, а эту послѣднюю заставилъ возникнуть въ Россіи и исказилъ такимъ образомъ общеизвѣстныя отношенія юго-славянства и Руси, заставляя насъ допустить переходъ второй редакціи изъ Россіи на югъ; въ лучшемъ случаѣ, авторъ намъ не объяснилъ, почему Вуканово и Тръновское ев., хотя и южно-славянскія, но второй, «русской» редакціи.

Не касаясь болѣе мелкихъ недостатковъ, такъ или иначе стоящихъ въ связи съ указанными общими (напр. почему авторъ остановился на ев. Марка только, не объясняя намъ этого и заставляя предполагать, что то, что характерно для Марка, то характерно и для остальныхъ евангелій и т. п.), отмѣтимъ частныя достоинства труда проф. Воскресенскаго. Сюда я бы отнесъ не маловажное открытіе имъ еще двухъ списковъ, стоящихъ въ связи съ Чудовскимъ текстомъ: это расширить наше знакомство съ этимъ, во всякомъ случаѣ, любопытнымъ явленіемъ въ нашей духовной

культурѣ. Къ достоинствамъ отнесъ бы я и попытку дать характеристику одного направленія въ исторіи исправленій, хотя бы и частныхъ, евангельскаго текста, именно указаніе на то общее для позднѣйшихъ текстовъ (особ. 3-й и 4-й ред.) стремленіе къ буквальнойности въ передачѣ греческаго текста, благодаря чему, въ ущербъ языку славянскому, какъ въ лексикѣ, такъ и въ синтаксисѣ вновь являются грецизмы, часть которыхъ стерло было предыдущее время. Фактъ этотъ, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ то общее, основанное на общемъ впечатлѣніи, мнѣніе о характерѣ переводовъ средняго періода нашей письменности сравнительно съ древними переводами.

Въ общемъ трудъ проф. Воскресенскаго, на мой взглядъ, имѣеть для науки не маловажное значеніе, какъ первая попытка, можетъ быть не вездѣ и не всегда удачная, подвести счеты того, что сдѣлано наукой для исторіи славянскаго евангельскаго текста, попытка достигнуть обобщенія матеріала, который во многомъ имъ впервые изученъ. Если эта попытка не удалась въ той степени, какъ того хотѣлось автору, то это только доказываетъ, что пора разработки отдѣльныхъ текстовъ еще не прошла для славянской филологіи: авторъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда, ни терпѣнія, чтобы съ своей стороны подвинуть нашу науку къ обобщенію въ рѣшеніи одного изъ крупнѣйшихъ вопросовъ нашего прошлаго.

Поэтому нельзя не пожелать, чтобы авторъ не остановился на этой попыткѣ, а, избавившись отъ намѣченныхъ недостатковъ, продолжалъ трудиться съ той же настойчивостью и надъ текстомъ другихъ евангелій. Это дастъ ему случай исправить и тѣ недосмотры, которыхъ, по нашему мнѣнію, не чуждъ настоящій во многихъ отношеніяхъ почтенный его трудъ.

II.

Приложеніемъ, хотя и вышедшимъ раньше, къ только что разсмотрѣнному труду служить вторая изъ отмѣченныхъ въ началѣ рецензіи книга — «Евангеліе отъ Марка, по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій» (Сергіевъ Посадъ, 1894). Текстъ снабженъ довольно обширнымъ введеньемъ (стр. 1—85); это, въ общемъ, буквально, безъ малѣйшихъ измѣненій перепечатанный текстъ описанія рукописей, помѣщенный въ изслѣдованіи (стр. 10—68) въ первой его главѣ. Первые страницы (1—8) коротко сообщаютъ о томъ, что есть четыре редакціи, что авторъ въ основу выбираетъ такіе-то списки (тѣ же, что въ изслѣдованіи), обозначаетъ ихъ такъ-то, въ необходимыхъ случаяхъ даетъ параллели изъ древнихъ писателей славянскихъ и переводчиковъ (совершенно напрасно не разграничивая и здѣсь ори-

гинальныя и переводныя сочиненія)¹⁾, перечисляетъ греческія изданія евангелія, наконецъ, сообщаетъ о приемахъ изданія. Такъ какъ всего этого, за исключеніемъ послѣдняго пункта, мы уже коснулись выше, то ограничимся замѣчаніемъ только по поводу этого пункта. Авторъ старался передавать въ изданіи текстъ основного списка буква въ букву, допуская немногія отклоненія, вызываемыя типографскими соображеніями. Но, на дѣлѣ, были имъ сдѣланы и другія отступленія, изъ которыхъ самымъ крупнымъ является его вторая редакція: положивши въ основу Мстиславова евангеліе — апракосъ, авторъ въ изданіи превратилъ его въ тетръ, т. е. расположилъ по главамъ въ порядкѣ ихъ слѣдованія въ тетрахъ.

Если подобный произволъ оправдывается цѣлью автора — дать евангеліе Марка во второй редакціи — и облегчается отиѣченнымъ не разъ единствомъ въ основѣ того и другого типа, то соответствуетъ ли это дѣйствительности? Списки такъ называемой второй редакціи представлены въ исторіи именно въ видѣ апракосовъ, весьма часто апракосовъ «сокращенныхъ»; между рукописями этой редакціи тетры весьма рѣдки. Въ этомъ случаѣ и вторая редакція оказывается продолжающей ту старую традицію, которой придерживалась и древняя, предпочитаемая богослужебный текстъ сплошному. Такимъ образомъ, въ изданіи проф. Воскресенскаго мы имѣемъ не существующій на дѣлѣ текстъ рядомъ съ воспроизведеніемъ рукописей для остальныхъ редакцій. Правда, практическія соображенія, удобство пользованія говорятъ въ пользу издателя. Но если бы онъ желалъ быть послѣдовательнымъ, то онъ долженъ былъ бы положить въ основу изданія тетръ второй редакціи, давая намъ, правда, не обычный, рѣдкій текстъ, но за-то въ дѣйствительномъ и подлинномъ его видѣ. Къ сожалѣнію, Тръновское евангеліе было недоступно издателю, а въ русскихъ спискахъ четвероевангелія не нашлось, кромѣ А. 18 (Зарайское), не оцѣненного издателемъ. Благодаря этому, пришлось поступиться буквальною въ передачѣ рукописи, опуская обычные ехordium'ы: «въ оно время» (см. стр. 7); если это рѣшилъ сдѣлать авторъ, то слѣдовало бы ему быть послѣдовательнымъ: сочтя (и совершенно основательно) ехordium'ы не принадлежащими евангельскому тексту въ его подлинномъ видѣ, онъ долженъ былъ послѣдовательно опускать эти начальныя слова, прибавленныя по требованію практики въ недѣльныхъ евангеліяхъ. Но онъ опустилъ: «въ оно время», а фразы: «рече гѣ своимъ оученикомъ» или «рече гѣ притгыю сию», также составляющія особенность апракосовъ, онъ нашелъ нужнымъ сохранить. Надо было или быть послѣдовательнымъ, или объяснить причину такого отступленія: ни того ни другого авторъ не дѣлаетъ. Наконецъ, на сколько мы

1) Это вошло цѣликомъ и въ изслѣдованіе (см. стр. 7, 69).

правы, выкидывая изъ славянскаго текста эти прибавленія? Вѣдь, авторъ имѣеть дѣло съ славянскимъ переводомъ, представляющимъ въ измѣненіи первоначальный трудъ Кирилла и Меѳодія: его цѣль — критическимъ путемъ дать намъ возможность въ возможной полнотѣ и чистотѣ представить трудъ первоучителей. Имѣемъ ли мы право отбрасывать въ славянскомъ текстѣ то, что является лишнимъ въ тетрѣ, не заручившись напередъ увѣренностью, что мы не отбрасываемъ куска первоначальнаго перевода? А этой увѣренности мы не найдемъ въ исторіи перевода: Кириллъ (съ Меѳодіемъ) перевелъ именно апракосъ, а не тетрѣ, съ чѣмъ соглашается и проф. Воскресенскій (изслѣдованіе, стр. 209), и слова: «въ оно врѣмя», «рече гѣ своимъ оученикомъ», «рече гѣ притячу сию» находятся и въ греческомъ апракосѣ и, болѣе чѣмъ вѣроятно, принадлежать въ славянскихъ текстахъ перу переводчиковъ: ихъ могло упразднить лицо, передѣлывавшее апракосъ въ тетрѣ, стало быть, позднѣе. И съ этой точки зрѣнія такая непослѣдовательность автора намъ не понятна: если авторъ, въ виду практическихъ удобствъ, справедливымъ считалъ превращеніе апракоса въ тетрѣ, то надо было быть послѣдовательнымъ, удаляя изъ созданнаго имъ четвероевангелія все, характеризующее апракосъ, въ отличіяхъ его отъ тетра. Въ изданіи проф. Воскресенскаго мы имѣемъ не только не существующій текстъ, но имѣемъ и не соответствующій нашему представленію текстъ четвероевангелія: получилось четвероевангеліе съ отличительной чертой апракоса. Указатель чтеній въ апракосахъ, помѣщенный издателемъ въ концѣ введенія (стр. 84—85), нѣсколько, но не вполне, поправляетъ дѣло: съ помощью его мы можемъ установить, или точнѣе, возстановить типъ евангелій, бывшихъ въ ходу до XIV в., когда на смѣну ихъ явился новый (4-й редакціи). Какой же приемъ можно бы порекомендовать издателю, рѣшившемуся печатать евангеліе по разнымъ редакціямъ en regard? Можно, думается, было печатать апракосъ, сохраняя неприкосновенными отдѣльные чтенія и ихъ надписанія параллельно съ текстомъ четвероевангелія другихъ редакцій: это немного бы нарушило стройныя колонны изданія, но не внесло бы неудобства въ другомъ отношеніи: не заставило бы насъ съ помощью таблицы возстановлять отдѣльное чтеніе евангелія и нагляднѣе бы показало отличія апракоса отъ тетра. Перемѣщенія въ послѣдовательности чтеній, представляемые апракосомъ, могли бы быть удалены путемъ обозначенія надписаній или въ текстѣ, или въ примѣчаніяхъ, какъ это сдѣлано въ иныхъ случаяхъ авторомъ.

Другія замѣчанія автора введенія также не лишены интереса; именно, замѣчанія его о рукописяхъ, не выдерживающихъ строго установленной для нихъ авторомъ редакціи и объ отношеніи въ этомъ случаѣ между апракосами полными и сокращенными. Перваго мы уже коснулись выше; вто-

рое невольно наводитъ насъ опять на рядъ вопросовъ, на которые, однако, авторъ ни въ изслѣдованіи, ни во введеніи не даетъ объясненія, ограничившись по обыкновению простымъ сообщеніемъ наблюденія¹⁾. А наблюденіе его, если мы его облечемъ въ нѣсколько иную форму, не безынтересно: оказывается, что евангелія — апракосы «сокращенные» представляютъ болѣе однообразія въ чтеніяхъ, нежели апракосы полные²⁾. Что это значитъ? Значитъ ли это, что въ апракосахъ «сокращенныхъ» текстъ сохранился лучше, т. е. ближе къ первоначальному переводу? Гдѣ въ апракосахъ полныхъ наблюдается разница въ чтеніяхъ: во всѣхъ чтеніяхъ, или преимущественно въ будничныхъ, т. е. лишнихъ противъ апракоса «сокращеннаго»? Отъ этого наблюденія зависитъ многое, начиная съ вопроса: какой текстъ апракоса явился впервые на славянскомъ языкѣ: полный ли, или «сокращенный»?³⁾ Изслѣдованіе, болѣе детальное и точное, можетъ привести къ рѣшенію крупнаго вопроса объ отношеніи этихъ двухъ видовъ апракоса, а черезъ это можетъ насъ приблизить къ болѣе точному уясненію дѣятельности славянскихъ первоучителей и къ болѣе ясному представленію хода развитія письменности, именно евангелія. Относительно тетра, его болѣе поздняго появленія сравнительно съ апракосомъ мы знаемъ, имѣемъ даже документальное свидѣтельство въ источникахъ. Но разъ у насъ въ рукахъ два типа апракоса, невольно напрашивается вопросъ: какой старше, какой типъ считать первоначальнымъ? А это можно уяснить только сравненіемъ между собой списковъ того и другого типа. Можетъ быть, придется «сокращенный» апракосъ признать трудомъ Кирилла, а полный, переименовавши его въ «дополненный» трудомъ продолжителя дѣла Кирилла и Меодія, какъ это мы въ правѣ предполагать для тетра? Все это, взятое вмѣстѣ, опять заставляеть насъ посетовать на недостатокъ вниманія къ апракосамъ, какъ таковымъ, у автора, легко могшаго при своей копотливой работѣ надъ вариантами дать намъ матеріалъ для рѣшенія этого капитальнаго вопроса. Впрочемъ, трудъ автора и въ настоящемъ своемъ видѣ намъ не бесполезенъ: тщательность вариантовъ, приведенныхъ въ изобиліи въ изданіи, поможетъ будущему изслѣдователю провѣрить наблюденіе проф. Воскресенскаго и, можетъ быть, рѣшить этотъ вопросъ.

Обращаясь къ самому изданію Ев. Марка, мы можемъ только порадоваться, глядя на это стройное, удобное изданіе: въ этомъ отношеніи изда-

1) Ср. изслѣдованіе, стр. 27.

2) У автора это формулируется такъ: «Евангелія апракосы сокращенные лучше выдерживаютъ первую редакцію, чѣмъ апракосы полные» (стр. 7—8). Опредѣленіе терминовъ: «апракосъ сокращенный» и «апракосъ полный», см. въ изслѣдованіи, стр. 12—13, примѣч., или въ изданіи, стр. 12, примѣчаніе-же.

3) Правильнѣе и осторожнѣе я бы назвалъ его «*краткимъ*». «Сокращенный» какъ будто предрѣшаетъ вопросъ, далеко не рѣшенный.

ніе проф. Воскресенскаго далеко оставляетъ за собой изданіе покойнаго Амфилохія, котораго не даромъ упрекали въ излишнемъ загроможденіи текста матеріаломъ изъ вариантовъ, подобранныхъ безъ системы, неудобно расположенныхъ, тѣмъ затрудняется пользованіе изданіемъ. У Г. А. Воскресенскаго варианты по 112 рукописямъ расположены удобно, группами по принятымъ имъ редакціямъ. Если группировка вариантовъ по редакціямъ можетъ быть не всегда вѣрна, то это можетъ случиться, если мы признаемъ невѣрнымъ подведеніе подъ ту, а не иную, рубрику самой рукописи. Но и въ этомъ случаѣ прослѣдить ту или другую рукопись по вариантамъ, просто и ясно обозначеннымъ, легко. Можно только усумниться, развѣ въ полнотѣ вариантовъ, такъ какъ авторъ подбиралъ ихъ, руководясь готовой уже системой — дѣленіемъ на редакціи, не вполне правильнымъ, какъ мы это не разъ уже отмѣтили; можетъ быть, иногда мы встрѣтимъ пропускъ варианта, важнаго, характернаго со стороны формы: такого рода недочеты могли быть у автора, не отличающагося особенной филологической чуткостью. Не имѣя возможности провѣрить въ этомъ отношеніи трудъ автора, такъ какъ не имѣю подъ рукой рукописей, которыми пользуется авторъ, я не стану упрекать его на основаніи своего предположенія, допуская только à priori возможное. Выше изданія арх. Амфилохія стоятъ изданіе проф. Воскресенскаго и по исправности въ передачѣ текста: изданіе Амфилохія заслужило себѣ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ лестную славу. Не имѣя и въ этомъ отношеніи по тѣмъ же причинамъ возможности составить самостоятельное сужденіе о точности изданія Ев. Марка, я въ указанномъ выше своемъ отзывѣ принужденъ былъ сослаться на отзывъ проф. М. Муретова, взявшаго на себя трудъ провѣрить изданіе Г. А. Воскресенскаго по нѣсколькимъ подлиннымъ рукописямъ¹⁾. Эта провѣрка показала, что изданіе Воскресенскаго, если и стоитъ значительно выше изданія Амфилохія, то все же не можетъ быть названо безукоризненно точнымъ: помимо неточностей въ палеографическомъ отношеніи²⁾, въ изданіи вкралось значительное количество опечатокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ дать даже невѣрное представленіе о чтеніи того или другого мѣста³⁾. Достаточно сказать, что сравненіе съ шестью текстами подлинныхъ рукописей⁴⁾ дало 19 страницъ опечатокъ. Это нѣсколько портитъ то пріятное впечатлѣніе, которое мы выносимъ при первомъ взглядѣ на изданіе.

1) Богословскій Вѣстникъ, 1897 г., № 1, 2, стр. 459 и сл. (Протоколы засѣданій духовной академіи).

2) Проф. Муретовъ эти неточности отмѣтилъ только для Галичскаго текста.

3) См. у Муретова, стр. 461, (курсивъ).

4) У Муретова: Галицкое, Мстиславово, Чудовское, Константинопольское 1883 г. Маріинское (по изд. Ягича), Саввино; стр. 460—478.

Будемъ ждать, какъ и относительно изслѣдованія, продолженія труда Г. А. Воскресенскаго, который, закончивъ изданіе другихъ евангелій, дастъ намъ возможность замѣнить болѣе совершеннымъ изданіемъ изданіе покойнаго Амфилохія, съ трудомъ котораго мы должны имѣть дѣло для остальныхъ трехъ евангелистовъ.

III.

Послѣдній изъ трудовъ проф. Воскресенскаго — «Посланіе ап. Павла къ Римлянамъ» — подобно предыдущему, есть начало приложеній къ другому труду автора: «Древне-славянскій апостолъ и его судьба до XV в. Опытъ изслѣдованія». Разница отъ предыдущаго труда по изданію Марка въ томъ, что изслѣдованіе и приложенія раздѣлены тринадцатилѣтнимъ промежуткомъ¹⁾. Можно бы ожидать, что въ изданіи мы увидимъ существенное измѣненіе приемовъ и взглядовъ автора сравнительно съ тѣмъ, что сказано имъ было въ изслѣдованіи. На дѣлѣ же мы особеннаго прогресса въ этомъ отношеніи у автора не видимъ. Поэтому, не имѣя права подвергать разбору и обсужденію изслѣдованіе автора объ апостолѣ, все-таки считаю себя въ правѣ имѣть въ виду «Изслѣдованіе», насколько оно поможетъ намъ уяснить взгляды автора, высказываемые имъ въ изданіи: считая свои выводы вполне удовлетворительными въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ высказалъ въ «Изслѣдованіи», авторъ во введеніи къ изданію ограничился ихъ сокращеннымъ повтореніемъ, отсылая насъ за подробностями къ «Изслѣдованію». Такъ, онъ устанавливаетъ четыре редакціи апостольскаго текста: 1) древнѣйшую юго-славянскую, образчикомъ которой считаетъ русскій синодальный текстъ 1220 г., снабженный толкованіемъ; этотъ текстъ — основной въ изданіи; къ этой же редакціи отнесено еще 32 текста, принятыхъ имъ въ варианты; 2) русскую XIV в., представителемъ которой считается Толстовскій апостолъ XIV в. (И. П. Б. № 5) и еще 11 списковъ, изъ которыхъ одинъ сербскій и два болгарско-русскихъ (Б 4, 5, 9); 3) третью редакцію представляетъ единственный русскій списокъ, приписываемый Алексѣю митр.²⁾; 4) русскую же, съ спискомъ 1499 г. (Геннадіевская Библия) во главѣ, редакцію XIV в. представляетъ четвертая редакція. Въ этомъ распредѣленіи списковъ апостола видимъ повтореніе того, что высказано авторомъ въ его изслѣдованіи о евангеліи; т. е. то важное, само по себѣ вѣрное, наблюденіе, что исторія апостола шла тѣмъ

1) Изслѣдованіе объ апостолѣ вышло въ 1879 г. (Москва).

2) Въ 1892 г. авторъ еще вѣрилъ въ принадлежность списка перу и труду митроп. Алексѣя (см. стр. 38). Колебаніе, которое въ этомъ отношеніи видимъ въ изслѣдованіи о евангеліи Марка, еще не существуетъ.

же путемъ, что и евангелія, и, мало того, мы имѣемъ передъ собой одну общую исторію св. писанія, одинъ изъ фактовъ которой авторъ прослѣдилъ по отдѣльнымъ частямъ ея, по ев. Марка и по апостолу. Этимъ объясняется соотвѣтствіе въ фактахъ въ исторіи апостола и евангелія. Но этимъ же объясняются и тѣ общія ошибки, которыя мы намѣтили въ изслѣдованіи евангелія: они будутъ одинаково примѣнимы и къ изслѣдованію автора объ апостолѣ, а, стало быть, и къ изданію Посланія къ Римлянамъ, насколько самое изданіе и введеніе къ нему суть слѣдствія его «Изслѣдованія». Дѣйствительно, и во введеніи къ изданію авторъ счелъ возможнымъ повторить сказанное имъ въ «Изслѣдованіи» 13 лѣтъ тому назадъ. Вотъ его слова о второй редакціи: «Видно, что 1) трудъ исправленія апостольскаго текста, какимъ онъ представляется въ вышеозначенныхъ (2-й ред.) рукописяхъ, совершенъ кѣмъ либо въ Россіи, такъ какъ за исключеніемъ небольшого отрывка (Б 4) всѣ списки Апостола этой редакціи русскіе, и 2) что списки этого рода не имѣли большого распространенія у насъ въ Россіи, и почти были неизвѣстны у славянъ южныхъ, болгаръ и сербовъ» (стр. 34)¹⁾. Здѣсь видимъ тотъ же «статистическій» методъ, о непригодности котораго по отношенію къ евангелію мы уже говорили... Видимъ и послѣдствія его — прикрѣпленіе второй редакціи къ Россіи. Не повторяя сказаннаго, ограничимся напоминаніемъ объ общности исторіи евангелія и апостола, о присутствіи юго-славянскихъ списковъ²⁾ въ числѣ списковъ «русской» редакціи, появленіе которыхъ при взглядѣ проф. Воскресенскаго не объяснимо. Не ясно также, почему эту вторую редакцію авторъ считаетъ нужнымъ отнести къ XIV в.? Можетъ быть потому, что списковъ ея у него не нашлось старше этого времени? Въ этомъ случаѣ можно напомнить ему не только связь евангельской второй редакціи, относимой къ XI в. имъ самимъ (изслѣдованіе о евангеліи, стр. 253), съ чѣмъ согласны его разсужденія, можетъ быть слишкомъ опредѣленные по выводамъ, о русской рецензіи церковнославянскихъ памятниковъ въ его «Изслѣдованіи» объ апостолѣ (стр. 28 и сл.); можно напомнить также его собственныя разсужденія (и въ данномъ случаѣ правильныя) о болгарской и сербской рецензіяхъ, бывшихъ въ ходу до Евѣимія тръновскаго и Константина Костенчскаго (стр. 23, 24, 26 «Изслѣдованія» объ апостолѣ); наконецъ, начало этой редакціи онъ самъ могъ увидать въ апостолѣ 1220 г., въ которомъ, по заключенію самого автора, есть мѣста съ исправленіями, и индивидуальныя особенности котораго (по отношенію къ спискамъ 1-й ред.)

1) То же въ «Изслѣдованіи», на стр. 181. Разрядка цитаты принадлежитъ мнѣ.

2) Ихъ не одинъ, какъ отмѣчаетъ авторъ, а три по его-же счету: Б 5 и 9, списки *болгарско-русскіе*, предполагаютъ несомнѣнное существованіе *болгарскихъ* ихъ оригиналовъ. Ср. «Изслѣдованіе», стр. 179—181.

«приняты въ списки позднѣйшіе новыхъ редакцій, но не раздѣляются Охридскимъ, Слѣпченскимъ и другими древнѣйшими списками» («Исслѣдованіе», стр. 231)¹⁾. Все это, взятое вмѣстѣ, подрываетъ довѣріе къ установленной авторомъ формулировкѣ второй редакціи и заставляетъ отнестись къ спискамъ ея иначе: это выясненіе отношеній между 1-й и 2-й редакціей можетъ быть произведено только постепеннымъ изученіемъ списковъ той и другой группы, параллельныхъ изученіемъ апостольскаго текста съ евангельскимъ. Надо надѣяться, что это изученіе еще болѣе подтвердитъ тѣсную связь апостола и евангелія въ ихъ исторіи, которая обрисуетъ приблизительно въ тѣхъ чертахъ, которыя отчасти намѣтились у насъ при разсмотрѣніи труда проф. Воскресенскаго объ евангеліи; вскроется та постепенность перехода отъ одного типа рукописей къ другому и въ апостола²⁾, которую мы подмѣтили въ евангеліи; исторія апостола не будетъ такъ отрывочна, какъ она представляется при дѣленіи на редакціи у Г. А. Воскресенскаго: станетъ невозможнымъ черезъ чуръ рѣзкое опредѣленіе самого термина «редакціи», измѣнится объемъ и содержаніе его... Въ связи съ вопросомъ о редакціяхъ, слѣдуетъ поставить вопросъ объ основныхъ спискахъ: это зависитъ отъ широты рамокъ, которыя ставить себѣ авторъ: если бы онъ имѣлъ въ виду намѣтить и обозрѣть списки апостола, бывшіе въ ходу въ Россіи, то можно было бы помириться съ его выборомъ: дѣйствительно, апостоль 1220 г. можетъ быть признанъ старѣйшимъ представителемъ извѣстныхъ русскихъ списковъ апостола; но авторъ имѣлъ въ виду болѣе широкую задачу — старо-славянскій апостоль, какъ это видно въ его «Исслѣдованіи» и въ заголовкѣ разсматриваемаго изданія; русскій списокъ есть одна изъ обработокъ стараго текста; поэтому апостоль 1220 г., какъ представитель той редакціи, которая, составляя дальнѣйшее развитіе первоначальнаго текста, распространилась на Руси, не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ тѣми юго-славянскими списками, которые, хотя и моложе по письму, ближе стоятъ къ первоначальному тексту, т. е. апостоль 1220 г. едва-ли можетъ быть представителемъ первой славянской редакціи: въ основу долженъ былъ лечь списокъ юго-славянскій и притомъ апракосный, такъ какъ этотъ именно типъ является господствующимъ въ начальномъ періодѣ письменности³⁾. Нѣкоторымъ оправданіемъ для издателя можетъ служить развѣ то, что въ юго-славянскихъ спискахъ мы до сихъ поръ не нашли полнаго

1) То же намѣчено авторомъ и для другихъ рукописей, напр. для апостола 1307 г. (А 9; стр. 17 изданія), ап. 1391 г. (А 16; стр. 21).

2) Ср. Archiv für sl. Phil. XV, 612.

3) Ср. Archiv für sl. Phil. XV, 611.

текста апостола¹⁾. Но «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ»: можетъ быть, цѣлесообразнѣе было бы нѣсколько поступиться прекраснымъ, несомнѣнно, обычаемъ изданія рукописи, какъ она есть (выбравши типичную изъ цѣлаго ряда), и дать въ изданіи текстъ сводный, т. е. составленный на основаніи критически оцѣненныхъ нѣсколькихъ рукописей, при чемъ, конечно, измѣнять самый текстъ не слѣдовало бы, а ограничиться одной рукописью, какъ основной, а недостающія части дополнять изъ другихъ, близкихъ къ ней въ аналогичныхъ частяхъ. Такое изданіе, если было бы не строго научно, во всякомъ случаѣ было бы для насъ полезнѣе, нежели цѣликомъ изданный текстъ, измѣненный въ самыхъ своихъ чтеніяхъ примѣнительно къ позднѣйшей версіи: такой комбинированный текстъ, каковъ будетъ предлагаемый, во всякомъ случаѣ будетъ давать болѣе полное и точное представленіе о первоначальномъ видѣ апостола (конечно, касательно чтеній и особенностей текста), нежели апостоль 1220 г., носящій въ себѣ зачатки уже иной редакціи. При изданіи же такого текста, каковъ апостоль 1220 г., мы должны, при помощи вариантовъ, извлекать первоначальныя или болѣе древнія чтенія, тогда какъ варианты по самому своему смыслу представляютъ отклоненія отъ нормы, даваемой въ основномъ текстѣ. Словомъ: мы здѣсь имѣемъ то-же неудобство, какое мы отмѣтили по отношенію къ Галичскому тексту евангелія, какъ основному. Большую часть введенія, какъ и при изданіи евангелія, и здѣсь занимаетъ краткое описаніе рукописей, введенныхъ авторомъ въ его изданіе: это — сокращеніе того, что авторъ далъ въ первой части своего «Изслѣдованія» (стр. 50—188)²⁾. Вновь описаны рукописи, ставшія извѣстными автору послѣ его «Изслѣдованія», именно 13 рукописей редакціи А, 6 рукописей — Б и 7 — Г. Не касаясь подробностей этого списка (онѣ по характеру тѣ-же, что и въ изслѣдованіи о евангеліи, съ тѣми же недостатками), обращаемъ невольное вниманіе на нѣкоторые недочеты: къ удивленію не находимъ извѣстнаго Хвалова текста, о которомъ по отношенію къ евангелію авторъ такъ лестно отозвался (А. 38; изданіе евангелія, стр. 34—36): это полный по составу, замѣчательный по древности чтеній текстъ. Что это со стороны автора недосмотръ, ясно изъ того, что ему этотъ текстъ извѣстенъ, равно какъ и литература именно объ апостольскомъ текстѣ: онъ ее приводитъ въ своемъ изслѣдованіи объ евангеліи и во введеніи къ изданію

1) Это оправданіе можетъ годиться только для *ессей* апостола: отдѣльныя части его (посланія) можно найти цѣликомъ и въ юго-славянскихъ рукописяхъ, какова Хвалова-болонская, напр. Въ полныхъ апракосахъ Посланіе къ Римлянамъ помѣщается все, кромѣ послѣднихъ 3-хъ стиховъ.

2) Кстати: эти описанія въ «Изслѣдованіи» гораздо удовлетворительнѣе въ филологическомъ отношеніи, нежели въ изданіи, удовлетворительнѣе, нежели и въ изслѣдованіи автора объ евангеліи.

евангелія (стр. 36). Это тѣмъ болѣе неприятно, что Хваловъ текстъ не апракосный, а сплошной¹⁾. Другимъ недосмотромъ, болѣе или менѣе существеннымъ, надо счесть то, что автору осталось неизвѣстнымъ капитальное изслѣдованіе о палеографіи, языкѣ и чтеніяхъ Македонскаго апостола, помѣщенное проф. Ю. И. Поливкой въ Archiv'ѣ Ягича (X, 106—132; 417—483): это описаніе по точности и филологической разработкѣ текста далеко оставляетъ за собой болѣе раннее описаніе автора въ «Изслѣдованіи объ апостолахъ» (стр. 104—111).

Такимъ образомъ прослѣдивъ, насколько допускаетъ введеніе, взгляды и приемы издателя и изслѣдователя апостола, мы видимъ въ общемъ тѣ же недостатки, которые оказались въ его трудахъ по евангельскому тексту. Съ другой стороны, мы должны признать, что тѣ достоинства, которыя мы указали въ изданіи ев. Марка, могутъ быть приложены и къ числу достоинствъ и изданія Посланія къ Римлянамъ: то-же удобство въ расположеніи текста, то-же цѣлесообразное размѣщеніе вариантовъ.

Что же касается исправности изданія, то въ этомъ случаѣ не могу сказать даже того, что сказалъ я по отношенію къ изданію ев. Марка: я не имѣлъ возможности провѣрить изданіе проф. Воскресенскаго по рукописямъ, которыя мнѣ остались недоступны. Основаній иныхъ для того, чтобы считать это изданіе хуже или лучше въ смыслѣ точности, нежели предыдущее, у меня нѣтъ.

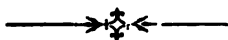
Этимъ я заканчиваю свои замѣтки объ изданіи «Посланія къ Римлянамъ».

Этимъ заключаю и весь свой посильный разборъ трудовъ проф. Воскресенскаго, представленныхъ на соисканіе Уваровской преміи. Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ ознакомленія съ ними, несомнѣнно, говоритъ въ пользу ихъ: не смотря на недостатки въ методѣ въ разныхъ его примѣненіяхъ и недочеты со стороны филологической критики и оцѣнки фактовъ, имѣвшія послѣдствіемъ не вездѣ правильное и полное освѣщеніе всего вопроса и его частныхъ, трудъ Г. А. Воскресенскаго съ лихвой вознаграждаетъ насъ своими достоинствами, выразившимися въ относительной полнотѣ и, въ большинствѣ случаевъ, новизнѣ матеріала, внесеннаго имъ въ свое изслѣдованіе, въ тщательности, если не вездѣ разносторонности, обработки этого матеріала. Если изслѣдованіе проф. Воскресенскаго не во всѣхъ своихъ частяхъ достигло прочнаго рѣшенія поднятыхъ или задѣтыхъ имъ вопросовъ, то во всякомъ случаѣ массой новаго мате-

1) Я не отношу къ числу *недосмотровъ* ту же односторонность въ подборѣ текстовъ апостола, которую мы отмѣтили въ его изслѣдованіи объ евангеліи: отсутствіе католическо-славянскихъ апостольскихъ текстовъ составляло недостатокъ самаго «Изслѣдованія», а потому и не подлежитъ обсужденію здѣсь, въ рецензій на изданіе.

ріала, предлагаемаго изслѣдованіемъ и отчасти имъ же разработаннаго, трудъ проф. Воскресенскаго подготовляетъ почву для будущихъ изслѣдователей, которымъ, уже наученнымъ опытомъ Г. А. Воскресенскаго, легче будетъ подойти къ рѣшенію вопросовъ, которыхъ рѣшить не могъ онъ, первый, попробовавшій, и не вездѣ безъ успѣха, обобщить достигнутое наукой, провѣривши достигнутое до него новымъ матеріаломъ, такъ трудолюбиво имъ изслѣдованнымъ.

Беря на себя, въ силу лестнаго предложенія Императорской Академіи Наукъ, смѣлость высказать сужденіе о трудахъ проф. Воскресенскаго, я счелъ бы ихъ вполне достойными малой Уваровской награды: этимъ, смѣю думать, Академія не только почтила бы трудолюбіе автора, выразившееся въ изслѣдованіи и особенно въ изданіяхъ евангелія и апостола, дающихъ не менѣе, чѣмъ изслѣдованіе, цѣнный, прекрасно обставленный матеріалъ изслѣдователю, но и поощрила бы проф. Воскресенскаго къ продолженію и успѣшному завершенію его труда въ будущемъ на поприщѣ изслѣдованія судьбы св. писанія въ славянской и русской литературахъ.

В. Т. Георгіевскій: Флорищева пустынь.

Историко-археологическое описаніе съ рисунками. Изданіе архимандрита
Антонія. Вязники 1896 г.

Отзывъ профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскаго.

Важность историко-археологическихъ описаній русскихъ монастырей и ихъ памятниковъ, въ интересахъ научнаго знанія, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: они сообщаютъ новые, иногда очень цѣнные, матеріалы — историческіе и археологическіе, расширяютъ историческій кругозоръ и уясняютъ исторію русскаго просвѣщенія. Сравнительная степень важности описаній и изслѣдованій этого рода зависитъ какъ отъ пріемовъ, которыхъ придерживаются ихъ авторы, и наличныхъ источниковъ, такъ и отъ самаго предмета изслѣдованія. Троице-Сергіева лавра во всякомъ случаѣ составляетъ болѣе благодарный и важный предметъ изслѣдованія, чѣмъ, напримѣръ, костромской Богоявленскій монастырь. Тѣмъ не менѣе и описанія монастырей второго и третьяго порядка, особенно составленныя опытною рукою, заслуживаютъ всякаго уваженія. — Флорищева пустынь, — предметъ историко-археологическаго описанія В. Т. Георгіевскаго, не принадлежитъ къ числу тѣхъ древнѣйшихъ и знаменитыхъ обителей, которыя были просвѣтительными центрами въ древней Россіи, а потому исторія ея не сложна и сосредоточивается главнымъ образомъ на внѣшнихъ фактахъ благоустроенія обители, храмовъ, келлій и т. п. На блѣдномъ фонѣ ея выдѣляется, впрочемъ, блестящею точкою личность митрополита Суздальскаго Иларіона, перваго устроителя обители. Простой перечень главъ сочиненія г. Георгіевскаго дастъ понятіе объ его содержаніи и общемъ направленіи. Въ 1-й главѣ авторъ говоритъ о началѣ Флорищевой пустыни и построеніи первой деревянной церкви, во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й объ Иларіонѣ и его дѣятельности по устроенію монастыря, въ 6-й о строительствѣ Ирнарха, въ 7-й о строительствѣ Иерофея, въ 8-й объ исторіи пустыни со времени воцаренія Елизаветы Петровны, въ 9-й о монастырскихъ храмахъ, въ 10-й объ иконахъ и настѣнномъ писмѣ, въ 11-й и 12-й о ризницѣ и

библіотекѣ, въ 13-й о богослуженіи, въ 14-й о монастырскихъ зданіяхъ и хозяйствѣ монастыря, въ 15-й о приписныхъ церквахъ. Въ приложеніяхъ дано описаніе монастырскихъ книгъ и рукописей и изданіе *in extenso* грамотъ, описей, доношеній и т. п. Авторъ собралъ относящійся къ его предмету матеріалъ изъ рукописей и печатныхъ изданій, привелъ его въ стройный порядокъ и далъ вѣрное представленіе о несложной и непродолжительной исторіи Флорищевой пустыни. Въ изложеніи первоначальной исторіи пустыни и дѣятельности митрополита Иларіона авторъ пользуется главнымъ образомъ составленною въ половинѣ XVIII вѣка «Повѣстію о блаженной жизни преосвящ. Иларіона, митрополита Суздальскаго, бывшаго перваго строителя Флорищевскія обители и о построеніи той обители», извѣстною по нѣсколькимъ рукописямъ, изъ которыхъ одна даже напечатана въ Православномъ Собесѣдникѣ (1868 г.). Но сухой пересказъ событій Повѣсти является подъ перомъ г. Георгіевскаго въ изящной формѣ, не лишенной даже поэтическаго оттѣнка. Предъ читателемъ въ живыхъ картинахъ проходятъ первые моменты исторіи пустыни, обрисовывается въ довольно яркихъ краскахъ біографія митрополита Иларіона, устроеніе пустыни, правила иноческаго жизни, знакомство митрополита Иларіона съ царемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ, царскіе богомольные походы въ Флорищеву пустынь, построеніе каменной соборной церкви и возведеніе Иларіона въ санъ митрополита Суздальскаго, строительство Ирнарха и окончательное устроеніе обители. Самая обыкновенная исторія небольшого монастыря, небогатаго, заброшеннаго въ лѣсной глуши, читается, такимъ образомъ, съ интересомъ. Конечно, возможно было бы пожелать большей полноты въ освѣщеніи личности митрополита Иларіона; не излишне было бы дополнить характеристику этого лица нѣкоторыми свѣдѣніями объ его святительскомъ служеніи, поводъ къ чему давали его продолжавшіяся сношенія съ Флорищевой пустынею; замѣтенъ также нѣкоторый недочетъ въ характеристикѣ быта монаховъ-насельниковъ пустыни, о чемъ авторъ упоминаетъ лишь мимоходомъ, основывая свою характеристику на уставныхъ правилахъ монастыря, которыя въ обычномъ порядкѣ обрисовываютъ не столько ихъ исполнителей, сколько составителей. Но главная причина этихъ недочетовъ заключается въ характерѣ источниковъ. — Дальнѣйшая исторія пустыни въ XVIII вѣкѣ излагается въ связи съ правительственными мѣропріятіями относительно монашества и монастырей: но эта исторія, при скудости сколько нибудь значительныхъ событій въ Флорищевой пустыни, естественно сводится къ отмѣткѣ заурядныхъ явленій — увеличенія или уменьшенія числа монаховъ, земельныхъ угодій и владѣній, пожаровъ или болѣзней, кое-какихъ безпорядковъ и злоупотребленій по управленію монастырскими дѣлами. Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что въ этой обители

принялъ монашество любимецъ и сподвижникъ Петра I бояринъ Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и даетъ полный перечень всѣхъ настоятелей монастыря (1655—1872 г.).

Обозрѣніе археологическихъ памятниковъ пустыни начинается съ Успенскаго собора XVIII вѣка: его архитектура не представляетъ какихъ либо рѣдкихъ особенностей; впрочемъ, любопытна одна черта въ его внутреннемъ видѣ, мимоходомъ упомянутая авторомъ, именно, — что алтарь здѣсь отдѣляется отъ средняго храма каменною стѣною съ тремя пролетами, каковая подробность сближаетъ этотъ храмъ съ храмами Ростовскими. Слѣдующее затѣмъ описаніе иконъ не отличается полнотою и ясностію, какія необходимы въ описаніяхъ этого рода. Объ иконѣ Владимірской Богоматери (стр. 119) авторъ, на основаніи надписи, начеканенной на новой ризѣ, говоритъ, что она написана искусною рукою знаменитаго (?) изографа Ивана Андреева Чирова въ 1464 году. Считаю надпись на ризѣ копіею съ другой надписи, написанной на самой иконѣ, и полагая ее въ основу оцѣнки памятника, авторъ, въ интересѣ научной точности, долженъ былъ обследовать оригинальную надпись на самой иконѣ, — и тогда обнаружилось бы одно изъ двухъ: или, — что никакой надписи на иконѣ нѣтъ, или, — что надпись на ризѣ не точно передаетъ оригинальную надпись иконы; надпись на ризѣ по своему тексту стоитъ ближе къ XVIII, чѣмъ къ XV вѣку¹⁾. — Любопытная икона Цареградской Богоматери «съ изображеніемъ города на персяхъ Богоматери» недостаточно оцѣнена авторомъ съ стороны художественно-археологической. — Описывая храмовую икону Успенія Богоматери, авторъ замѣчаетъ, что на ней есть надпись Ушакова (стр. 122), но самой надписи не приводитъ; между тѣмъ надпись такого знаменитаго художника, какъ Ушаковъ, несомнѣнно того заслуживаетъ. — На стр. 124 запись «Писалъ сей св. образъ Пимень Ѳедоровъ по прозванію Симонъ Ушаковъ въ 7183 году» приводится авторомъ не по оригиналу, но по копіи на чеканной ризѣ. — На стр. 126 очень неопредѣленная оцѣнка иконъ, не имѣющая археологической важности: «замѣчательны и другія иконы въ иконостасѣ, писанныя несомнѣнно (?) учениками Ушакова также и иконы около столбовъ храма». Къ какимъ именно иконамъ относится эта оцѣнка и почему онѣ считаются произведеніемъ школы Ушакова неизвѣстно. — На стр. 127, въ описаніи иконы «О тебѣ радуется» авторъ замѣчаетъ, что на поляхъ ея находятся, между прочимъ, «Іоакимъ и Анна въ пустынѣ и среди стада»; но «въ пустынѣ и среди стада» пишется обычно одинъ Іоакимъ, Анна же при иной обстановкѣ, сообразно съ древнимъ преданіемъ о событіяхъ зачатія и дѣтства Пресв. Богородицы. — Въ описаніи иконы

1) «Писалъ въ Нижнемъ Новгородѣ изографъ Иванъ Андреевичъ Чировъ по общанію болохонца Ивана Яковлева Ветошникава».

Успенія Пресв. Богородицы на стр. 128 слѣдовало сказать не только о церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ источникѣ для иконографіи Успенія Б. М., но и о древнемъ преданіи, излагающемъ въ связномъ разсказѣ исторію Успенія. — Сортировка иконъ по такъ называемымъ иконописнымъ школамъ въ сочиненіи г. Георгіевскаго отличается крайнею рѣшительностію, приводящею читателя въ смущеніе. Авторъ обычно выражается такъ: икона Казанской Божіей Матери *московскихъ писемъ*, икона Спасителя *греческихъ писемъ*, икона Казанской Богоматери превосходныхъ *Строгановскихъ писемъ*, . . . эти иконы по *манеръ письма* нужно отнести къ *московскимъ* и *нужно думать* (?), что онѣ были писаны *учениками Ушакова*; икона св. угодниковъ несомнѣнно XVII вѣка *московскихъ писемъ*; икона воскресенія прекрасныхъ *Строгановскихъ писемъ* и т. д. (стр. 130, 131, 136, 137, 138, 151). Приговоръ очень рѣшительный, но для него не показано никакихъ основаній. Правда, въ примѣчаніи на стр. 138 авторъ ослабляетъ рѣшительный тонъ приведенныхъ отзывовъ, замѣчая, что въ классификаціи иконъ по иконостаснымъ школамъ онъ руководится тѣми правилами, которыя распространены среди собирателей и любителей иконъ и не претендуетъ на непогрѣшимость. Но специалистъ долженъ знать, что эти любительскія правила крайне шатки и не могутъ претендовать не только на непогрѣшимость, но и даже на полную вѣроятность, а потому необходимо было отнестись къ нимъ съ большимъ ученымъ безпристрастіемъ и сдержанностію, провѣрить ихъ и во всякомъ случаѣ показать приложимость ихъ къ разсматриваемымъ иконамъ: только подъ этимъ условіемъ названная классификація могла бы имѣть свою научную цѣнность.

Библіотека рукописей Флорищевой пустыни, довольно обширная и разнообразная, уже давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, особенно А. С. Викторова. Г. Георгіевскій, справедливо находя предшествующія описанія этихъ рукописей недостаточными, приступилъ къ новому, болѣе полному и исправному описанію ихъ; но эта работа не доведена до желательнаго совершенства: г. Георгіевскій, въ виду важности содержанія нѣкоторыхъ рукописныхъ сборниковъ этой библіотеки, надѣется описать ихъ еще разъ въ болѣе подробномъ видѣ и издать особо (стр. 116), что по всей вѣроятности и будетъ исполнено.

Въ виду всего вышеизложеннаго я полагаю бы справедливымъ поощрить труды В. Т. Георгіевскаго присужденіемъ ему почетнаго отзыва.

Рецензія на сочиненіе „Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I“, историко-юридическое изслѣдованіе проф. Щеглова.

Составилъ по порученію Императорской Академіи Наукъ М. И. Свѣшниковъ, профессоръ Военно-юридической Академіи и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Историко-юридическое изслѣдованіе Государственнаго Совѣта въ царствованіе императора Александра I, сдѣланное проф. Щегловымъ въ разбираемомъ мною трудѣ, есть только часть работы, предпринятой почтеннымъ профессоромъ и посвященной изслѣдованію Государственнаго Совѣта въ Россіи. Въ 1892 году тотъ же авторъ издалъ I-й томъ своего сочиненія о Государственномъ Совѣтѣ въ Россіи. «Настоящій трудъ», говоритъ профессоръ Щегловъ въ своемъ предисловіи къ разбираемому сочиненію, «является продолженіемъ моего изслѣдованія о Государственномъ Совѣтѣ въ Россіи (1892 г.), но въ то же время онъ самостоятельная работа, независимая отъ перваго тома сочиненія, отличная отъ него по своему методу и содержанію».

Разбираемое сочиненіе (501 стр.) состоитъ изъ обширнаго введенія (151 стр.) — 5 главъ и заключенія (стр. 469—501). Главы вторая, третья и пятая имѣютъ общее заглавіе. Главы 1 и 3 такого общаго заглавія не имѣютъ. Главы 2, 3 и 5 составляютъ большую часть сочиненія (151—356 и 418—469), которая, по словамъ самого автора (предисловіе, IV) «совершенно новая и особенно важная по своимъ выводамъ». Вторая и третья главы посвящены законодательной дѣятельности непремѣннаго Совѣта, а глава пятая законодательной дѣятельности Государственнаго Совѣта. Другая, меньшая часть сочиненія, обнимающая введеніе, первую и четвертую главу, является переработкою съ новыми дополненіями прежняго труда, а именно во введеніе къ разбираемому сочиненію вошла часть вторая главы I-го тома (изд. 1892 г.); главы 3 и 4 того-же I-го тома вошли въ 1 и 4 главы даннаго сочиненія.

Такимъ образомъ настоящій трудъ почтеннаго ученаго распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна написана по перво-источникамъ, другая изложена по прежнему сочиненію того-же автора.

Первая новая часть сама по себѣ не заключаетъ никакихъ выводовъ. Это обзоръ по предметамъ дѣятельности Государственнаго Совѣта. Обзоръ этотъ, какъ я буду имѣть честь показать, не имѣетъ никакого существеннаго значенія для выводовъ автора, помѣщенныхъ въ заключеніи къ разбираемому труду. Все, что изложено въ заключеніи, какъ общіе выводы всего труда, вытекаетъ изъ предыдущихъ частей сочиненія: введения, главы 1 и 4, которыя являются переработкою прежняго сочиненія о Государственномъ Совѣтѣ (изд. 1892 г.).

Первый томъ сочиненія проф. Щеглова о Государственномъ Совѣтѣ, изданный въ 1892 г., вызвалъ обстоятельную рецензію проф. В. Н. Латкина (Истор. Вѣстн., 1893 г., 8-я книга). Не касаясь высказанной уже въ печати критики взглядовъ проф. Щеглова по исторіи нашихъ совѣщательныхъ установленій при монархѣ, я сосредоточу главное свое вниманіе, на сколько избранные авторомъ предметъ, задача и методъ изслѣдованія Государственнаго Совѣта въ Царствованіе императора Александра I даетъ право разбираемому сочиненію называться «историко-юридическимъ изслѣдованіемъ».

Когда мы встрѣчаемся съ такою важною задачею: «историко-юридическое изслѣдованіе» Государственнаго Совѣта, то мы сразу можемъ поставить себѣ извѣстныя требованія, исполненіе которыхъ обязательно для автора подобнаго труда.

Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I, какъ предметъ историко-юридическаго изслѣдованія, долженъ быть освѣщенъ съ 2-хъ сторонъ — исторической и юридической.

Задача юридическаго изслѣдованія дать точную юридическую конструкцію изслѣдуемаго учрежденія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ его. Бытовыя условія жизни и дѣятельности даннаго учрежденія весьма желательны, но не обязательны для автора юридическаго изслѣдованія. Всякая научная юридическая конструкція является совокупностью простѣйшихъ юридическихъ отношеній, изъ которыхъ изслѣдователь долженъ сдѣлать извѣстное обобщеніе, которое и дастъ понятіе объ юридической природѣ даннаго учрежденія.

Задача историко-юридическаго изслѣдованія, очевидно, не избавляетъ автора при выясненіи историческихъ причинъ возникновенія и развитія даннаго учрежденія отъ обязанности держаться юридической стороны предмета. Углубляясь въ исторію вопроса, необходимо юристу-историку выдѣлить на всѣхъ стадіяхъ историческаго развитія факторы, вліяющіе на юридическую природу изслѣдуемаго установленія.

Примѣненіе обоихъ этихъ методовъ дастъ точно опредѣленные результаты изслѣдованія. Ни тотъ, ни другой въ отдѣльности, ни оба вмѣстѣ не

въ состояніи выяснитъ вполне научно всю совокупность условій возникновенія, существованія, развитія и паденія даннаго установленія. Всякій изслѣдователь долженъ точно знать, чего онъ можетъ достигъ въ своемъ изслѣдованіи. Юристъ-историкъ не можетъ обѣщать всесторонняго изслѣдованія даннаго вопроса, но юристъ-историкъ обязанъ обогатить науку выясненіемъ исторіи тѣхъ правовыхъ понятій и тѣхъ правовыхъ институтовъ, которые въ цѣпи историческихъ событій имѣли вліяніе на образованіе изслѣдуемаго имъ установленія. Въ обоихъ случаяхъ, и расширяя и суживая свою задачу, юристъ-историкъ отнимаетъ у своего труда право называться научнымъ изслѣдованіемъ. Научное изслѣдованіе предмета обязательно обуславливается примѣненіемъ точныхъ методовъ изслѣдованія. Съ этой точки зрѣнія я и желаю бы взглянуть на новый трудъ проф. Щеглова, дабы убѣдиться, насколько онъ успѣлъ историко-юридически выяснитъ намъ Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I.

Назвавъ свой трудъ «историко-юридическое изслѣдованіе», г. Щегловъ (Введеніе, стр. IV) заявляетъ, что въ настоящемъ сочиненіи преслѣдуется одна цѣль — изслѣдованіе путемъ историческаго метода образованія Государственнаго Совѣта въ XVIII вѣкѣ и особенно въ царствованіе императора Александра I. Въ качествѣ необходимаго дополненія къ его исторіи является по возможности полное изученіе дѣятельности разныхъ высшихъ учреждений XVIII в. и преимущественно всей дѣятельности непремѣннаго совѣта и законодательной — Государственнаго Совѣта. Эти слова автора многозначительны. Изъ нихъ прежде всего вытекаетъ неожиданное заключеніе для рецензента, что предметъ сочиненія не есть только Государственный Совѣтъ императора Александра I, но и образованіе подобныхъ совѣтовъ въ XVIII вѣкѣ. Это первая задача даннаго сочиненія. Три другихъ задачи являются «въ качествѣ необходимаго дополненія» къ исторіи Государственнаго Совѣта, а именно авторъ ставитъ себѣ цѣлью:

- 1) по возможности полное изученіе дѣятельности разныхъ высшихъ учреждений XVIII вѣка;
- 2) такое же изученіе преимущественно всей дѣятельности непремѣннаго совѣта и
- 3) законодательной — Государственнаго Совѣта.

Другими словами, эти дополнительныя цѣли должны выяснитъ какъ прошлые, такъ и послѣдующіе моменты въ образованіи Государственнаго Совѣта.

Г. Щегловъ нигдѣ не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ своего «историческаго метода»; поэтому мнѣ придется выяснитъ взглядъ на этотъ

методъ уважаемаго профессора изъ обзорѣнія самого примѣненія такого метода.

Если мы обратимся къ главной цѣли, вышеуказанной, — изслѣдованіе образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи въ XVIII в. и особенно въ царствованіе императора Александра I, — то является полное недоумѣніе, что разумѣетъ авторъ подъ словами: «образованіе Государственнаго Совѣта въ Россіи въ XVIII в.». Если подъ этимъ общимъ наименованіемъ онъ разумѣетъ всѣ бывшіе раньше совѣты при монархѣ (Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ, Конференціи, Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ, Высочайшій Совѣтъ), тогда главная цѣль автора преслѣдуется имъ согласно съ первою изъ указанныхъ дополнительныхъ цѣлей, т. е. авторъ ставитъ себѣ общую цѣль возможно полное изученіе разныхъ высшихъ учреждений XVIII вѣка. Такимъ образомъ, изслѣдованіе историческимъ методомъ образованія Государственнаго Совѣта у автора идетъ по слѣдующему пути: сначала излагаются, какъ говоритъ самъ авторъ (стар. 149), исторія русскаго высшаго центральнаго управленія въ XVIII в. (введеніе), далѣе авторъ дѣлитъ все царствованіе Александра I на первую эпоху реформъ до 1810 г. (глава I) и вторую эпоху реформъ (глава IV) послѣ 1810 г. Въ первую эпоху реформъ въ числѣ историческихъ причинъ образованія Государственнаго Совѣта главное мѣсто отводится взглядамъ самого Императора, во вторую эпоху реформъ такую же роль авторъ приписываетъ взглядамъ графа Сперанскаго. Этими частями сочиненія исчерпывается вполне примѣненіе историческаго метода къ изслѣдованію Государственнаго Совѣта въ Россіи. Остальныя части, а именно глава II, III, V, конецъ главы I (стр. 193—211) и IV (стр. 405—417) посвящены догматическому изложенію предметовъ дѣлъ, бывшихъ на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

Какъ же г. Щегловъ справился съ изслѣдованіемъ исторіи русскаго высшаго центральнаго управленія въ XVIII в. и къ какимъ результатамъ онъ пришелъ?

Примѣненіе историческаго метода къ изслѣдованію центральнаго управленія Россіи привело г. Щеглова въ заключенію (стр. 469), что развитіе этого управленія совершалось подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ. Эта неопредѣленная фраза нѣсколько выясняется изъ слѣдующихъ словъ, а именно, что во второй половинѣ XVIII в. отпадаетъ вліяніе аристократіи и борьбы личнаго и коллегіальнаго начала. «Въ царствованіе Екатерины II исчезаетъ политическій элементъ», говоритъ г. Щегловъ, «послѣ чего высшія учрежденія появляются уже съ монархическимъ характеромъ». Вопросъ объ олигархическихъ тенденціяхъ нашей аристократіи XVIII вѣка требуетъ еще всесторонняго разсмотрѣнія. Что эти тенденціи были у насъ,

какъ были они во всякой странѣ, гдѣ на лицо крупная зажиточная аристократія, въ этомъ нельзя сомнѣваться, но за то нельзя выставлять, какъ доказанное положеніе, вліяніе олигархическихъ тенденцій на образованіе высшихъ совѣтовъ при Монархѣ въ первой половинѣ XVIII в. Излагая рядъ историческихъ фактовъ, относящихся къ дѣятельности подобныхъ совѣтовъ, авторъ совершенно упускаетъ изъ вниманія, что онъ пишетъ не только историческое, но историко-юридическое изслѣдованіе. Отсутствіе юридической квалификаціи мѣшаетъ автору выяснитъ дѣйствительную юридическую природу каждаго изъ этихъ установленій. Такъ въ числѣ специфическихъ недостатковъ сказанныхъ учреждений, недостатковъ, объясняемыхъ только переходнымъ характеромъ XVIII в., г. Щегловъ видитъ смѣшеніе въ одномъ учрежденіи функцій законодательства, суда и управленія. Но есть ли это недостатокъ только нашихъ русскихъ учреждений? Изслѣдователь различныхъ законодательныхъ и законсовѣщательныхъ собраній долженъ былъ бы знать, что и до появленія теоріи раздѣленія властей и послѣ ея появленія смѣшеніе функцій власти имѣетъ мѣсто въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія не выдержитъ критики профессора Щеглова ни англійскій парламентъ во все время его существованія и ни одинъ изъ парламентовъ континента, наконецъ нашъ современный Государственный Совѣтъ также вѣдаетъ дѣла, относящіяся къ законодательству, суду и администраціи (см. Учр. Госуд. Сов. изд. 1892 г., ст. 23). Мало этого, въ Сенатѣ и Синодѣ, этихъ высшихъ у насъ правительственныхъ установленій, мы найдемъ и функціи суда и функціи администраціи и функціи, имѣющія отношеніе къ законодательству (иниціатива закона, толкованіе закона, обнародованіе закона). Юристъ не испугается смѣшенія различныхъ предметовъ въ компетенціи того или другого учрежденія. Задача его опредѣлить характеръ и степень власти въ разрѣшеніи дѣлъ, ввѣренныхъ каждому учрежденію. На стр. 4 и 5 г. Щегловъ совершенно вѣрно причину возникновенія всѣхъ совѣтовъ XVIII в. считаетъ нужнымъ искать «въ необходимости имѣть, кромѣ Сената, еще спеціальное высшее учрежденіе, которое могло бы явиться непосредственнымъ помощникомъ Государя въ важнѣйшихъ дѣлахъ управленія: законодательства, верховнаго контроля и высшей администраціи». Появленіе такой мысли въ ходѣ нашего Государственного устройства является доказательствомъ стремленія самодержавной власти обставить себя такою компетентною коллегіею. Это желаніе самихъ Самодержцевъ совершенно не согласуется съ утвержденіемъ г. Щеглова, что совѣты при Екатеринѣ II появляются уже съ «монархическимъ характеромъ». Терминъ «монархическій» авторъ очевидно хочетъ противоположить термину «олигархическій», хотя прямо это не выражаетъ. Если это такъ, то можно ли на основаніи историческихъ данныхъ

дать такое юридическое опредѣленіе всѣхъ совѣтовъ первой половины XVIII в., какъ совѣтовъ съ олигархическимъ характеромъ. Терминъ «олигархія», «олигархическій» и примѣненіе ихъ къ извѣстному строю или учрежденію не обозначаетъ еще простаго факта: захвата власти нѣсколькими лицами. Всякое юридическое понятіе не можетъ быть выведено только изъ одного факта, фактъ не создаетъ еще права. Фактическое господство въ Россіи Бирона и Аракчеева не отиѣнило «самодержавія», какъ юридическій принципъ. Герцогъ Курляндскій и генералъ отъ артиллеріи Аракчеевъ управляли Россіею отъ имени ея самодержавныхъ властителей: и тотъ и другой имѣли извѣстное полномочіе отъ власти. Точно также терминъ олигархія въ юридическомъ изслѣдованіи долженъ быть употребленъ не въ смыслѣ фактическаго отношенія, а въ смыслѣ отношенія юридическаго, въ смыслѣ права извѣстнаго класса или сословія на властвованіе въ государствѣ и въ смыслѣ соответствующей этому праву обязанности самодержавія подчиняться этому праву. Можно ли найти такое юридическое отношеніе въ нашемъ правѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка? Одинъ моментъ нашей исторіи можетъ остановить въ этомъ отношеніи вниманіе юриста, это воцареніе Анны Иоанновны. Кондиціи, на которыхъ ей предложенъ былъ престолъ, на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ юридическое ограниченіе самодержавной власти. 28 февраля 1730 г. съ изданіемъ манифеста о воспріятіи самодержавія и учиненіи вновь «присяги» олигархія кончаетъ свое кратковременное существованіе. Почему же эта добившаяся самодержавія Императрица всетаки обращается къ помощи Кабинета, какъ совѣта при ея особѣ. Неужели самодержавная власть создастъ сознательно учрежденіе съ олигархическимъ характеромъ. Вся исторія Кабинета не даетъ никакого сомнѣнія, что это учрежденіе создано въ интересахъ самой монархической власти въ той же мѣрѣ, въ какой возникали на западѣ Европы королевскіе и другіе тайные и верховные совѣты. Знаменитая формула англійскаго права: король въ парламентѣ и король въ совѣтѣ (*king in parliament and king in council*) показываетъ 2 способа разрѣшеній дѣлъ въ государствѣ: первое коллегіальное учрежденіе ограничиваетъ власть короля въ пользу тѣхъ высшихъ классовъ, которые засѣдаютъ въ парламентѣ; вторая коллегія, совѣтъ, усиливаетъ власть короля, она вооружаетъ его извѣстными средствами, въ видѣ совѣтовъ, для управленія государствомъ и борьбы съ олигархическими стремленіями парламента. Такое положеніе совѣта короля подтверждается стремленіемъ парламента вліять на назначеніе совѣтниковъ короля. Можно было бы пройти по исторіи всѣхъ государствъ Западной Европы, въ эпоху образованія королевскихъ совѣтовъ и вездѣ можно найти подтвержденіе мысли, что совѣтъ возникаетъ въ интересахъ монархическихъ, а не олигархическихъ: первоначальная *curia regis*, совѣтъ васса-

ловъ, возникаетъ въ интересахъ сюзерена; вассалы обязаны являться въ совѣтъ короля для оказанія ему помощи (cour, plaïd, ost). Присутствіе въ нашихъ совѣтахъ XVIII вѣка родовитой аристократіи объясняется тѣмъ, что наше дворянство всетаки было самый образованный классъ, хотя бы все это образованіе сводилось къ умѣнію читать и писать. На ряду съ старыми дворянскими фамиліями (Долгорукие, Голицыны) стоятъ выходцы изъ другихъ сословій, какъ Меньшиковъ и иностранцы. Обѣ послѣднія категоріи членовъ совѣтовъ попадаютъ въ совѣтъ по тому же основанію: большая образованность въ сравненіи съ другими сословіями. На этомъ основаніи и на основаніи матеріала, собраннаго г. Щегловымъ, можно придти къ совершенно обратному заключенію о взаимномъ отношеніи совѣтовъ первой и второй половины XVIII вѣка. Терминъ «политическій характеръ», который исчезаетъ у совѣтовъ царствованія Екатерины II и который присущъ очевидно по мнѣнію г. Щеглова совѣтамъ первой половины XVIII в., слѣдовало бы употреблять съ большою осторожностью. Въ исторіи государственнаго права, начиная съ Петра I и до Екатерины II, самый характеръ самодержавной власти, вышедшей изъ борьбы съ разными социальными элементами, какъ то мѣстный сепаратизмъ, боярство, духовенство, борьбы, которую вели московскіе государи, этотъ характеръ нисколько не измѣнился. Всѣ учрежденія этого періода тяготѣли къ совершенному опредѣленному началу безконтрольной, не сдерживаемой никакими юридическими нормами самодержавной власти лицъ, занимающихъ тѣмъ или инымъ способомъ императорскій престолъ. Ни одно изъ учрежденій первой половины XVIII в. такого политическаго характера, какъ полагаетъ г. Щегловъ, не имѣло. Всемогущество власти, отсутствіе какихъ либо юридическихъ гарантій въ общественномъ мнѣніи, когда такое могло проявиться, никогда не подвергались сомнѣнію. Доказательствомъ можетъ служить та же исторія съ кондичіями Анны Іанновны. Замыслы верховниковъ, т. е. самая идея юридическаго ограниченія власти ни въ одномъ изъ нашихъ классовъ общества успѣха не имѣла. Иной характеръ мы видимъ во характерѣ идей и учрежденій царствованія Екатерины II. Вліяніе западно-европейской философіи и политической литературы сказывается уже на проектѣ Панина, на которомъ останавливается г. Щегловъ (стр. 19). Тутъ мысль совсѣмъ иная. Въ образованіи первыхъ совѣтовъ (у Щеглова, стр. 11, 13, 16) главную роль играли интересы самой власти, у Панина на первомъ планѣ интересы государства. Вліяніе идей просвѣщеннаго абсолютизма сказывается сильнѣе и сильнѣе и знаменуетъ собою поворотъ въ политическихъ идеяхъ нашего образованнаго общества: является мысль объ измѣненіи самаго характера власти, ея правъ и обязанностей. Подъ вліяніемъ новыхъ идей являются и новыя учрежденія, значительно измѣняющія характеръ

самодержавной власти, какъ комиссія по составленію уложеній; этимъ то идеямъ и этимъ новымъ учрежденіямъ по праву слѣдуетъ приписать безусловно политической характеръ. Такой же характеръ имѣли и тѣ совѣты, которые возникали въ проектѣ и на практикѣ въ царствованіе Екатерины II, учрежденія, проникнутыя тѣми же новыми идеями, учрежденія, которыя проф. Щегловъ хочетъ лишить политическаго характера.

Я остановился только на одной юридической сторонѣ вопроса, совершенно не касаясь самой исторіи нашего центрального управленія XVIII в. Очевидно самъ г. Щегловъ не можетъ серьезно предполагать, что первые 150 страницъ его труда даютъ намъ полную исторію этого управленія. Правда, на стр. 149 авторъ употребляетъ выраженіе «мы закончили изслѣдованіе исторіи русскаго высшаго управленія въ XVIII в.», но, очевидно, это своего рода *larsus linguae*, такъ какъ изслѣдованія исторіи высшаго управленія XVIII в. на первыхъ 150 стр. труда г. Щеглова нѣтъ, а есть только пересказъ перваго сочиненія того-же автора съ нѣкоторыми дополненіями, но безо всякаго юридическаго анализа самой природы различныхъ совѣтовъ XVIII в. При этомъ авторъ несомнѣнно долженъ былъ говорить о другихъ установленіяхъ, касаться Сената, какъ учрежденія, пережившаго всѣ эти быстро другъ друга смѣняющіе совѣты. Вся исторія нашего высшаго центрального управленія можетъ быть сведена къ исторіи Сената. Сенатъ и можетъ явиться тѣмъ юридическимъ основаніемъ, на измѣненіи власти котораго въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ или учреждений можно, говоря юридически, прослѣдить борьбу личнаго и коллегіальнаго начала въ нашемъ правѣ или юридическихъ отношеніяхъ, которыя опредѣляютъ организацію нашего высшаго государственнаго управленія. Характеристика отношеній Сената къ разнымъ Совѣтамъ XVIII в. чисто случайная, напр. на стр. 127 г. Щегловъ заявляетъ, что власть Сената ослаблялась Конференціею еще потому, что всѣ ея рескрипты, посылаемые въ разныя присутственныя мѣста, подчиненныя Сенату, должны быть немедленно исполняемы. Фактъ самъ по себѣ, какъ фактъ исторической, можетъ имѣть значеніе, но для юриста онъ не имѣетъ никакого значенія и ослабленія власти Сената въ этомъ юристъ усмотрѣть не можетъ, ибо юристъ, давая конференціи юридическую квалификацію совѣта при Самодержцѣ, не найдетъ ничего ужаснаго въ томъ фактѣ, что рескриптъ самодержца будетъ непосредственно исполняться на мѣстахъ, подчиненныхъ цѣлому ряду высшихъ установленій. Я нарочно выбралъ самый неяркій примѣръ изъ труда г. Щеглова, на которомъ можно увидать полное непримѣненіе юридическаго метода въ этомъ историко-юридическомъ изслѣдованіи. Но въ чемъ же состоитъ историческій методъ проф. Щеглова? Историческій методъ въ разбираемомъ сочиненіи заключается въ изложеніи организаціи и ком-

петенціи разныхъ совѣтовъ XVIII в., въ ихъ исторической послѣдовательности съ указаніемъ не постояннымъ, а случайнымъ на другія современныя имъ высшія установленія. Сравнить эпоху каждаго изъ этихъ установленій съ эпохой послѣдующаго установленія (напр. Верховнаго Совѣта съ эпохой Конференціи) по труду г. Щеглова нѣтъ никакой возможности. Въ сочиненіи г. Щеглова нельзя найти ни характеристики общихъ политическихъ идей всей эпохи, которыя во всей своей совокупности вліяли на послѣдующую эпоху, нѣтъ въ этомъ сочиненіи и характеристики частныхъ политическихъ и юридическихъ понятій, которыя опредѣляли возникновеніе того или другаго совѣта XVIII в. Къ этому можно прибавить, что, читая трудъ г. Щеглова, совершенно недоумѣваешь, что онъ ищетъ въ XVIII в., прототиповъ ли государственнаго совѣта, какъ преимущественно законсовѣщательнаго учрежденія, или вообще особья формы высшихъ совѣтовъ при монархахъ, которые помогали имъ нести бремя самодержавія по всѣмъ частямъ государственнаго устройства и управленія. Не выяснивъ себѣ этой методологической задачи, авторъ совершенно теряетъ нить въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и главнымъ послѣдствіемъ этой неопредѣленности понятій является ошибочная характеристика взаимнаго отношенія разныхъ высшихъ установленій. Возьмемъ для примѣра стр. 51—52, гдѣ на основаніи словъ Екатерины II и Панина дѣлается характеристика отношеній Сената и Конференціи при началѣ царствованія Елизаветы. Въ концѣ страницы 51 г. Щегловъ говоритъ, что Сенатъ въ первую половину этого царствованія былъ въ одно и то же время законодательнымъ, судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ. Съ 1757 г. возвышается «Конференція, образованная вмѣстѣ съ возстановленнымъ Елизаветою Петровною Сенатомъ, отгѣсненная на второй планъ его могуществомъ». Перевертываемъ страницу и читаемъ, что при Елизаветѣ Петровнѣ дѣйствовалъ еще «частный Кабинетъ Императрицы», который, по выраженію Панина, былъ злключительнымъ интерваломъ между государемъ и правительствомъ. Указавъ на такое значеніе Кабинета Императрицы, г. Щегловъ переходитъ прямо къ изложенію организаціи Конференціи. Что можно вынести изъ подобной исторической характеристики отношеній трехъ высшихъ установленій въ царствованіе Елизаветы? Съ одной стороны какое то «могущество Сената», отгѣсняющее на второй планъ Конференцію, а съ другой тайный Кабинетъ, который посылалъ въ всѣ мѣста указы, а Сенату только копія, слѣд. могущество было не у Сената, а у тайнаго Кабинета. Почему эти два учрежденія уступили могущество Конференціи, авторъ не выясняетъ. Въ этой путаницѣ понятій виноватъ самъ проф. Щегловъ. Мнѣнія современниковъ Елизаветы Петровны, а именно Екатерины II и Панина освѣщаютъ все это очень простымъ образомъ. Необъяснимое авто-

ромъ могущество Сената, второстепенное положеніе Конференціи, особое значеніе тайнаго Кабинета, все объясняется личностью самой Императрицы. Нежеланіе Императрицы записаться дѣлами управленія является причиною того, что совѣты, состоящіе при ея особѣ, играютъ сравнительно незначительную роль: вся сила власти переходитъ къ единственному существующему самостоятельно высшему учрежденію — Сенату. Тайный Кабинетъ рѣшаетъ только нѣкоторыя дѣла — главнымъ образомъ флотъ и горное дѣло, которые почему то болѣе интересуютъ Императрицу. Наступаютъ серьезныя затрудненія въ иностранной политикѣ, виѣшнимъ выраженіемъ которыхъ служитъ семилѣтняя война, и сама императрица поневолѣ вынуждена вѣдѣла сначала по виѣшной политикѣ, а затѣмъ и въ дѣла внутренняго управленія, немыслимо связанныя съ общимъ ходомъ виѣшнихъ отношеній. Необходимость носительницѣ самодержавія самой заниматься дѣлами оживляетъ совѣтъ при ея особѣ, такъ называемую Конференцію. Проф. Щегловъ не можетъ найти должнаго пути приложенія своего историческаго метода къ изслѣдованію нашего высшаго управленія XVIII в., потому что онъ не знаетъ, чего онъ самъ ищетъ. Если въ разсматриваемую эпоху онъ хочетъ открыть, какое учрежденіе имѣло законосовѣщательныя функціи, то получится отвѣтъ: и Сенатъ, и Кабинетъ, и Конференція. Если онъ захочетъ узнать, какое изъ учрежденій имѣло значеніе высшаго центральнаго установленія, то на это отвѣта получить нельзя, ибо высшею распоряжающею волею въ государствѣ была всетаки одна воля Императрицы и каждое изъ названныхъ учрежденій легко можетъ быть объяснимо по соображенію со всѣмъ политическимъ строемъ Елизаветинской эпохи. Остановившись подробно на этомъ примѣрѣ, я имѣлъ цѣлью показать несостоятельность научныхъ приѣмовъ изслѣдованія въ разбираемомъ сочиненіи. Подобное обращеніе съ весьма цѣннымъ матеріаломъ, весьма обстоятельно собраннымъ г. Щегловымъ въ своемъ сочиненіи, не можетъ дать никакихъ научныхъ выводовъ. Тѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ заключеніи къ своему сочиненію, совершенно могутъ быть опровергнуты на основаніи самой книги г. Щеглова. Это я старался показать, говоря о двухъ выводахъ автора: о вліяніи аристократіи и о политическомъ характерѣ высшихъ учрежденій первой половины XVIII в. Обѣ эти черты вмѣстѣ съ борьбою личнаго и коллегіальнаго начала не имѣютъ, по мнѣнію г. Щеглова, вліянія на образованіе учрежденій во второй половинѣ XVIII в. О послѣдней чертѣ нашего высшаго управленія г. Щегловъ говоритъ очень мало (стр. 13) и ничѣмъ не мотивируетъ это очень странное положеніе. Борьба личнаго и коллегіальнаго начала сказывается сильно именно въ концѣ XVIII в. въ царствованіе Екатерины II и въ особенности съ самаго начала XIX вѣка со времени учрежденія министерствъ.

Такова общая характеристика примѣненія историческаго метода въ главнѣйшей исторической части труда проф. Щеглова.

Относительно историческихъ причинъ, обусловливающихъ появленіе Государственнаго Совѣта при Александрѣ I, авторъ говоритъ въ I и IV главахъ. Въ первой главѣ авторъ объясняетъ первое учрежденіе Государственнаго Совѣта, который онъ называетъ всюду «непремѣннымъ», въ IV главѣ онъ говоритъ объ образованіи Государственнаго Совѣта въ 1810 г.

Въ первую эпоху реформъ царствованія Императора Александра г. Щегловъ на первый планъ выдвигаетъ, какъ дѣятельную историческую причину, политическія воззрѣнія самого Императора. Указаніе на воспитаніе, характеръ и политическіе взгляды Императора, характеристика какъ его ближайшихъ сотрудниковъ, такъ и характеристика противниковъ реформъ, затѣмъ изложеніе состоянія государственнаго управленія Россіи при восшествіи на престолъ Императора, роль ближайшаго совѣта Государя (Новосильцевъ, Строгоновъ, Кочубей и Чарторыжскій) въ преобразованіи совѣта, сената и министерствъ — все это занимаетъ въ трудѣ г. Щеглова весьма небольшое мѣсто, а именно 12 страницъ. Сжатость изложенія еще не даетъ намъ права осуждать автора; гораздо важнѣе упрекъ, который ему можно сдѣлать за недостаточное примѣненіе обоихъ методовъ къ изученію взглядовъ Императора. Для точнаго историко-юридическаго изслѣдованія нельзя ограничиться, какъ это дѣлаетъ г. Щегловъ (стр. 151), однимъ указаніемъ, что великіе князья Александръ и Константинъ были воспитаны въ духѣ принциповъ XVIII в. Нельзя говорить *вообще* о принципахъ XVIII в., даже поясняя ихъ, какъ это дѣлаетъ намъ авторъ, что это представленія объ общемъ благѣ, гражданской свободѣ, равенствѣ всѣхъ людей и т. д. Нельзя говорить это, потому что въ концѣ XVIII в. во Франціи подъ общимъ знаменемъ свободы, равенства и братства сошлись люди самыхъ разнообразныхъ и политическихъ и соціальныхъ взглядовъ. Монтескье, Вольтеръ, Руссо — три писателя, творенія которыхъ служили одинаково евангелиемъ въ эпоху революціи, рѣзко различались другъ отъ друга по политическимъ и соціальнымъ взглядамъ. Аристократія, буржуазія и демократія находили своего пророка въ лицѣ Монтескье, Вольтера и Руссо. Пять революціонныхъ конституцій (1789, 1791, 1793, 1795, 1799) очень различны между собою. Эта чисто политическая сторона конца XVIII в., къ сожалѣнію, мало обращала на себя вниманіе какъ историковъ, такъ и юристовъ. Изслѣдованіе самихъ текстовъ революціонныхъ конституцій, не столько законодательныхъ памятниковъ, сколько трактатовъ по государственному праву, даетъ намъ возможность понять глубокое различіе взглядовъ на природу и характеръ дѣятельности государства среди лицъ, повидимому одинаково исповѣдовавшихъ принципы 1789 года. Историкъ, из-

слѣдуя чужеземное вліяніе, не можетъ игнорировать дѣйствительнаго возникновенія извѣстныхъ политическихъ идей и учреждений на ихъ родинѣ и затѣмъ онъ долженъ показать, что и какъ отразилось въ странѣ заимствованія. Точный анализъ идей въ мѣстѣ ихъ возникновенія, поможетъ разобраться въ идеяхъ страны заимствованія. Проф. Щегловъ и въ первой главѣ и въ четвертой главѣ, когда говоритъ о взглядахъ, не дѣлаетъ никакой попытки къ подобному анализу, и это вредно отражается на выводахъ и заключеніяхъ автора. Почти тождественно дѣятельность Императора (стр. 155) и Сперанскаго (стр. 362—365) г. Щегловъ считаетъ непослѣдовательною. Императоръ началъ съ широкими реформами и борьбою съ произволомъ, а кончилъ Аракчеевымъ. Сперанскій пишетъ, что всякое правленіе должно быть законнымъ и основано на волѣ народа, а самъ устраиваетъ государственный совѣтъ, а не народное представительство. Едва ли двойственностью характера Императора Александра можно объяснить всю перемѣну его политики. Императоръ все время жилъ и интересовался дѣлами Западной Европы, слѣдовательно и всѣ главнѣйшія теченія политическихъ взглядовъ отражались на немъ. Жестокая критика, которой подвергалась французская революція, а вмѣстѣ съ нею и всѣ принципы XVIII в. въ самой Франціи (Де-Местръ, Бональдъ), Англіи (Брумъ), Швейцаріи (Галлеръ) и Германіи (Гентцъ), не могла пройти безслѣдно для Императора. Даже тотъ матеріалъ, тѣ сочиненія, на которыя ссылается проф. Щегловъ, могли бы дать ему основаніе для болѣе точной характеристики вліянія весьма важнаго фактора въ образованіи нашихъ высшихъ учреждений XIX вѣка, а именно фактора заимствованія чужеземныхъ идей. Отъ профессора государственнаго права скорѣе, чѣмъ отъ обыкновеннаго историка, можно было бы ждать точнаго юридическаго анализа, какія именно политическія идеи и какъ вліяли на нашихъ государственныхъ дѣятелей. И иностранная литература и наша заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для сужденія о политическихъ идеяхъ XVIII и начала XIX в. Недостаточность юридическаго анализа отражается напр. на сбивчивости очень важныхъ понятій о законѣ и законности, о которыхъ говоритъ г. Щегловъ, какъ объ основныхъ началахъ дѣятельности Императора Александра I. Законъ, въ общемъ употребленіи этого слова почти во всѣ историческія эпохи, понимался какъ велѣніе верховной власти государства, въ эпоху революціи законъ понимался въ особомъ специфическомъ значеніи этого слова, а именно слова «законъ» часто разумѣлось какъ «конституція», т. е. совокупность юридическихъ нормъ, стоящихъ выше верховной власти въ государствѣ. Только при такомъ объясненіи можно понять страницу 156 сочиненія г. Щеглова, гдѣ онъ говоритъ о взглядахъ Императора на законность и законъ. Съ общепринятой точки зрѣнія нельзя

понять, почему, желая упрочить законность, Императоръ ставитъ законъ выше своей власти. Понять это можно только произведя юридическій анализъ взглядовъ той эпохи. Неясность взглядовъ автора особенно сказывается на характеристикѣ сторонниковъ и противниковъ реформъ Императора Александра I. На стр. 158 въ члены консервативной партіи на ряду съ Троицкимъ и Державинымъ попали гр. Воронцовъ, гр. Завадовскій и гр. Мордвиновъ. Едва ли возможно гр. Мордвинова записать прямо въ консерваторы. Самъ авторъ нѣсколько колеблется. Не могу не привести очень характерную въ этомъ отношеніи выдержку изъ сочиненія г. Щеглова: «Въ числѣ окружающихъ Александра лицъ въ первое время его царствованія были люди, искренно сочувствовавшіе преобразовательнымъ планамъ Государя и всегда готовые помогать ему при ихъ примѣненіи. То были представители новой либеральной партіи, раздѣлявшіе политическіе взгляды императора и много сдѣлавшіе при первыхъ его реформахъ: графъ Строгановъ, Новосильцевъ, графъ Кочубей и князь Чарторыйскій. Совершенно другого направленія были члены старой консервативной партіи, принадлежавшіе къ вельможамъ царствованія Екатерины II: Троицскій, Державинъ, графъ Воронцовъ, графъ Завадовскій, графъ Мордвиновъ. Последніе три сановника были по своимъ убѣжденіямъ ближе всѣхъ остальныхъ членовъ своей партіи къ взглядамъ Государя и его молодыхъ сотрудниковъ. Всѣ они желали того, чтобы въ управленіи былъ установленъ законъ и порядокъ твердый, неизмѣняемый, неколеблемый ничьимъ произволомъ». Изъ этихъ словъ трудно уяснить себѣ различіе между либеральною и консервативною у насъ партіею въ началѣ XIX в., а между тѣмъ авторъ правъ, что между вельможами царствованія Екатерины II и молодыми сотрудниками Императора было различіе во взглядахъ, и можно было бы автору доискаться сути этого различія, но авторъ долженъ былъ расширить поле изслѣдованія: онъ не только долженъ былъ идти во Францію посмотреть на различіе между Монтескье, Мабли и Руссо, но ему слѣдовало бы заглянуть въ Англію, которая не только черезъ посредство Монтескье, но и сама непосредственно вліяла на политическіе взгляды нашихъ вельможъ XVIII в. Воронцовъ, Мордвиновъ, именно, могли считаться англomanами и такая ихъ характеристика можетъ объяснить рядъ указанныхъ выше противорѣчій, а именно, почему они были консерваторами, т. е. противниками, какъ вся Англія, принциповъ 1789 г. и почему они желали законности? Я не буду останавливаться на мелочныхъ замѣчаніяхъ, которыхъ можно привести очень много въ подтвержденіе указаннаго невѣрнаго употребленія научныхъ методовъ (въ особенности странный выводъ въ концѣ 163 стр. о вліяніи старой партіи на Государя, желавшей начать реформы съ Сената, а потому она приняла ближайшее участіе въ реформѣ Совѣта, съ котораго

и начались реформы). Я и такъ слишкомъ долго остановился на этихъ 12 страницахъ сочиненія г. Щеглова, изъ которыхъ читатель долженъ подчерпнуть свѣдѣнія объ историческихъ причинахъ возникновенія не только государственнаго совѣта, но и другихъ новыхъ учрежденій (министерства и комитета министровъ). Чтобы покончить съ этой исторической частью изслѣдованія г. Щеглова, я теперь же скажу нѣсколько словъ о четвертой главѣ его труда. Въ этой главѣ выясненію характерныхъ чертъ второй эпохи реформъ Императора Александра I и характеристикѣ общихъ взглядовъ Сперанскаго на необходимыя преобразованія въ высшемъ управленіи Россіи до 1809 г. посвящено всего 4 стр. Далѣе слѣдуетъ весьма интересное сопоставленіе взглядовъ Сперанскаго на значеніе государственнаго совѣта по проекту уложенія государственныхъ законовъ и по его «запискѣ о необходимости учрежденія государственнаго совѣта» (всего 11 стр.). Этимъ вся историческая часть, т. е. изслѣдованіе причинъ возникновенія государственнаго совѣта, оканчивается. Сопоставленіе взглядовъ Сперанскаго по двумъ его запискамъ сдѣлано безъ всякой критики юридическаго значенія этихъ взглядовъ. Главная задача автора прослѣдить, что изъ первой записки и въ какомъ видѣ вошло во вторую записку. Обращаясь къ 4-мъ первымъ страницамъ 4-й главы, мы сразу встрѣчаемъ такое положеніе, которое въ видѣ исторической характеристики, едва ли можетъ имѣть какое либо научное значеніе. Привожу буквально это мѣсто (стр. 357): «Характерною чертою всѣхъ реформъ Александра I въ высшемъ русскомъ управленіи во второй періодъ его преобразовательной дѣятельности была, съ одной стороны, внутренняя связь ихъ съ предшествовавшими административными реформами. При преобразованіи государственнаго совѣта и министерствъ въ 1801—1811 гг. въ устройство были внесены тѣ необходимыя измѣненія въ организаціи этихъ учрежденій, которыя были намѣчены Сперанскимъ въ 1809 г. Но, кромѣ того, что реформы 1810—1811 г. были продолженіемъ преобразованій 1801—1802 г., въ первыхъ выражается теперь еще новая черта, почти неизвѣстная при образованіи непрѣмьнаго совѣта, министерствъ и сената въ началѣ царствованія Александра I. Мы говоримъ о томъ сильномъ вліяніи на реорганизацію высшихъ учрежденій иностранныхъ (французскихъ) образцовъ, которое произвелъ на нихъ «Проектъ уложенія государственныхъ законовъ» Сперанскаго». На стр. 362 г. Щегловъ утверждаетъ, что Сперанскій думалъ о преобразованіи высшихъ государственныхъ учрежденій въ духѣ западно-европейскомъ задолго до поѣздки въ Эрфуртъ 1809 г., «когда Сперанскій познакомился съ французскими учрежденіями». Что это за французскія учрежденія, съ которыми познакомился Сперанскій въ Эрфуртѣ и могъ ли онъ видѣть въ Эрфуртѣ «французскія учрежденія» настолько, чтобы съ ними

познакомиться? Г. Щегловъ намъ это не объясняетъ, равно какъ онъ болѣе, чѣмъ я указалъ, и не пытается объяснить причины возникновенія взглядовъ Сперанскаго. Политическіе взгляды Сперанскаго, памяти котораго г. Щегловъ посвящаетъ свой трудъ, очень неясны и производятъ, какъ я выше говорилъ, впечатлѣніе совершенно необъяснимаго противорѣчія. Личность гр. Сперанскаго, равно какъ личность Императора Александра I, имѣютъ право претендовать на болѣе подробный юридическій анализъ возникновенія и существа ихъ политическихъ взглядовъ. Вельможи царствованія Екатерины, молодые совѣтники начала XIX в. и Сперанскій одинаково находились подъ вліяніемъ идей XVIII в., но какихъ идей — это необходимо выяснитъ въ историко-юридическомъ изслѣдованіи. Гр. Сперанскій, создатель нашей бюрократіи, вовсе не является какимъ то мѣняющимъ свои взгляды человѣкомъ при ближайшемъ анализѣ его основнаго политическаго міросозерцанія. Подобный анализъ могъ бы дать весьма плодотворные результаты, вполне умѣстные въ сочиненіи, посвященномъ памяти гр. Сперанскаго. Эрфуртъ имѣлъ вліяніе на Сперанскаго, но не то, о которомъ думаетъ г. Щегловъ. Въ Эрфуртѣ Сперанскій не знакомился съ французскими учрежденіями, а онъ укрѣпился въ своихъ взглядахъ на характеръ государственныхъ учреждений, благодаря увлеченію личностью Наполеона и духомъ императорской конституціи. Конституціею Имперіи была въ сущности конституція 1799 года, авторомъ которой былъ аббатъ Сійесъ, горячій дѣятель въ началѣ революціи, инициаторъ обращенія земскихъ чиновъ Франціи въ національное собраніе (1789 г.). Какъ дѣятельность Сійеса, проявившаяся въ 1789 и 1799 гг., только на первый взглядъ противорѣчитъ сама себѣ, а въ сущности имѣетъ ту же самую основу — желаніе создать прочный порядокъ въ государствѣ, такъ и Сперанскій всегда въ сущности былъ вѣренъ мысли, высказанной имъ въ письмѣ Государю: «Весь разумъ сего плана», писалъ потомъ Сперанскій изъ Перми государю, «состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы» (г. Щегловъ, стр. 362). Какъ Сійесъ по убѣжденію пришелъ къ необходимости выдумать особую государственную машину, совершенно игнорируя социальную организацію общества, такъ и Сперанскій, видя несовершенство нашихъ общественныхъ классовъ, по убѣжденію полагалъ всю надежду въ усиленіи власти и въ созданіи бюрократіи, какъ опоры власти. Болѣе точный и именно юридическій анализъ взглядовъ Сперанскаго долженъ былъ бы найти себѣ мѣсто въ трудѣ г. Щеглова.

Таковы результаты исторической части изслѣдованія проф. Щеглова.

Обратимся теперь къ самой, по мнѣнію автора, важной части, а именно догматическому изложенію дѣятельности различныхъ высшихъ нашихъ установленій XIX в. Обзору дѣятельности различныхъ высшихъ нашихъ установленій посвящено очень много страницъ. Три главы (2, 3 и 5) сплошь посвящены догматическому изложенію предметовъ вѣдомства государственнаго совѣта. Кромѣ того, конецъ I-й и конецъ IV главъ посвящены также обзору законодательной дѣятельности Комитета Министровъ.

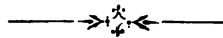
Г. Щегловъ государственный совѣтъ въ періодъ до 1810 г. называетъ вездѣ «непремѣннымъ Совѣтомъ». 26 марта 1801 г. послѣдовалъ указъ Сенату объ упраздненіи прежняго совѣта, учрежденнаго въ 1768 г. Императрицею Екатериною II и продолжавшаго существованіе при Императорѣ Павлѣ I, а 30 марта послѣдовалъ указъ объ учрежденіи новаго Совѣта, и 5 апрѣля данъ ему установленію наказъ. Ни въ указѣ объ образованіи Совѣта, ни въ наказѣ ему новый Совѣтъ не названъ государственнымъ, но отсутствіе прямо выраженнаго въ законѣ именованія его государственнымъ, еще не даетъ права г. Щеглову присваивать ему терминъ «непремѣнный», ибо 1) въ первомъ журналѣ новаго Совѣта отъ 30 марта 1801 г., равно какъ и послѣдующихъ онъ названъ государственнымъ, 2) утвержденная 5 апрѣля 1801 г. вмѣстѣ съ наказомъ форма присяги для чиновъ новаго совѣта начинается словами: Мы, нижеподписавшіеся, бывъ призваны къ присутствію въ Государственномъ Совѣтѣ, общаемъ и т. д., 3) 9 апрѣля 1801 г. утвержденъ штатъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта, 4) въ Именномъ указѣ 3 мая 1804 г. изображено: генераль-отъ-инфантеріи Беклешову, опредѣленному Московскимъ военнымъ губернаторомъ, сохранить и прежнее его званіе члена Государственнаго Совѣта и 5) Именнымъ указомъ 25 іюля 1804 г. повелѣно — кн. Куракину, гр. Строганову и генералу Будбергу «присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ». Эти справки, мнѣ кажется, подтверждаютъ общеустановившееся въ литературѣ наименованіе совѣта, учрежденнаго въ 1801 г. Государственнымъ Совѣтомъ. Введеніе совѣтъ новаго въ литературѣ термина «непремѣнный Совѣтъ», который самъ императоръ употребилъ въ указѣ, какъ противоположность термину «временный Совѣтъ» едва ли оправдывается какими либо соображеніями научнаго характера. Далѣе терминологія г. Щеглова при догматическомъ изложеніи дѣятельности Государственнаго Совѣта возбуждаетъ большія сомнѣнія. Дѣятельность Государственнаго Совѣта до 1810 г. или, какъ называетъ г. Щегловъ, непремѣннаго Совѣта разсматривается въ двухъ главахъ (II и III), дѣятельность Государственнаго Совѣта послѣ 1810 г. разсматривается только по департаменту законовъ. Такимъ образомъ полнаго обзора дѣятельности Государственнаго Совѣта въ періодъ 1810—1825 гг. нѣтъ въ трудѣ

г. Щеглова. Правда, для того, чтобы установить «неоспоримый фактъ», которымъ заканчивается изслѣдованіе г. Щеглова, что и непремѣнный Совѣтъ и Государственный Совѣтъ — 2 формы одного и того-же высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, для этого не зачѣмъ было обозрѣвать всю дѣятельность Совѣта, въ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, спора въ литературѣ нѣтъ. Для того же, чтобы сдѣлать выводы вполне научнаго характера, для этого очевидно надо обозрѣть всю дѣятельность Государственного Совѣта. Проф. Щегловъ въ своей книгѣ касается только журналовъ Государственнаго Совѣта за 1810—1825 гг. по департаменту законовъ, изданныхъ въ 1874 году и совсѣмъ не касается (оставляя это, вѣроятно, до слѣдующаго выпуска) журналовъ департамента государственной экономіи, изданныхъ въ 1881 г. и журналовъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, изданія 1892 года.

То, что проф. Щегловъ считаетъ самою важною частью своего труда, — обзоръ дѣятельности непремѣннаго и Государственнаго Совѣта — то, къ сожалѣнію, совершенно не имѣетъ научнаго значенія. Авторъ потратилъ много труда и очень добросовѣстно выбираетъ наиболее выдающіяся дѣла изъ первыхъ выпусковъ (1874 г.) Тома IV архива Государственнаго Совѣта, придерживаясь той-же классификаціи, которая принята въ указанномъ официальномъ изданіи. Какъ въ области историческаго изслѣдованія г. Щегловъ мало обращаетъ вниманія на точность соблюденія научныхъ методовъ, такъ и въ области догматическаго изслѣдованія сказываются отсутствіе юридическаго анализа и юридическихъ приемовъ изученія явленій. Приемъ, которымъ пользуется авторъ, весьма оригиналенъ. Онъ рассказываетъ въ трехъ главахъ (II, III и V), какіе предметы обсуждались въ Государственномъ Совѣтѣ и какія высказывались мнѣнія, при этомъ совершенно забываетъ говорить, какъ доходило данное дѣло до Государственнаго Совѣта. Если держаться приемомъ г. Щеглова при изслѣдованіи всѣхъ учреждений, то получится, что между государственнымъ совѣтомъ, сенатомъ, комитетомъ министровъ, губернскими правленіями, совѣтами министерствъ, казенными палатами не будетъ никакого различія; мѣста какъ высшаго, такъ и мѣстнаго управленія, могутъ касаться почти тѣхъ же самыхъ предметовъ, весь вопросъ въ степени обсуждения и разрѣшенія дѣлъ; и въ казенной палатѣ можетъ обсуждаться въ общемъ присутствіи вопросъ о правахъ Сената по случаю возникшаго случая о сложеніи недоимокъ или утвержденіи торговъ, но если мы будемъ характеризовать дѣятельность казенныхъ палатъ и будемъ говорить, что многія казенныя палаты занимались обсужденіемъ компетенціи Сената, то мы очевидно можемъ породить недоумѣніе въ обществѣ, когда до него дойдетъ такое одностороннее научное обобщеніе. Такое значеніе имѣютъ тѣ мѣста изложенія г. Ще-

глова, въ которыхъ онъ не считаетъ нужнымъ указать путь, какимъ дѣло дошло до Совѣта. Приведемъ примѣры: на стр. 229 г. Щегловъ говоритъ о рѣшеніи совѣта о мызахъ, отобранныхъ у Лифляндскаго и Курляндскаго дворянства. Почему Совѣтъ рѣшалъ это. Есть ли это законодательный вопросъ, возникшій въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ или въ Сенатѣ, или это разсмотрѣніе жалобы на состоявшееся уже рѣшеніе, или, наконецъ, это дѣло, особо порученное Совѣту Государемъ. Обращаюсь къ подлинному дѣлу: оказывается жалоба, доставленная законнымъ образомъ на опредѣленіе 3 департамента Сената. Для того, чтобы выяснитъ юридическую природу Государственнаго Совѣта очевидно важно было указать не только на предметы, подлежащіе его обсужденію, но и способы этого обсуждения, въ особенности опредѣляющіе его юридическое значеніе. Провѣривъ всѣ приводимые г. Щегловымъ случаи, мы убѣдились, что по архиву Государственнаго Совѣта всегда можно прослѣдить точнымъ образомъ, какъ попало дѣло въ Государственный Совѣтъ. Проф. Щегловъ совершенно игнорируетъ эту важную юридическую сторону учрежденія. Богатый матеріалъ и матеріалъ уже сведенный въ официальномъ изданіи Архива Государственнаго Совѣта, которымъ пользовался проф. Щегловъ, могъ дать дѣйствительно важные научные результаты. По этому матеріалу можно нарисовать точную картину учрежденія, какъ извѣстнаго установленія опредѣленнаго юридическаго характера (отсутствіе самостоятельной исполнительной власти, объединеніе законодательства, судебная дѣятельность въ двухъ направленіяхъ: въ смыслѣ общаго руководства и въ смыслѣ разрѣшенія отдѣльныхъ казусовъ, финансовая власть, высшая администрація и т. д.). Авторъ не справился со своею задачею: его трудъ о Государственномъ Совѣтѣ въ царствованіе Императора Александра I не есть вовсе историко-юридическое изслѣдованіе, а лишь собраніе различныхъ весьма интересныхъ и добросовѣстно приведенныхъ свѣдѣній о нашихъ высшихъ учрежденіяхъ XVIII и первой четверти XIX в.

Трудолюбіе автора, тщательное изученіе первоисточниковъ и литературы впѣ всякаго сомнѣнія.

- I. Очерки изъ литературной исторіи Синодина. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы Е. В. Пѣтухова. Спб. 1895.
- II. Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Сообщеніе Е. В. Пѣтухова. Спб. 1893.

Рецензія профессора А. И. Соболевскаго.

I.

«Очерки изъ литературной исторіи Синодика» состоятъ изъ двухъ частей, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго, кромѣ названія памятниковъ въ нихъ изслѣдуемыхъ.

Первая часть посвящена чину православія на русской почвѣ. Профессоръ Пѣтуховъ, имѣя въ виду труды о. Никольскаго и проф. Успенскаго, ограничивается сличеніемъ русскихъ текстовъ чина православія и опредѣленіемъ ихъ отношенія другъ къ другу и къ греческимъ текстамъ. Сверхъ того, онъ издаетъ цѣликомъ старшій изъ русскихъ текстовъ, XIV—XV вѣка (Синодальной Библіотеки № 667), и даетъ рядъ замѣчаній объ его переводѣ, но не подвергаетъ разбору его языка и орфографіи. Между тѣмъ послѣдніе даютъ не лишеныя значенія данныя, позволяющія разрѣшить вопросъ о времени перевода и появленія его въ Россіи.

Какъ извѣстно, проф. Успенскій относитъ переводъ ко времени до 1450 года, а проф. Горчаковъ полагаетъ, что переводъ сдѣланъ въ концѣ XIV вѣка и принесенъ въ Россію митрополитомъ Кипріаномъ. Проф. Пѣтуховъ склоняется къ мнѣнію проф. Горчакова, считая синодальный списокъ относящимся къ началу XV вѣка. Данныя языка и орфографіи этого списка таковы. Отсутствіе юса большого, ѡнты и словъ съ рѣ вмѣсто ѡр, ѡр (трѣгъ, врѣхъ = торгъ, верхъ) и присутствіе словъ съ ѣ вмѣсто ѣ и съ ж вмѣсто жд (прѣходить, прѣже, угажаютъ) показываетъ, что до конца XIV вѣка или начала XV-го, когда былъ написанъ синодальный списокъ, средне-болгарскій текстъ чина успѣлъ уже сильно обрусѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ употребленіе (нерѣдко) ѣ-ря въ концѣ словъ вмѣсто ѣ-ра: восприяхомъ 4, праздуимъ 4 об., освящающихъ 13, въводящихъ 32, а вмѣсто ѣ,

у вмѣсто ю: вѣчнаа, писанья, суесловья, Мефодіу, Тарасіу, Николау, формъ въ родѣ сыновомъ 20 об., словъ въ родѣ божественное 5, естествоу 33, — не оставляетъ сомнѣнія въ происхожденіи русскаго текста отъ средне-болгарскаго оригинала. Въ виду этого мы должны отнести переводъ чина на церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода ко времени ранѣе половины XIV вѣка, а появленіе этого перевода въ Россіи — къ половинѣ того-же столѣтія, вообще ко времени до-киприановскому¹⁾.

II.

Вторая часть «Очерковъ», главная, посвящена книгамъ, которыя у насъ по преимуществу называются Синодиками.

Проф. Пѣтуховъ называетъ Синодикомъ всякую книгу, носящую заглавіе «Синодикъ», «Помянникъ» и т. д. Вслѣдствіе этого у него оказывается такая «редакція» Синодика, которая состоитъ лишь изъ «предисловія» да изъ перечней именъ (стр. 107—109). Но намъ кажется, историкъ литературы долженъ называть Синодиками лишь тѣ сборники, которые содержатъ въ себѣ статьи о поминовеніи усопшихъ, о загробной жизни, о кончинѣ и т. д., оставляя въ сторонѣ «Помянники» — перечни именъ, хотя бы съ «предисловіями». Во всякомъ случаѣ мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть въ виду лишь Синодики-сборники.

Какъ извѣстно, Синодики, какъ памятники литературы, до сихъ поръ не подвергались изслѣдованію. Правда, нѣкоторыя ихъ статьи (повѣсть о Щилѣ, Преніе живота со смертью) давно уже изданы и отчасти уже изслѣдованы; но въ цѣломъ Синодики до сихъ поръ обращали на себя вниманіе лишь изслѣдователей и любителей древне-русскаго искусства. Проф. Пѣтуховъ первый сдѣлалъ попытку ихъ изученія съ историко-литературной стороны, — за немногими исключеніями, по подлинникамъ, числомъ около 50. Онъ изложилъ содержаніе ихъ статей, указалъ литературные источники значительной части этихъ послѣднихъ, издалъ нѣкоторыя статьи, наконецъ, поставилъ вопросъ о редакціяхъ. Въ общемъ имъ пролито много свѣта на Синодики, и его трудъ долженъ быть признанъ полезнымъ вкладомъ въ науку.

Иное дѣло — частности.

Прежде всего вопросъ о томъ: чтó передъ нами — одинъ сборникъ въ разныхъ редакціяхъ, или нѣсколько возникшихъ независимо другъ отъ друга

1) Повидимому, чинъ православія — одинъ изъ старшихъ южно-славянскихъ текстовъ, перешедшихъ въ Россію въ XIV вѣкѣ (сравни данныя въ нашей брошюрѣ: «Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ». Спб. 1894).

сборниковъ однороднаго содержанія, съ тѣмъ или другимъ количествомъ общихъ статей? ¹⁾ Этотъ вопросъ проф. Пѣтуховымъ не только не разрѣшенъ, но даже и не поставленъ. Онъ а ргіогі говоритъ о Синодикѣ разныхъ редакцій, не о Синодикахъ; но изъ его изложенія не видно, какое онъ имѣетъ основаніе для этого. Напротивъ, мы у него читаемъ: «положительно можно сказать, что нельзя найти между ними (Синодиками) двухъ экземпляровъ, совершенно сходныхъ между собою»; «можно найти много отличій каждаго изъ нихъ ото всѣхъ остальныхъ какъ въ содержаніи, такъ и въ распредѣленіи матеріала»; «количество и объемъ какъ объяснительныхъ статей, такъ и рассказовъ сильно колеблются; иные экземпляры чрезвычайно обильны, другіе, наоборотъ, чрезвычайно скудны, хотя и тѣ и другіе несомнѣнно составлены по одному и тому же плану» (стр. 101). Проф. Пѣтуховъ ограничился описаніемъ самаго ограниченаго числа экземпляровъ. Изъ его труда мы еще можемъ узнать о статьяхъ прочихъ экземпляровъ (хотя для этого необходимо произвести довольно большую работу), но онъ не даетъ никакихъ данныхъ ни относительно распредѣленія этихъ статей, ни относительно рисунковъ, которыми изобилуютъ Синодики. Между прочимъ имъ не описанъ буслаевскій Синодикъ № 107, замѣчательный по своему составу и вполне заслуживающій описанія. Вѣшнія особенности рукописей обобщены проф. Пѣтуховымъ совершенно

Далѣе. Проф. Пѣтуховъ опускаетъ изъ виду рисунки Синодиковъ. По его мнѣнію, Синодики — памятники только литературы и ихъ рисунки представляютъ собою не что иное, какъ иллюстраціи къ тексту, въ служебной роли по отношенію къ послѣднему (стр. 322). Но порядочная часть статей Синодиковъ (кромѣ «предисловія»), и какъ разъ тѣ, которыя отличаются назидательнымъ содержаніемъ, имѣютъ видъ подписей къ рисункамъ. Они — сокращенія болѣе или менѣе длинныхъ рассказовъ Пролога, Великаго Зеркала и другихъ источниковъ, иногда даже — выписки (стр. 196, 204); «разница, читаемъ мы у проф. Пѣтухова, въ объемѣ и содержаніи источника и заимствованія изъ него представляется очень большая» (стр. 197). А рядомъ съ этими краткими статьями помѣщаются съ одной стороны рисунки безъ текстовъ (съ надписями и безъ нихъ), съ другой — иллюстрированные тексты значительной величины, но безъ назидательнаго содержанія (въ родѣ «Предорѣчія о году»).

Ясно, что составители Синодиковъ интересовались рисунками если не больше, то во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ текстомъ.

Позволительно думать, что они воспользовались готовыми «листами», т. е. рисунками съ надписями и подписями, отчасти рукописными, отчасти

¹⁾ Не излишне замѣтить, что эти статьи вполне обычны въ разнаго рода сборникахъ XVII—XVIII вѣковъ, и неиллюстрированныхъ, и особенно иллюстрированныхъ.

печатными (гравированными). Рукописные «листы», появившіеся у насъ подъ вліяніемъ и по образцу привозныхъ печатныхъ, въ первой половинѣ XVII вѣка пользовались въ Москвѣ распространеніемъ. Изъ опубликованныхъ И. Е. Забѣлинымъ данныхъ мы знаемъ, что въ 1632 году было куплено для царевны Ирины Михайловны, «для потѣхи», «листовъ бумаги нѣмецкой писаной», сначала 20, по двѣ деньги за листъ, потомъ еще 20, по двѣ же деньги, и 10, по три деньги; а въ 1634 году было приобрѣтено для царевича Алексѣя Михайловича 32 «листа писаныхъ» нѣмецкихъ и русскихъ¹⁾.

Два такихъ «листа», скорѣе начала, чѣмъ второй половины XVII вѣка, дошли до насъ въ Сборникѣ Публичной Библиотеки F. I. 324 (о которомъ мы будемъ говорить ниже). Одинъ изъ нихъ состоитъ изъ раскрашеннаго рисунка (изданнаго Буслаевымъ въ «Очеркахъ», I, 624), заключеннаго въ полууставной текстъ — рассказъ о юношѣ, соблазненномъ блудницею и выколовшемъ себѣ глазъ; другой, вполне однородный съ первымъ, той-же работы, содержитъ въ себѣ извѣстную притчу о житіи человѣческомъ. Сверхъ того, мы имѣемъ небольшое число рукописныхъ «листовъ» болѣе поздняго времени, старообрядческаго происхожденія; изъ извѣстныхъ намъ одинъ заключаетъ въ себѣ канонъ за усопшаго (36 рисунковъ, тѣхъ самыхъ, что въ Синодикахъ), другой — притчу о мытарѣ и фарисеѣ, третій — «Истинное начертаніе беззаконнаго суда на Христа, отъ іудей произнесеннаго, которое найдено въ Вѣнѣ въ землѣ на каменной доскѣ» (Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1890 годъ, стр. 328 и слѣд.); четвертый, очень недурной по исполненію, имѣетъ своимъ сюжетомъ темы изъ Апокалипсиса (въ музеѣ П. И. Щукина, въ Москвѣ)²⁾. Что до копій съ рукописныхъ «листовъ», то, вѣроятно, они находятся въ томъ или другомъ количествѣ въ многочисленныхъ иллюстрированныхъ сборникахъ XVII и XVIII вѣковъ; по крайней мѣрѣ копіи съ печатныхъ «листовъ», т. е. гравюръ московскихъ, кievскихъ и заграничныхъ въ послѣднихъ обычны³⁾.

Игнорированіе проф. Пѣтуховымъ рисунковъ въ Синодикахъ повело, между прочимъ, къ тому, что источники нѣсколькихъ синодичныхъ статей опредѣлены имъ невѣрно. Онъ самъ приводитъ данныя, на основаніи кото-

1) Нѣмецкіе писаные листы, — вѣроятно, копіи съ заграничныхъ гравюръ. Интересно, что продавцами «листовъ» въ Москвѣ были торговцы Овощнаго ряда, т. е. тѣ купцы, которые торговали привозными фруктами и сластями.

2) Чудовской іеродіаконъ Дамаскинъ въ началѣ XVIII вѣка посылалъ митрополиту новгородскому Іову «своего тѣцанія многія листы писанныя, въ лицахъ всѣ монастыри святогорскіе и церкви и трапезы и пещеры и скиты» (Яхонтовъ, Іеродіаконъ Дамаскинъ, С.-Петербургъ 1884).

3) Рукописные «листы» продавались въ Москвѣ еще въ 1731 году (Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, I, 169).

рыхъ можно сомнѣваться въ происхожденіи двухъ синодичныхъ разсказовъ прямо отъ повѣстей Великаго Зерцала (стр. 204). Мы можемъ указать еще на нѣсколько синодичныхъ разсказовъ, источникъ которыхъ проф. Пѣтуховъ видитъ въ повѣстяхъ Великаго Зерцала въ русскомъ переводѣ, но которые не только по изложенію, но и по подробностямъ не могутъ имѣть прямымъ источникомъ русскаго Зерцала; это разсказъ Синодика Ундольскаго № 1159 о нерадивомъ священникѣ, загнанномъ по смерти своими духовными дѣтьми въ адскій колодець, разсказъ того-же Синодика о дѣвицѣ, не исповѣдывавшейся стыда ради, разсказъ объ юношѣ, не уплатившемъ долга (у проф. Пѣтухова стр. 187, 180, 174; сравни Владимировъ, Великое Зерцало, стр. 90, 92, 94). Названныя статьи съ относящимися къ нимъ рисунками, по нашему мнѣнію, не что иное, какъ копія съ «листовъ», восходящихъ или къ юго-западно-русскимъ, или къ заграничнымъ гравюрамъ.

Далѣе. Опредѣленіе источниковъ статей въ Синодикахъ, занимающее видное мѣсто и составляющее наиболѣе цѣнную часть въ трудѣ проф. Пѣтухова, далеко не полно. Рядъ статей, происхожденія которыхъ автору открыть не удалось, болѣе длиненъ, чѣмъ бы слѣдовало. Несомнѣнно, проф. Пѣтуховъ просмотрѣлъ внимательно и Прологъ, и Великое Зерцало, и Небо Новое, и Звѣзду Пресвѣтлую; но едва ли имъ были наведены справки во всѣхъ Патерикахъ; греческаго сборника съ повѣстями отчасти западно-европейскаго происхожденія, выдержавшаго нѣсколько изданій въ XVII и XVIII вѣкахъ и хорошо извѣстнаго въ Москвѣ въ концѣ XVII и начала XVIII вѣка (онъ былъ переведенъ на русскій языкъ въ началѣ XVIII вѣка чудовскимъ іеродіакономъ Дамаскиномъ, но ни одного списка этого перевода мы пока не знаемъ) — *Ἀμαρτωλῶν σωτηρία* онъ не имѣлъ въ рукахъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ сдѣлалъ что-нибудь для опредѣленія источниковъ этихъ статей въ будущемъ, въ родѣ указанія на юго-западно-руссизмы и полонизмы. Онъ, напримѣръ, не отмѣтилъ, что разсказъ о царѣ Птоломееѣ, сопровождаемый рисункомъ съ изображеніемъ черепа, заключаетъ въ себѣ выраженіе «трупная голова» (въ значеніи: черепъ), которое есть не что иное, какъ польское *trupia głowa*. А между тѣмъ это выраженіе говоритъ о польскомъ происхожденіи гравюры — источника этого разсказа и рисунка (сравни Ровинскій, Русскія народныя картинки, III, 125).

Между прочимъ автору осталось неизвѣстнымъ, что «Предорѣчіе о году притчами», изданное имъ на стр. 378, есть не что иное, какъ часть обширной переводной статьи, которая въ наиболѣе чистомъ видѣ намъ извѣстна въ «Кругѣ Миротворномъ» бібліотеки Московской Духовной Академіи № 103, конца XVI — начала XVII вѣка; что статья «О осми седмицахъ, которыми исполняются гѣта человекѣмъ», изданная на стр. 381,

находится въ тѣсной связи съ переведенною съ греческаго статью «Филона врача и Упократія» о семи седмицахъ человѣческаго возраста (мы знаемъ одинъ списокъ — Толст. III, 70, л. 168, XVI вѣка); что очень близкое къ помѣщаемому въ синодическомъ предисловіи объясненіе, почему церковь установила поминать усопшихъ въ 3-й, 9-й и 40-й дни по смерти, издано въ X-й книгѣ загребскихъ Starin'ъ (по сербскому списку XVII вѣка), съ заглавіемъ: «О еже како измѣняется сѣме въ ложеснахъ женскихъ и (въ) коихъ днехъ оживляетъ и откуда третины и деветины и четыредесетины твореть умръшінь» (стр. 96—97).

Вопросъ о времени появленія Синодиковъ — сборниковъ статей о поминовеніи и проч. не сопровождается у г. Пѣтухова данными для рѣшенія. Онъ считаетъ старшимъ датированнымъ Синодикомъ Синодикъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 1144—633, относимый имъ къ 1599 году. Но эта рукопись не заслуживаетъ названія Синодика (это скорѣе — Помянникъ), и не такъ стара. Ея дата проф. Пѣтуховымъ прочитана невѣрно (она — 1659 годъ) и находящаяся въ перечнѣ умершихъ имена патріарха Іосифа и царицы Маріи (Ильичны), написанныя тѣмъ же почеркомъ, что и текстъ, ускользнули отъ его вниманія. Такимъ образомъ, старшимъ датированнымъ Синодикомъ является Синодикъ 1651 годъ, описанный Голышовымъ. Но мы можемъ указать одну данную, не лишенную значенія. Въ перечнѣ «истинныхъ» книгъ Кирилловой книги 1644 года, въ числѣ «книгъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ», рядомъ съ «Книгою о священствѣ», «Бесѣдами» Іоанна Златоуста на посланія апостола Павла и другими южно-русскими изданіями первой половины XVII вѣка, значится и «Синодикъ». О существованіи одного изъ синодичныхъ «предисловіи» въ спискѣ 1607—1612 года смотри ниже.

III.

Брошюра проф. Пѣтухова: «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка» заключаетъ въ себѣ текстъ остававшагося до сихъ поръ неизвѣстнымъ памятника русской литературы XVII вѣка (точнѣе — трехъ статей), съ предисловіемъ. Связь этого въ своемъ родѣ интереснаго произведенія съ Синодиками въ полномъ смыслѣ слова внѣшняя, даже съ точки зрѣнія проф. Пѣтухова. Она ограничивается тѣмъ однимъ, что памятникъ извлеченъ издателемъ изъ рукописи Публичной Библіотеки F. I. 324, которую онъ считаетъ Синодикомъ и которая, по нашему мнѣнію (смотри выше), заслуживаетъ лишь названіе сборника¹⁾. Предисловіе состоитъ 1) изъ опи-

1) Она сшита изъ нѣсколькихъ тетрадей разныхъ почерковъ, то полууставныхъ, то скорописныхъ, то съ рисунками, то безъ рисунковъ, причемъ каждую ея часть занимаетъ или одно болѣе крупное произведеніе, или группа мелкихъ статей.

санія рукописи, 2) изъ изложенія содержанія памятника и 3) изъ изслѣдованія, кто былъ его авторомъ. Описаніе рукописи не совсѣмъ полно: нѣтъ указанія на то, что въ одномъ изъ синодичныхъ предисловіи, находящихся въ началѣ рукописи, при поименованіи усопшихъ патріарховъ, послѣднее имя, написанное тѣмъ же почеркомъ, что и текстъ, — Іовъ, два же слѣдующія имени — Ермогенъ и Филаретъ — написаны уже другимъ почеркомъ, и что, слѣдовательно, эта часть рукописи относится къ 1607—1612 годамъ. Изслѣдованіе, приведшее издателя къ догадкѣ, что авторъ памятника (или одной изъ его частей) — одинъ изъ дѣятелей смутнаго времени князь И. А. Хворостининъ, произведено очень тщательно, но догадка на счетъ авторства князя Хворостинина едва ли можетъ выдержать критику. Она основана на существованіи въ какой-то теперь уже неизвѣстной рукописи, отмѣченной Строевымъ, сочиненія князя Хворостинина противъ протестантовъ. Но авторъ изданнаго проф. Пѣтуховымъ памятника говоритъ о себѣ, какъ о составителѣ какой-то книги противъ протестантовъ и латинянъ.

Въ заключеніе мы считаемъ своею обязанностью заявить, что труды проф. Пѣтухова вполне заслуживаютъ поощренія со стороны Академіи Наукъ.

